
ОГОНЁК
№ 21 МАЙ 1957
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Москва, Центральный стадион имени В. И. Ленина. Открытая галерея Малой спортивной арены.

Фото Ф. Акимова.

На первой странице обложки: Участницы театрального коллектива Дворца культуры Кировского района (Казань) Альфия Гайнутдинова и Бибинур Валиахметова в музыкальной комедии Д. Файзи «Башмачки».

Фото Я. Рюмкина.

На последней странице обложки: В горах Тянь-Шаня. Озеро ледника Иныльчек на высоте около 4 тысяч метров.

Фото М. Ануфрикова.

ОГОНЁК

№ 21 (1562) 19 МАЯ 1957

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

35-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

По приглашению Советского правительства СССР посетила с дружеским визитом Правительственная делегация Монгольской Народной Республики во главе с Председателем Совета Министров Ю. Цеденбалом. В составе делегации находился Первый секретарь Центрального Комитета Монгольской народно-революционной партии и член Президиума Великого Народного Хурала Д. Дамба и другие видные руководители МНР.

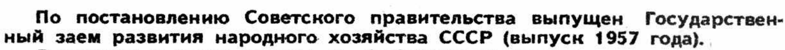
В Москве состоялись переговоры между Правительственными делегациями МНР и Советского Союза. Участники переговоров обменялись мнениями по вопросам дальнейшего развития братских советско-монгольских отношений и по некоторым проблемам, связанным с развитием современного международного положения. Переговоры протекали в сердечной и дружественной обстановке, в духе полного взаимопонимания.

15 мая в Большом Кремлевском дворце состоялся митинг, посвященный дружбе между народами Советского Союза и Монгольской Народной Республики. Н а с н и м к е: открытие митинга в Кремле.

Фото А. Новикова.

По постановлению Советского правительства выпущен Государственный заем развития народного хозяйства СССР (выпуск 1957 года).

В городах и селах страны, на фабриках, заводах, в колхозах и совхозах идет подписка на новый заем. Она развертывается в обстановке большого патриотического подъема. Подписываясь на новый заем, советские люди активно поддерживают свою родную Коммунистическую партию, свое Советское правительство. Они знают, что средства от займа служат делу дальнейшего укрепления могущества Родины, неуклонного повышения благосостояния народа.

Н а с н и м к е: в подмосковном совхозе имени М. Горького. На заем подписывается работница Н. Д. Киселева.

Фото Н. Кулешова (ТАСС).

На улицах Джакарты в день приезда К. Е. Ворошилова.

Пребывание К. Е. Ворошилова в Индонезии

НА ОСТРОВЕ ЯВА

А. СОФРОНОВ **Фото Дм. БАЛЬТЕРМАНЦА.**

Специальные корреспонденты «Огонька»

...Скрылась из глаз китайская земля, но в самолете продолжались воспоминания о Китае. Знающие китайский язык читали стихи и письма, адресованные Клименту Ефремовичу. Письма эти и стихи были наполнены большими чувствами и переживаниями. Из одного конверта выпала большая серебряная монета, фотография маленькой смеющейся девочки и письмо, написанное по-русски ее матерью. Привожу его целиком:

«Дорогой отец! Сердце мое полно любви и уважения к вам, вот почему я решила написать это письмо. В самый день вашего приезда мы с товарищами стояли на улице четыре часа подряд, чтобы вас приветствовать, чтобы вас увидеть. Но народу было так много, а я невысокого роста, притом вы проехали мимо нас очень быстро, так что я вас увидела, когда вы уже почти проехали. Но меня сильно волновало то, что вы приехали к нам, в нашу страну, наш дорогой и любимый отец! Мое волнение и любовь к вам трудно выразить даже на моем родном языке, не говоря уже о неродном для меня русском языке, но я уверена в том, что вы хорошо поймете меня, как и весь китайский народ. У нас общий язык, между нами братская дружба, наша конечная цель одна.

Разрешите мне представиться: на мою долю выпало счастье учиться русскому языку — языку передовой социалистической культуры, языку богатейшей художественной литературы, языку самой передовой науки и техники. Я очень люблю и крепко помню слова Маяковского: «Да будь я и негром преклонных годов, и то без унынья и лени я русский бы выучил только за то, что им разговаривал Ленин».

Я уже начала работать, хотя училась еще очень мало, всего два года, и я страстно люблю свою преподавательскую работу и готова отдать ей всю свою жизнь. Дарю вам на память китайское серебро, фотографию моей годовалой дочки, теперь ей уже год восемь месяцев. Вещи малы, но значение глубокое. Серебро — это подарок моей любимой мамы. Когда я праздновала свой день рождения в тысяча девятьсот сорок четвертом году, мама подарила мне это серебро и сказала: «Хорошо храни его. С того дня как ты родилась, оно все с тобой вместе, даже в самое трудное время я не продавала его. Сколько тебе лет, столько и ему лет, теперь и ему и тебе уже десять лет. Хорошо помните и слушайте нашего великого отца товарища Сун Ят-сена. Он всю жизнь отдал делу революции». После того как мама умерла, это серебро мне еще более дорого, даже дороже всего. Вот почему я сказала, что значение этого подарка глубоко. Хочу вам побольше написать, но знаю, что вы очень заняты, может быть, не до этого, притом мне трудно еще выразить свои мысли на русском языке. Вот и закончу. Извините, что вам мешала этим письмом, в котором, может, много ошибок. Вам горячий привет, всего хорошего. Ваша китайская дочка Чжан Мей-ин».

Кстати, в письме не было ни одной ошибки, и я рад привести его полностью, надеясь, что наш друг Чжан Мей-ин прочтет этот репортаж и узнает, что и товарищ Ворошилов и все его спутники были очень тронуты этим письмом.

На столиках в самолете лежали свежие номера московских журналов. В одном из них была статья о Василии Смыслове, ставшем в это время чемпионом мира по шахматам. Рассматривая журнал, Климент Ефремович сказал:

— Хорошие у нас шахматисты. Из семи чемпионов мира трое наши. Сколько лет Ботвинник был чемпионом?

— Девять лет,— напомнил Н. Т. Федоренко.

— С честью держал это знамя, молодец! И Смыслов молодец.

— Он еще и хорошо поет,— сказал В. П. Елютин.

— Главное, что он в шахматы замечательно играет,— тепло сказал Климент Ефремович.

В пассажирскую кабину вошел командир корабля тов. Сапеликин.

— Пошли над бирманской территорией,— сказал он.

Кто-то тяжело вздохнул: прощай, прохлада! И вот уже под крыльями самолета Рангун. Широкая река, золотой купол пагоды Мира, ярко светит солнце. Около нового здания аэропорта толпа людей, впереди других — премьер-министр Бирмы У Ну. Он приехал на аэродром, чтобы встретиться с советским президентом. Здесь же, в ресторане аэропорта, состоялся завтрак, во время которого премьер У Ну говорил о том, что надо усилить борьбу за мир и хорошо, если бы состоялась встреча великих держав на самом высоком уровне.

После Рангуна самолет пошел над Андаманским морем. Сквозь разрывы облаков видны небольшие, сверху кажущиеся черными островки. На столе появляется карта, все склоняются над ней. После Андаманского моря — трудно различимые с высоты в одиннадцать километров селения, леса и поля. Это была Суматра, где-то над ней воздушный корабль пересек экватор...

И вот широко раскинувшийся аэродром Джакарты, с двумя большими трепещущими на ветру флагами: советским и индонезийским — красным и красно-белым. Что можно было увидеть на аэродроме в первую минуту? Бесконечное количество людей в белых и пестрых одеждах, блещущую под солнцем медь оркестра. Но вот все увидели знакомое лицо и бархатную шапочку. Это был президент Сукарно, Брат Карно, как он сам просил себя называть во время пребывания в Советском Союзе.

Торжественно и мощно звучали гимны Советского Союза и Республики Индонезии. А двух государственных деятелей плотным кольцом окружили тысячи, десятки тысяч людей, жадно ловя каждое слово. Совсем близко от нас, сияя черными глазами, в бело-

снежных кофтах и рубашках стояли подростки, держа в руках маленькие флажки, и старательно произносили по-русски:

— Дружба, дружба!

Прогремел двадцать один залп. Товарища Ворошилова увенчали венком почета, в воздухе закружились лепестки цветов.

Вереница автомашин медленно ехала по улицам города. Тысячи людей шли рядом, заглядывая в окна машин; катились пестрые педикебы, разрисованные тропическими пейзажами; шли смуглые яванки в пестрых одеждах, с туго стянутыми талиями. На улицах стоял разноголосый шум. Кто-то поднимал над сжатым кулаком большой палец, что означало высшее одобрение всему тому, что происходило в Джакарте.

Над идущими колыхались два портрета: Сукарно и Ворошилова. На портрете Ворошилова фотоаппарат воспроизвел надпись: «Президенту Сукарно с сердечным приветом К. Ворошилов». Фотография была подарена доктору Сукарно в Москве и теперь, увеличенная и размноженная в тысячах экземпляров, поднималась над головами жителей Джакарты. И долго еще в этот вечер на улицах царило шумное оживление. Люди не расходились по домам, обсуждая взволновавшее всех событие — приезд Председателя Президиума Верховного Совета СССР в Индонезию.

На другой день газеты вышли с крупными снимками, показывавшими первые часы пребывания советских гостей на острове Ява. Газеты сообщали о горячем приеме, оказанном товарищу Ворошилову жителями Джакарты. Но читатели получили еще и неожиданную сенсацию. Некий служащий американского атташе в Индонезии у кинотеатра «Капитол» сорвал два флага: индонезийский и советский. За этим занятием он был застигнут и препровожден в полицию. Видимо, радушный прием, оказанный товарищу Ворошилову, лишил этого типа сна, и он, думая, что никто не увидит его грязной проделки, вышел на промысел. Но сторонники советско-индонезийской дружбы оказались достаточно бдительными. Один из таких друзей, когда мы его спросили об этом человеке, сердито выругался:

— Летающая собака!..

— Он что, летчик?

— Есть у нас такое существо: ни зверь, ни птица. Живет на дереве. По ночам они целыми стаями делают налеты на сады и огороды, опустошая их.

Откровенно говоря, я тогда не совсем понял, о каком звере идет речь, но уже на другой день при осмотре Богорского ботанического сада мы увидели огромную стаю летающих собак — род летучих мышей, — висящих вниз головами на вершине высокого дерева. Они действительно, налетая ночью стаями на сады и огороды, приносят большой убыток яванским крестьянам...

Известно, что президент Индонезии является большим знатоком живописи. В президентском дворце собрано немало отличных картин. Доктор Сукарно показывал их товарищу Ворошилову и его спутникам. Гости переходили из комнаты в комнату, задерживаясь возле некоторых полотен. На одном из них были изображены яванские крестьяне, идущие по рисовому полю за буйволами, запряженными в плуги. Климент Ефремович внимательно рассматривал это полотно, потом заметил:

— Правдивая картина, без прикрас.

Указывая на портрет маленькой девочки, одетой в пестрый национальный костюм, Сукарно сказал:

— Моя дочь. Завтра вы ее увидите в танце из индийского эпоса «Рамаяна».

— Этот эпос издан у нас, — сказал Рашидов.

— Я знаю, мой друг, — ответил Сукарно.

Увидев картину, на которой была изображена женщина, лежащая в морской раковине, Климент Ефремович спросил, что должна изображать эта картина.

— Это подарок одного моего филиппинского друга. Женщина изображает Филиппины. Филиппинцы любят свою землю и называют ее жемчужиной южных морей, — ответил Сукарно.

— У нас ее назвали бы русалкой, — пошутил Климент Ефремович.

На большой веранде гостей встретили три похожие друг на друга девочки в желтых платьях и мальчик.

— Это мои дети, — сказал Сукарно. — Они хотят поцеловать дедушку Ворошилова.

Климент Ефремович наклонился к детям и обнял их.

Потом советские гости направились на кладбище героев — там похоронены те, кто отдал свои жизни за свободу Индонезии, за ее национальную независимость.

Громко били барабаны на кладбище героев, когда Председатель Президиума Верховного Совета СССР товарищ Ворошилов, склонив голову, стоял перед венком, возложенным в память благородных, мужественных борцов за свободу...

Прошли первые дни жизни в Джакарте. Настало утро перед поездкой по стране. Стоя вдоль дороги, жители Джакарты приветствовали ехавших в автомашине К. Е. Ворошилова и Сукарно. Но вот автомашины вынеслись на загородное шоссе и помчались в город Богор.

В праздничных одеждах вдоль всего пути стояли у деревень крестьяне, многие, оторвавшись от работы в поле, выходили к дороге в соломенных шляпах, без рубашек, на ходу вытирая руки. Вслед машинам неслось:

— Свобода, дружба, мир!

Из одной группы звонко прозвучали слова:

— С добрым утром!

Синяя вершина горы Салак нависла над Богором, над бывшим дворцом голландского генерал-губернатора.

Во время краткой остановки у этого дворца к советским журналистам подошел президент Сукарно и сказал:

— Республика получила этот дворец разрушенным, без мебели, в нем не было ни одного стула. Мы все здесь восстановили. Все это теперь принадлежит республике, весь дворец.

Знаменитый Богорский ботанический сад привлекает внимание людей, даже совсем не разбирающихся в ботанике, настолько красив он с его могучими деревьями, насчитывающими около десяти тысяч пород, с гербарием в пятьсот тысяч видов растений. Следует отдать должное голландскому ученому Рейнварду, заложившему в начале прошлого века основу этого сада.

— Одних орхидей, — сказал нам старый садовник Суджану Хасан, — сад насчитывает около восьми тысяч видов.

Климент Ефремович внимательно слушал садовника. Возле куста с розовыми и красноватыми цветами все остановились. Садовник говорил:

— Этот цветок очень ядовит. — Хасан оторвал лист, показывая его гостям. — Если капля сока попадет в глаз, человек слепнет, если в пищу, — человек умирает.

Мы с удивлением смотрели на красивые цветы.

После Богора дорога пошла круто в гору. Нас еще раньше предупредили, что мы повидаем Чиппанас — одно из красивейших курортных мест Явы. Чем выше поднимались машины, тем становилось прохладнее и красивее вокруг. Гряда синих гор, покрытых туманом, как бы охраняла расположенные на склонах террасы с посевами риса и бесчисленными кустами чая. На перевале Пунчак все вышли из машин. Сукарно сказал:

— Очень жаль, что вершины закрыты туманом. Здесь очень поэтичное место.

Но и в тумане горный пейзаж был захватывающим.

В маленьком ресторане, куда пригласили гостей для отдыха, играл небольшой оркестр. В знак особого уважения к гостям сам мэр города Богора исполнил танец. Для танца понадобился шарф. Доктор Сукарно снял его с плеча своей супруги и повязал мэра. После окончания танца мэр города подошел к товарищу Ворошилову.

— Спасибо вам, — сказал Климент Ефремович.

У выхода из ресторана на ковре сидели музыканты. Проходя мимо них, Ворошилов поклонился:

— Спасибо и вам.

Доктор Сукарно остановился и спросил гостей:

— Хотите, я научу вас, как в Индонезии выражают благодарность?

Сукарно и К. Е. Ворошилов в кабинете президента Индонезии.

— Да, прошу вас, — сказал Ворошилов.

Сукарно протянул ладони рук навстречу ладоням улыбающейся артистки и своими пальцами едва коснулся пальцев ее рук.

— Вот так.

К удовольствию окружающих, Климент Ефремович проделал то же самое.

Машины въезжали в Чиппанас. По обе стороны дороги стояли жители города, матери с детьми на руках, крестьяне, ремесленники, монтеры, вышедшие за ворота электростанции, школьники в ярких кофточках.

Путешествие продолжалось.

Джакарта.
По телеграфу.

К. Е. Ворошилова встретили дети президента Сукарно.

ОТВЕТЫ ПРЕМЬЕР-МИНИСТРА БИРМЫ У НУ НА ВОПРОСЫ КОРРЕСПОНДЕНТА «ОГОНЬКА»

Премьер-министр У Ну принял нас в своей резиденции.

Двадцать пятого мая премьеру исполнится пятьдесят лет. Мы пользуемся случаем, чтобы заранее поздравить его от имени читателей «Огонька» с этой знаменательной датой и пожелать ему здоровья. Премьер искренне благодарит. Да, он помнит, что читатели «Огонька» — его старые друзья: он дважды давал интервью корреспондентам «Огонька», кроме того, в журнале печатался отрывок из его романа «Человек человеку — волк».

— Что вы считаете важнейшим событием, происшедшим в вашей жизни? — спрашиваем мы.

— Самым большим событием, которое произошло в моей стране за мою жизнь, я считаю завоевание Бирмой независимости, — отвечает премьер.

Говоря о строительстве процветающего Бирманского государства, так называемого «Пьидота», У Ну подчеркивает, что большим шагом, приближающим Бирму к «Пьидота», будет выполнение нового четырехлетнего плана развития Бирмы. Мы спрашиваем премьера о перспективах сотрудничества независимой Бирмы с Советским Союзом в области политики, экономики и культуры.

— Несмотря на различие политических систем,—отвечает премьер,— у нас есть все основания для дальнейшего развития политического сотрудничества, так как нас объединяют одинаковые принципы внешней политики. Оба наши государства стремятся к миру. Значит, у нас нет почвы для конфликтов. Что касается экономического сотрудничества, то перспективы его блестящи. Вы знаете, например, что мы приглашали в нашу страну советских сельскохозяйственных специалистов, чтобы с их помощью решить целый ряд проблем, стоящих перед нами. Ведь в настоящее время наша экономика зависит целиком от риса. Но в будущем, через несколько лет, мы собираемся увеличить производство других сельскохозяйственных культур. Для нас это — большое дело, и мы попытаемся с помощью советских специалистов добиться успеха. Такую же благоприятную оценку я могу дать и перспективам культурного сотрудничества между нашими странами. На пути его развития нет никаких препятствий.

— Считали ли бы вы полезным заключение между нашими странами соглашения о культурном сотрудничестве?

— Мы в принципе не против такого соглашения, и если оно необходимо, можно заключить его; но и без соглашения это сотрудничество протекает весьма успешно. Во время визита в Советский Союз я был восхищен достижениями вашей страны в области культуры. Поэтому на такое сотрудничество я смотрю весьма положительно.

— Что вы можете сказать о перспективах дальнейшего развития дружеских отношений между Бирмой и Китаем?

— Эти отношения развиваются также в благоприятных условиях.

— Вы один из инициаторов Бандунгской конференции. Каково ваше мнение о значении «духа Бандунга» в настоящее время?

— Бандунгская конференция была историческим событием в жизни стран Азии и Африки. Двадцать девять суверенных государств из этих частей света впервые собрались вместе, чтобы свободно обсудить те вопросы, которые их волновали. Бандунг сыграл большую роль, и «дух Бандунга» будет иметь важное значение в будущем. Через некоторое время, видимо, следует собрать вторую конференцию представителей стран Азии и Африки. Но я не думаю, что это надо делать немедленно. Некоторые страны сейчас весьма заняты своими внутренними делами, поэтому будет полезно немного подождать, чтобы новая конференция была в такой же мере представительной, как и первая.

Затем премьер-министр высказал свое мнение о проблеме разоружения.

Он сказал, что желает тем, кто ведет переговоры по этому вопросу, всяческих успехов в достижении соглашения.

— Обязательно надо разоружаться, — добавил У Ну. — Может существовать только одна альтернатива: или разоружение, или война.

Затем мы попросили премьер-министра сказать несколько слов о значении плана культурного развития Бирмы в строительстве «Пьидота».

— Развитие культуры и искусства, притом всех видов искусства, означает очень много. Я особенно это подчеркиваю потому, что убедился, какую важную роль играет искусство в СССР и Китае. Я приведу один пример. В провинции Юннань я видел спектакль, который смотрели крестьяне и рабочие. Дело не в том, что у них была возможность наслаждаться игрой актеров, что они отдыхали. Ценно то, что спектакль этот не только развлекал, но и воспитывал их. Я считаю, что искусство и литература, которые воспитывают народ, имеют большое значение в плане создания «Пьидота».

— Советские люди знают вас не только как выдающегося политического деятеля Бирмы, но и как талантливого писателя. Наши читатели хотели бы знать, каковы ваши литературные планы.

— Об этом лучше не говорить, — смеется У Ну, — планов нет, потому что совершенно нет времени заниматься литературой. Вот почему я хотел бы оставить политическую деятельность, да только друзья не разрешают. — У Ну с шутливой серьезностью добавляет: — Но я придумал, что делать. Когда-нибудь в будущем я снова поеду в Советский Союз, поселюсь на время в Ялте и напишу все-таки одну — две книги.

— Не хотели бы вы передать своим многочисленным друзьям в Советском Союзе несколько слов?

— Передайте им мои пожелания с еще большей энергией добиваться мира во всем мире, пожелание здоровья и успехов.

Г. БОРОВИК,
специальный корреспондент «Огонька».

Рангун.
По телеграфу.

8 мая Первый секретарь ЦК КПСС Н. С. Хрущев принял находящуюся в СССР делегацию китайских журналистов, а также постоянных корреспондентов газеты «Женьминьжибао» и агентства Синьхуа в Москве.

На снимке: Н. С. Хрущев среди китайских журналистов.

Фото А. Пахомова.

ЖИТЕЛИ ВЕНЫ ХОТЯТ ДРУЖБЫ

Андрей НОВИКОВ,
специальный корреспондент «Огонька»

В шестиэтажном магазине «Герн-гросс» Энгельберт Хеберле уже много лет заведует рекламным отделом. Я спрашиваю его о недавнем визите А. И. Микояна в Австрию. Об этом очень много говорят в Вене.

— В наших газетах,— говорит Хеберле,— господина Микояна называли «самым крупным торговцем в мире». На сей раз газеты нас не обманули. Я лично убедился в этом, познакомившись с господином Микояном, когда сопровождал его по нашему магазину. Правда, мне не пришлось ничего рекламировать: наш гость видит все сам. Детальнейшим образом он интересовался всем, будь то электротовары или снаряжение туристов...

Энгельберт Хеберле на мгновение задумывается.

— На ваш вопрос,— говорит он,— я могу сказать только одно: приезд советского вице-премьера — факт, несомненно, положительный. Будет полезно, если экономические связи между СССР и Австрией расширятся. Сейчас товарооборот между нашими странами пока еще маловат. Положительный результат бесед господина Микояна с руководителями нашего правительства я вижу и в том, что австрийская правительственная делегация приглашена в Советский Союз.

...На Марияхильферштрассе, неподалеку от магазина, идет ремонт дома. Рабочему Иозефу Айфенштейну сейчас разговаривать некогда. Но вот увезли нагруженную тачку, и он, отерев со лба пот, выслушивает мой вопрос.

— Я думаю,— отвечает он,— что самое главное — мир, торговля. Куда лучше приезжать друг к другу в гости, чем одному народу приходить к другому с войной.

Подошла очередная тачка, и работающий на сдельщине Иозеф Айфенштейн прощается с нами...

«Большой рынок» на Таможенной улице действительно огромен. Здесь около четырехсот торговцев мясом. Длинными шпалерами вытянулись ларьки. Прилавки заполнены мясом, рыбой, дичью.

Возле одной из палаток люди окружили стоящую за прилавком женщину и разглядывают фотографию, которую она держит в руках. Вопросов масса, и сияющая обладательница фотографии дает самые пространные объяснения.

— Господин Микоян стоял вот здесь,— уже в который раз повторяет хозяйка палатки Барбара Вольфингер,— а я тут. Он пожал мне руку, что вы и видите на фотографии.

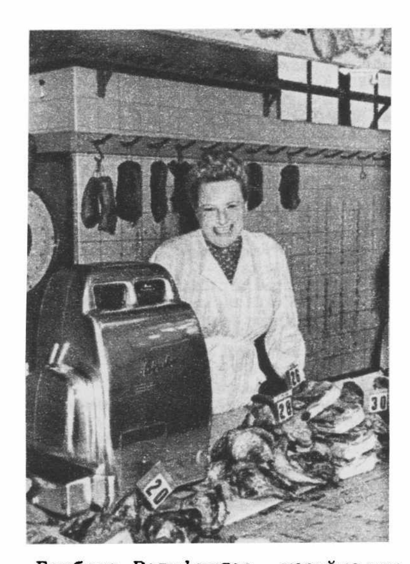
Она бережно заворачивает фотографию в пергамент и прячет в сумку.

— А почему вы не повесите фотографию у себя дома в рамке? — спрашивает кто-то Барбару.

— Что вы, мне приходится все время носить ее с собой! Вот уже который день все, кого я ни встречу, просят ее показать... А как я волновалась, когда разговаривала с гостем! Что я говорила, я и не помню, но сказала «здрасте»,— мягко произносит она.

— Значит, вы довольны тем, что Микоян побывал в Австрии? — спрашиваю я хозяйку палатки.

— После посещения господина Микояна я убедилась, что народы могут понимать друг друга. Надо всем жить так: что на сердце, то и на языке. Ах,— спохватывается она,— как жалко, что я не смогла показать господину Микояну мои новые весы: они такие удобные — кладешь любой кусок мяса, а они показывают сразу цену...

Барбара Вольфингер — хозяйка мясной палатки.

В квартире Элизабет Брукбергер идет обычная жизнь. Муж Элизабет, Франц, преподает в школе связи, дочери тоже нет дома, она модистка, работает в ателье.

— Моя Элизабет делает вот эти шляпки. Посмотрите,— говорит хозяйка квартиры.

Элизабет Брукбергер.

Квартирка маленькая, но уютная. У печи аккуратно сложены поленца дров. На стене охотничьи ружья, картинки собак. Это мир Элизабет-старшей, в котором она проводит целые дни.

— Вдруг раздался звонок,— рассказывает она.— У нас в районе бывает много иностранцев, но, правду сказать, заместителя советского премьера я в гости не ждала. Я сразу узнала господина Микояна по фотографиям в газетах и по кинохронике. С ним вошло много кинооператоров, журналистов и фотографов — в квартире негде было повернуться. Нам с мужем хотелось побольше с ним поговорить, но пришлось отвечать на вопросы корреспондентов...

— Что же вы думаете о посещении товарищем Микояном Австрии? — спросил я Элизабет Брукбергер.

— Когда я одна убираю квартиру,— сказала Элизабет,— я всегда включаю радио. Слышишь: то там безработица, то тут. Я в этом плохо разбираюсь, могу только готовить много вкусных блюд; но я все же понимаю, что когда много заказов, то не бывает безработицы и люди улыбаются солнышку, а не прячутся от него. Вот, например, для электропромышленности надо, чтобы Советский Союз покупал у нас больше кабеля. Будет работа—можно будет расширить многие отрасли производства. Любая страна в чем-то нуждается; чем больше товаров, тем лучше всем.

— А муж ваш думает так же?

— Конечно! Ведь мы пережили безработицу. Не дай бог, чтобы это когда-либо повторилось.

У меня от пасхи остались три розочки, я хотела предложить одну господину Микояну, но постеснялась: ведь они были не совсем свежие. Когда гость вышел, мы с мужем долго стояли молча. Мы были счастливы, что нас посетил большой человек из такой великой страны.

В магазине «Гернгросс». Художницы Маргарита Фраймюллер (слева) и Мими Гейнитхейм (справа) с заведующим отделом рекламы Энгельбертом Хеберле.

Рабочий Иозеф Айфенштейн.

Памятник советским гражданам, погибшим в Маутхаузене. Авторы памятника — скульптор В. Е. Цигаль и архитектор Л. Г. Голубовский.

Памятник бессмертного мужества

Ежегодно в начале мая в Австрию из различных стран Европы съезжаются бывшие узники гитлеровского «лагеря смерти» Маутхаузена. В этом году такая встреча состоялась 12 мая. В тот же день в Маутхаузене был открыт памятник советским гражданам, погибшим в гитлеровском концлагере.

Слово «Маутхаузен» — не только символ фашистских злодеяний, это и символ мужества людей, на грани смерти не прекращавших борьбу против фашизма.

Имена советских людей, погибших в Маутхаузене, останутся навеки примером бесстрашия и несгибаемой воли к свободе. Советские коммунисты вместе с коммунистами и антифашистами других стран организовали международный подпольный комитет, который в невероятно трудных условиях вел политическую работу среди заключенных. «Хлебная касса», созданная советскими людьми, спасла жизнь многим больным и раненым. В начале 1945 года советские офицеры организовали массовый побег заключенных. Позже, когда войска Советской Армии уже продвигались к Австрии, узники Маутхаузена подняли восстание. Во главе их стояли советский майор Пирогов и австрийский полковник Кодре...

...На открытие памятника прибыла советская делегация — генерал в отставке М. Ф. Лукин, бывший узник Маутхаузена писатель Ю. Пиляр и Е. Д. Карбышева, дочь Героя Советского Союза генерал-лейтенанта Д. М. Карбышева, погибшего в Маутхаузене.

Под звуки Государственного гимна Советского Союза с огромного гранитного сооружения ниспадает покрывало, и перед глазами собравшихся возникает величественная бронзовая фигура советского патриота, закованного в цепи. У ног патриота бушует пламя маутхаузенских печей. За минуту до казни он гордо и спокойно смотрит вперед, веря в конечную победу своей великой Родины. В ужасе прижалась к нему девушка-подросток, как будто ища защиты и спасения от фашистских палачей...

После речи Чрезвычайного и Полномочного посла СССР в Австрии С. Г. Лапина, открывшего памятник, от имени австрийского правительства выступил министр иностранных дел Л. Фигль, который сказал, что павших в концлагере никогда не забудут и они будут вечно жить в памяти народа.

Под звуки траурного марша к подножию памятника направляются десятки делегаций с венками. Площадь вокруг центральной скульптурной группы покрывается ковром из живых цветов.

Л. СТЕПАНОВ

Вена.

Спуск на воду теплохода «Тихон Третьяков».

ПРОДОЛЖЕНИЕ ЖИЗНИ

Вл. СОЛОУХИН

Фото Н. Капелюша.

В Сормовские Починки тоже пришла весна. На майском солнце в одном из починковских двориков сухощавый, невысокого роста старик возился возле большой деревянной кадки. Нужно было обтянуть ее новыми обручами, чтобы к тому времени, когда засверкают теплые летние дожди, поставить эту кадку под певучую водосточную трубу.

Дед был сед, работал он с ловкостью бондаря, всю жизнь занимающегося кадушками.

— Тиша! — позвала из дома жена.— Иди-ка, письмо от Анатолия.

— Почитай.

— Чудно что-то пишет. Говорит, на днях навестить приедет, да и Модест тоже, наверное, соберется.

— Право, чудно. На праздники не приехали, а среди месяца надумали. Не отпуск у них теперь. Не иначе, задумали что-то.

Чудного в этом, однако, ничего не было. Просто Анатолий и Модест, сыновья Тихона Григорьевича Третьякова, живущие в Москве, узнали то, что все уже знали и в Сормове и в самом Горьком и чего не знал только сам Тихон Григорьевич. Великий готовился сюрприз.

Пока старик набивает свои обручи и размышляет над причиной неожиданного приезда сыновей, расскажем хотя бы в двух словах о нем и о его жизни. Впрочем, заранее нужно оговориться, что если бы тратить на каждый прожитый им год одну страницу, и то нужно было бы исписать 90 страниц.

Дед Тихона Третьякова, Иван Яковлевич, работал на строительстве самого первого в Сормове парохода под названием «Астрахань». Он был потомственный столяр и плотник, но суждено было ему стать последним столяром в роду Третьяковых. Сын Григорий пошел по металлу. Надо было полагать, что и внуку Тишке передаст он в наследство по-особому огрубевшие руки металлиста.

Одиннадцать лет было Тишке, пошел он на Сормовский завод. А какую работу доверят мальчишке? Приходилось всякий хлам разбирать. В котельном цехе поставили заклепки разогревать — это уже считалось хорошей работой.

Отцу удалось устроить Тишку в Кулибинское (ныне Речное) училище, дабы обучили там и слесарному и токарному делу. Но скоро выгнали: «мужицкого духа» там не терпели. Все же удалось подучиться обращению с металлом в частном училище, у хозяина Бугрова, километрах в двадцати от города. Так что снова на Сормовский завод Тихон Третьяков пришел уже специалистом по металлу. Это случилось в 1887 году. С тех пор (хоть это и не очень правильно) исчисляется трудовой стаж Тихона Григорьевича Третьякова.

Прошло девять лет. Тихон Григорьевич стал старшим мастером цеха по ремонту машин, а потом и по горячему производству.

— Дальше и рассказывать, пожалуй, нечего,— заключил старик.— До самой пенсии в этой должности состоял.

Да... Ну, проработал я на заводе 40 лет, собирается общее заводское собрание. Ведут меня в президиум за большой красный стол. Ораторы один за другим на трибуну выходят, и слышу, все про меня говорят, и в конце решение: представить к званию Героя Труда. Вскоре и грамота пришла за подписью Михаила Ивановича Калинина. Давно, в двадцать седьмом году, это было, а хорошо помню.

— Наверно, вы один из первых Героев Труда у нас в стране?

— Этого не скажу. Орден у меня Трудового Красного Знамени восьмидесятым номером помечен, а про Героя не скажу. Тогда золотых звезд еще не давали. Это вот сын у меня Герой Социалистического Труда, тот уж со звездой, по всей форме.

Отсюда сам собой разговор наш перешел на потомство Тихона Григорьевича.

— Дочь Анфиса — пенсионерка,— начал загибать пальцы старик.— А сынок у нее летчиком был, оплошал, подбил его немец; Сын Анатолий — Герой Социалистического Труда. Сын у него, Виктор, академию окончил. Да у Виктора сын, значит, правнук мой, в школу начал ходить. Сын Модест в Москве работает, да дочь у него Люся университет кончает, да еще дочь Маргарита в седьмом классе учится. Сын Александр здесь же, в Сормове, на судоверфи работает, да сын Виктор у него — слесарь на заводе, да дочь Ирина в институте учится, да дочь Нина. Сын Зосим на заводе чем-то руководит. Чем уж, и не скажу, а дочь его учится, да мальчик еще есть, Борис. Да сын Виктор, да его сыновья Лев и Виталий, все работают на разных заводах, а внучка Тамара кончает техникум, в Красноярск собирается ехать. У Виктора-то у самого внучат трое, правнуков моих. Да сын Аркадий, директором треста состоит, а Ирина, дочь его, работает на заводе и заочно учится, а другая дочь в девятом классе. Да сын Поликарп, самый младший, теперь ему 47 лет, работает на заводе, а сын его инженер, а дочь в техникуме, а Костюшка-то в четвертом классе.

— Вот так семья у вас!

— Ничего семья,— простодушно соглашается Тихон Григорьевич,— сорок два человека — и ни одного дармоеда...

Все это так, но почему вдруг сыновья решили в неподходящее время навестить старика,— этого Тихон Григорьевич сказать тогда не мог. Выяснилось это позднее.

...И вот сормовичи спускают на воду теплоход, которому присвоено имя «Тихон Третьяков».

Крутобокий красавец-теплоход понесет имя потомственного пролетария по раздольным рекам нашей страны.

Тихон Григорьевич с женой Анной Ивановной и с детьми, внуками и правнуками.

Интервью «Огонька».

ШИРОКИЕ ПЕРСПЕКТИВЫ

Л. ГРАБИН,
директор киевского завода «Укркабель»

Принятый седьмой сессией Верховного Совета СССР Закон о дальнейшем совершенствовании организации управления промышленностью и строительством знаменует новый этап в развитии нашей страны. Осуществление этого закона развяжет инициативу на местах, приведет к дальнейшему росту производительных сил.

Я это отчетливо представляю на примере нашего завода.

«Укркабель» имеет около тысячи потребителей в разных концах страны. Спрос на кабельные изделия огромен. Они нужны едва ли не каждому предприятию. В то же время завод имеет 200 поставщиков сырья и зависит от них. У нас чуть ли не каждое утро начиналось с тревоги: пришел ли лак, не задержались ли пряжа или мел? А почта между тем доставляет пачки телеграмм от потребителей: «Убедительно прошу отгрузить...», «Еще раз убедительно прошу...» и даже так: «Есть ли у вас совесть?!.» Это может вызвать улыбку, но, по сути, далеко не смешно, и я понимаю товарищей с Барнаульского завода транспортного машиностроения: нам иной раз тоже приходится давать подобные же телеграммы.

В чем дело? Да в том, что ведь мы зачастую сидели на голодном пайке, простаивали, получая сырье «с колес», причем не с вагонных, а с самолетных, маленькими порциями.

Казусы в вопросах планирования и так называемого распределения фондов вообще известны, но, чтобы ясно представить картину, приведу такие факты: в первом квартале этого года нашему заводу Главснабом был выделен фонд на триацетатный шелк с комбината № 619. Но шелка мы не получили; вместо него пришел ответ, что в первом квартале шелк не вырабатывался. Нереальным оказался фонд и на 200 тонн химического мела, который должен был поступить от Копанищенского мелоизвесткового комбината. Оттуда сообщили, что мел будет осваиваться лишь во втором квартале.

В нашей стране не так много кабельных заводов, но они универсальны, хорошо оснащены, располагают кадрами высокой квалификации. При налаженном материально-техническом снабжении они вполне удовлетворят требования промышленности.

Очень важно, что ликвидация ведомственных барьеров приблизит заводы к потребителям. Некоторые из них вынуждены платить за доставку большие суммы, почти столько же, сколько стоит сама продукция. Заказчик из Красноярска, например, заплатил за эмальпровод, сделанный нашим заводом, 14 тысяч рублей, а доставка обошлась ему свыше 9 тысяч; в Томске заплатили за доставку провода 87 тысяч рублей при стоимости всего заказа в 98 тысяч рублей.

Закон, принятый Верховным Советом СССР, раскрывает перед нашей промышленностью и строительством широкие перспективы. Уже в ходе обсуждения тезисов доклада Н. С. Хрущева начала изменяться обстановка. Три года подряд мы пытались создать переходящий, хотя бы месячный запас остро необходимых материалов, но это не удавалось сделать, а теперь мы имеем металл, каучук, сыпучие материалы в необходимом количестве. Даже так называемую «остродефицитную» хлопчатобумажную пряжу впервые начали получать не с самолетов, а с автопоездов. Полезные веяния пришлись кстати. Мы установили еще одну лакопропиточную шахту для увеличения выпуска автотракторных проводов, в которых очень нуждается промышленность. Выпуск этих проводов увеличится на 20 процентов. Вообще улучшение материально-технического снабжения без всяких затрат даст возможность выпускать продукции на 10—15 процентов больше.

Сейчас возникает немало насущных вопросов, требующих иного к себе отношения. На заводе идут экономико-технические подсчеты в области энергетического снабжения, рассматриваем предложения по улучшению технического контроля.

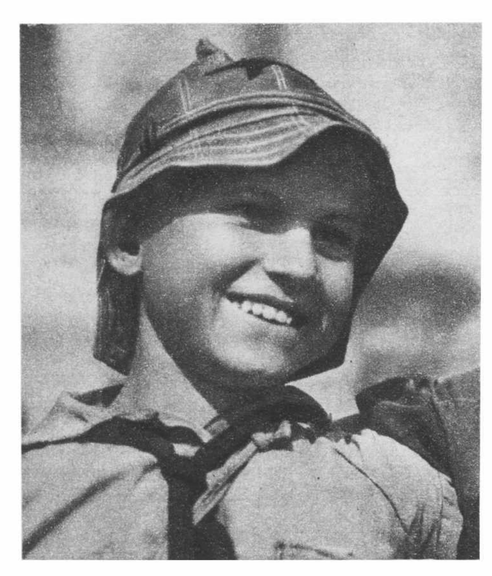
Мне кажется важным, чтоб быстрее была установлена прямая связь и прямая ответственность каждого предприятия перед его заказчиками. Пока что договорные обязательства между поставщиками и потребителями, по существу, никого ни к чему не обязывают. Санкции, накладываемые на предприятие, не выполнившее в срок свое обязательство, практически никакого значения не имеют.

Нет сомнений в том, что в результате всех перемен наша промышленность сделает новый шаг вперед.

А. СЕВЕРЬЯНОВА

А. Северьянова — один из первых руководителей пионерской организации, ныне член Государственного комитета Совета Министров СССР по вопросам труда и заработной платы.
Мы публикуем ее рассказ о первых годах пионерского движения в нашей стране.

Пионер.
Фото С. Фридлянда. 1927 год.

Комсомолок двадцатых годов обычно представляют так: кожаная куртка, коротко остриженные волосы, красный платок. Носили, конечно, иные девчата и кожаные куртки, а у меня, например, была простая кофточка и две косы. Зато мои пионеры одеты были так, что, когда маршировали по улице, все останавливались. Москвичи видели подтянутых ребят в синей форме и красных галстуках. Это был один из первых пионерских отрядов в Москве, организованный при железнодорожной школе в Хамовническом районе.

В январе 1923 года меня назначили в отряд помощницей вожатого, а потом вожатой. Все мы, первые вожатые, плохо себе представляли, чем занимать ребят. Мы собирались в Доме пионеров, слушали политбеседы, разучивали песни, физкультурные движения, разные игры. Одним из главных выдумщиков ребячьих затей был комсомолец Валентин Зорин (сейчас он заместитель министра иностранных дел СССР).

Конечно, самыми большими фантазерами были сами ребята. С огромным энтузиазмом они встречали любую нашу идею. Скоро мы начали ходить в походы, разбивали лагерь и пели у костра знаменитую «Ах, картошка, объеденье, пионеров идеал», песню, которая, несомненно, родилась не в кабинете, а у кипящего котелка. Это были чудесные ночи еще и потому, что мы, слушая рассказы старых большевиков, мечтали о будущем. Какое оно? Мы знали, что оно радостное, как наши песни, и что за него надо бороться. А прежде всего бороться надо за ребят: оторвать их от улицы, от вредного влияния поповщины, буржуазных скаутских отрядов. Происходили стычки пионеров с «тайными» скаутскими организациями. Они были распущены, но продолжали действовать под маркой культурных кружков. Ребята из скаутов приходили и просили принять их в отряд.

Тянулись мальчишки и девчонки к звуку горна и барабана. Это были дети рабочих. Любимой песней была:

Взвейтесь кострами,
синие ночи!
Мы пионеры, дети рабочих...

Мечта наша сбылась! За короткий срок тысячи отрядов были созданы в стране. В 1924 году, после смерти Ленина, пионерской организации было присвоено имя вождя.

В 1929 году собрался Всесоюзный пионерский слет. Я, председатель Центрального бюро юных пионеров, только на этом слете по-настоящему поняла, что за великая сила — маленькие люди в красных галстуках.

Пионеров встречали на всех вокзалах представители заводов Москвы. Рабочие развозили ребят по своим домам, водили их по предприятиям, седоусые люди разговаривали с ними, как с товарищами. Пионеры встречались с наркомами и тащили в наркомовские кабинеты выращенных кур, клали на наркомовские столы овощи удивительной величины.

Однажды делегаты направились в Кремль. Колонна пионеров вошла в Спасские ворота, промаршировала по кремлевскому двору и, дойдя до высокой лестницы дворца, замерла. Пораженные ее размерами, ребята сначала не решились ступить на нее. Вдруг из строя выскочил малыш и прыгнул через несколько ступеней. В то же мгновение сломались ряды, все помчались вверх.

М. В. Фрунзе на празднике физкультурников в Сокольниках.

Я стояла на лестнице с Надеждой Константиновной Крупской. Увидев бегущих ребят, она засмеялась: «Молодцы! Отцы их тоже дворцы брали». А потом мы несколько растерялись. Ребята вбежали в Георгиевский зал и стали кататься по паркету. Они весело смеялись и кричали, и казалось, забыли обо всем на свете. Подошел Кржижановский и сказал: «Ну как я им буду делать доклад о пятилетке?»

А через полчаса это были самые внимательные слушатели, которые горячо аплодировали Надежде Константиновне и Глебу Максимилиановичу.

Заключительный праздник состоялся на стадионе «Динамо». Ребята давали торжественное обещание быть верными партии, народу.

ПО СЛЕДАМ ОДНОЙ КАРТИНЫ

Одна из первых картин о советских пионерах, «Идущие на смену», была нарисована в 1923 году. Художник изобразил вожатого и двух пионеров под знаменами.

Полотно это было представлено на шестой выставке АХРР (Ассоциации художников революционной России), открывшейся еще при жизни В. И. Ленина.

Автор этой картины — ныне здравствующий художник Виктор Николаевич Перельман. Художник сообщил нам, что моделями для картины «Идущие на смену» послужили дети рабочих бывшей типографии Сытина, впоследствии Первой образцовой.

Открытка с репродукцией картины недавно была показана одному из ветеранов типографии. Поглядев на нее, старик сказал:

— Этот слева — Вася Кудряшов. Отец его у нас в типографии модельщиком работал. Девочка справа от вожатого — это Настя Зиновьева, литографа дочка. А вожатый — это Валя Яковлев...

Нам довелось познакомиться со всеми тремя натурщиками. Они не видели друг друга свыше тридцати лет. Автор картины не встречал их с тех пор и позабыл имена своих натурщиков. И вот все вместе они встретились на квартире у художника.

Вожатый Валя Яковлев давно уже стал Валентином Григорьевичем. Он кандидат педагогических наук. Один из первых пионервожатых посвятил себя вопросам воспитания детского коллектива.

Настеньке было 13 лет, когда она позировала художнику. Сейчас Анастасия Прохоровна Зиновьева — инженер-технолог, автор научных трудов.

А Кудряшов — ныне полковник, кандидат военных наук, доцент.

Собравшиеся также припомнили, что не у всех имелись в те трудные годы даже тапочки. Пионеры летом ходили босиком и на парады, происходившие на Красной площади.

— Бутсы, которые были на мне,— говорит бывший вожатый,— самодельные, на деревянной подошве.

Так сложилась судьба трех пионеров-ленинцев первого набора, детей рабочих, пришедших на смену старшим.

М. ПОЛЯНОВСКИЙ

Репродукция картины «Идущие на смену».

В. Кудряшов, В. Яковлев и А. Зиновьева.
Фото С. Шингарева.

Юные друзья из 7-го «А» 704-й школы.

Фото Р. Лихач.

Могучая „ПАВТА"

Галина ШЕРГОВА

Они сидели у печки, пятеро друзей, могучая «ПАВТА» (я объясню потом, что это значит), и грустили. Грустили, потому что это был последний вечер в их хибарке.

Неважно, кто отыскал этот ветхий домик на территории соседней стройки. Он стоял заброшенный, заваленный углем и строительными отбросами, — бывшее «вспомогательное помещение». Влезть в него можно было только через незастекленные окна. Вечером, когда стемнело, ребята подкрались к хибарке со спичками и фонариками, проникли внутрь и, шарахаясь от таинственных, колышущихся теней, начали обследование домика.

Никому хибарка не была нужна. Но вот после того, как много прекрасных и романтических вечеров было проведено в этом домике, после того, как все было расчищено: полы выскоблены, окна застеклены, налажена электропроводка,— после того, как у этой самой печки родились смелые и необычные планы деятельности «ПАВТА», пришли скучные люди и заявили: «Нельзя», «Не положено», «Нет указаний».

Мои юные друзья из 7-го «А» 704-й московской школы, пионеры отряда имени Павлика Морозова, были большие выдумщики, и план мести этим скучным людям был незауряден.

Всем известно, что Эдисон изобрел фонограф, а Колумб открыл Америку. Открывателям и изобретателям ставят памятники. Но вот почему-то никто не знает имени человека, который изобрел скуку и равнодушие. А хорошо было бы поставить памятник этому унылому изобретателю! Не из мрамора или меди — из скучного кирпича на постаменте, оклеенном кабинетным линкрустом, чтобы с детства человека учили, показывая на этот заунывный монумент: «Бойся его!»

...Потрескивала печка. В рыжем ее чреве текли реки и рождались вулканы. В последний раз ребята наслаждались этим зрелищем. Им хотелось сейчас перебрать все самое замечательное, что произошло в их жизни. Они были уверены, что уже нигде и никогда воспоминания не обретут эту неповторимость разговора у ворчащей печки в их хибарке.

Когда родилась их дружба? Может быть, в ту ночь, когда весь отряд ночевал в стогу сена под Марфино и подмосковные звезды скатывались по гладкому небосводу, застревая в траве мерцающими каплями росы. Может, в другом походе, когда лес пах печеной картошкой, а трава — парным молоком.

Да когда же это случилось, что отряд стал непохож на все другие в школе? Ведь ни один другой отряд не умел справлять дни рождения пионеров на сборах с пирогами, и никто, кроме них, не знал рецепта «Пирога дружбы»!

Рецепт этот они заполучили от одной из соседок Лили Любимовой — рецепт огромного лоснящегося пирога, на котором буквами из теста было выложено: «Дружба». В рецепте этом были пункты, которых нет ни в какой кулинарной книге: для того, чтобы пирог удался, нужно, чтобы именно такие-то мальчишки шли в магазин за мукой, такие-то за повидлом, такая-то девочка месила тесто, а другие раскатывали, сажали в печь. Об этих торжествах и по радио рассказывали!

К каждому дню рождения Игорь Крышин сочинял песню.

От окон хибарки тянулись в темноту прямые полосы света, а сквозь щель под дверью пробивалась песня. Эту песню не знал никто, кроме «ПАВТА», потому что ее тоже сочинил Игорь. Мелодия итальянской песенки «Два сольди» забрела через снегопад в хибарку и наполнилась новыми словами.

— Эта песня про ребят, что в нашем классе,— начинала Таня Котова.

Все подхватывали:

«И про тех, кто хочет этот класс украсить,
И про тех, кто хулиганит на уроках,
И про тех, кто помогает всем друзьям».

Потрескивала печка, пела «ПАВТА». Никто уже не думал о последнем вечере.

Воспользовавшись тем, что пионеры увлечены песней, я расскажу, что такое «ПАВТА».

Существуют на свете ребята — две Тани, Лиля, Миша Кубышкин и Толя Родин. Это реальные ребята. Но живут среди них и среди всех ребят другие люди, любимые всеми и не менее реальные, потому что им подражают, с ними советуются. Их зовут Павел Корчагин, Андрей Птаха, Васек Трубачев, Тимур, Алексей Мересьев. Их имена берут себе как пароль, как девиз все, кто хочет походить на них. Когда первые буквы этих имен выстраиваются в слово, получается название отрядной тимуровской команды — «ПАВТА». Так придумали мои юные друзья.

Сколько интересного сделала «ПАВТА»!

Можно было вечером пробраться к сараю и переколоть дрова для семьи инвалида. Можно было незаметно натаскать воду Елизавете Федоровне, которой это трудно сделать. Причем тут можно было проявить истинное мужество. Как издевались над тимуровцами местные хулиганы! Однажды они даже избили Мишу Кубышкина и заперли его и Таню Лозовую в сарае. Но нет! «ПАВТА» не потеряла присутствия духа. Назавтра все снова были на боевых постах.

Как-то возле стадиона Юных пионеров старшая пионервожатая Виля Плец увидела женщину и девочку, покупающих еловые ветки. Дело было под Новый год, и Виля поняла, что девочка мечтает о елке. Они разговорились, и Виля узнала о жизни этой женщины — инвалида Отечественной войны. В тот же день Виля, будто между прочим, сказала об этом в 7-м «А».

Конечно, женщина не ждала их. Но Нина, ее дочка, верила, что десять юных дедов-морозов появятся в предновогодний вечер. И, как полагается по всем дедморозовским традициям, гости прибыли — с елками, подарками, концертом. И еще с каким концертом! Весь коридор был заполнен соседями.

...Когда я собиралась писать о пионерских делах, мне назвали несколько отрядов. Я даже познакомилась с некоторыми из них.

И все-таки вот я пишу о 7-м классе «А» 704-й школы, о ребятах, которые не совершили ничего героического, среди которых и «троечников» достаточно. Именно среди ребят из «ПАВТА» я ощутила, как жива романтика пионерской юности, жажда деятельности, как клокочет в них ненависть к казенщине и формализму.

Ведь когда-то и мы, как ныне юные мои друзья, собирали деньги, чтобы купить товарищу куртку, как они — школьную форму. Мы тоже просиживали в школе дотемна, когда один из нас «схватил» девять двоек, и втолковывали товарищу премудрости машины Фарадея.

Они рассказывали мне, как собирали железный лом, макулатуру, пузырьки, а мне казалось, что я вместе с ними тащу на санках тяжеленную кровать и завидую девятиклассникам, которые где-то раздобыли отживший свой век грузовик. Те толкали его дружно по дороге и гордо покрикивали: «Это наша, персональная».

В институте типового проектирования моим сегодняшним друзьям выделили массу ненужных чертежей. (Они собирали макулатуру и собрали ее две тонны.) Какой-то понимающий человек предостерегающе поднял палец: «Чертежи секретные! Рвите их!» И хотя теперь мне по возрасту полагается понимать, что никто не дал бы секретных чертежей, я, слушая ребят, верила вместе с ними, что в их руках государственная тайна.

Ничто не проходило мимо них: ни помощь детдому, ни вытачивание лопаток для детсада, ни шахматный турнир, где Витя Самодуров получил грамоту, ни подготовка к фестивалю, где отличились танцоры из этого отряда, ни работа на школьном заводе «Юный техник»...

...В общем, в тот вечер в хибарке было о чем поговорить. Заново ожил сбор, на котором проводился конкурс на лучший звеньевой обед; снова все покатывались со смеху, когда заговорили о кукольном театре, сделанном Вовой Волковым. Снова были прочитаны письма из Болгарии и Албании. Вспомнили и школьную эстафету мира, когда отряд путешествовал по Финляндии. Тогда никого не смущало, что все просто сидели за партами. В руках были открытки с видами страны, присланные из Финляндии отцом Сережи Лебедева, и в классе крылатые ели осыпали снег в котелки лесорубов.

В тот вечер говорили о прошлом, но за порогом хибарки уже стояли новые выдумки. 8 марта в вестибюле школы появился стол с надписью: «Школьный телеграф. Принимаются поздравительные телеграммы одноклассникам, родителям и педагогам. Стоимость телеграммы — 20 копеек». А вечером по квартирам ходили почтальоны с короткими косицами, вручая необычные поздравления. И это значило, что хоть хибарка и скончалась, но «ПАВТА» и весь отряд имени Павлика Морозова живет, действует и будет жить!

ПОДРУГИ.

Фото Р. Мазелева и Б. Уткина.

Н. Н. Чебаков. ПАВЛИК МОРОЗОВ.

В ТОЧКЕ ЗЕМНОЙ ОСИ

Э. КРЕНКЕЛЬ,
Герой Советского Союза

Ледяные заснеженные поля, темные пятна редких разводий — примелькавшийся пейзаж, сотни раз виденный и с воздуха — из кабины самолета и в плаваниях — с борта корабля. Неужели все-таки это полюс, заветная точка нашей планеты, к которой издавна стремилось столько смельчаков? Поначалу както не верилось.

Но солнце над нашими головами, движущееся по кругу все время на одной и той же высоте, неопровержимо свидетельствовало: да, здесь точка земной оси, здесь сходятся все меридианы. А красный флаг рядом с палаткой и приземлившимися самолетами подтверждал: Северный полюс достигнут советскими людьми.

Это было двадцать лет назад. 21 мая 1937 года Михаил Васильевич Водопьянов первым из летчиков мира посадил свою четырехмоторную многотонную машину на дрейфующий лед Северного полюса. Вместе с руководителем экспедиции академиком Отто Юльевичем Шмидтом вышли из кабины и мы четверо, которым предстояло «всерьез и надолго» поселиться здесь: начальник дрейфующей станции И. Д. Папанин, гидробиолог П. П. Ширшов, геофизик Е. К. Федоров и я, радист. Через несколько дней с прибытием самолетов В. С. Молокова, А. Д. Алексеева и И. П. Мазурука было доставлено и все оборудование для нашего маленького поселка. Со своими позывными «УПОЛ» вышла в эфир наша рация. «Северный полюс» — первая научная станция на дрейфующих льдах океана вступила в строй.

Девять месяцев продолжался наш дрейф от полюса к берегам Гренландии. За это время в 33 пунктах были измерены глубины океана, проведены 22 гидробиологические станции, сотни наблюдений за погодой, множество геофизических исследований.

Мысль о создании научной станции на дрейфующих льдах с помощью авиации была высказана еще знаменитым Фритьофом Нансеном, который незадолго до смерти основал международное общество «Аэроарктика». Но до весны 1937 года никто из зарубежных исследователей даже не пытался решить эту задачу.

Вслед за нашим дрейфом еще накануне Отечественной войны была проведена воздушная экспедиция к Полюсу Недоступности. А в послевоенные годы крылатые разведчики советской науки проникли во множество пунктов Северного Ледовитого океана, и само понятие недоступности навсегда отошло в область прошлого.

Советские полярники обнаружили и исследовали подводный хребет Ломоносова, крупную магнитную аномалию в центре Арктики, нашли новые закономерности в океанских течениях, движении льдов, явлениях погоды. Из года в год, сменяя друг друга, работали и работают в Северном Ледовитом океане дрейфующие станции, чьи названия и нумерация говорят сами за себя: «Северный полюс-2», «Северный полюс — 3», «СП-4», «СП-5», «СП-6», «СП-7». Они регулярно снабжают Главсевморпуть научными сведениями, которые необходимы для развития судоходства в полярных морях.

Как далеко вперед шагнули за эти годы техника и организация исследовательских работ!

Мы вчетвером, живя в тесной палатке, отапливаемой чадными примусами, всю тяжелую физическую работу выполняли вручную. А теперь в составе каждой дрейфующей станции десятки научных работников и техников самых различных специальностей. Теперь мощные моторы на гидрологических лебедках поднимают со дна океана километры троса, а синоптики пользуются автоматической самопишущей аппаратурой. Люди живут в теплых домиках, снабженных газовым и даже водяным отоплением.

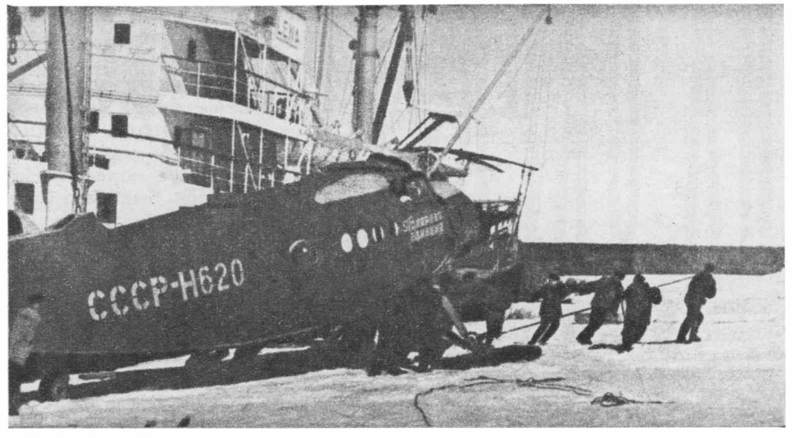
Двадцать лет назад огромного труда стоило достигнуть полюса на самолетах. Ныне на дрейфующие станции каждый месяц совершаются регулярные воздушные рейсы с Большой земли. При каждой станции дежурят вертолеты, используемые как для научных работ, так и на случай оказания помощи полярникам при подвижках льдов.

Опыт, приобретенный на Крайнем Севере, помогает теперь вести полярные исследования и на другом конце планеты — на Крайнем Юге.

Любопытная деталь: в январе 1930 года во время зимовки на Земле Франца-Иосифа мне посчастливилось установить прямую связь с американской экспедицией адмирала Бэрда в Антарктиде. По тем временам это было выдающееся достижение радиотехники. А теперь за год пребывания в поселке Мирном один из радистов советской антарктической экспедиции, А. Е. Рекач, провел более четырех тысяч связей только с радиолюбителями. Всего же за год в Мирном было принято и передано свыше пяти миллионов слов.

П. П. Ширшов, Э. Т. Кренкель, И. Д. Папанин и Е. К. Федоров—участники дрейфа научной станции «Северный полюс».

Выгрузка самолета на берег.

Фото автора

НА БЕЛОЙ ЦЕЛИНЕ

И. МАЗУРУК,
Герой Советского Союза

Природа хорошо позаботилась об охране тайн Антарктиды, этой грандиозной «белой целины». Наша экспедиция на дизель-электроходе «Лена» преодолела немало препятствий, прежде чем добраться до ледяных барьеров Берега «Правды», на котором расположен поселок Мирный. Еще труднее был последующий трехтысячекилометровый поход «Лены» вдоль побережья шестого материка на запад в южных водах Индийского океана. Без точных карт, не зная глубин, темными осенними ночами (осень в Южном полушарии начинается в марте) «Лена» пробивалась к тем пунктам побережья, где учеными были намечены наблюдения по программе Международного геофизического года. Надо было найти площадки для высадки и взлета машин нашего экспедиционного отряда. Нередко для высадки использовались айсберги и плавучие ледяные поля.

Много знаний, смелости и физического напряжения требует работа на «белой целине». Корабль не раз зажимало льдами, угоняло вместе с айсбергами. Летчики вместе с самолетами подолгу оставались на плавучих ледяных полях. Когда научные работы по плану были выполнены, все ученые были перевезены самолетами с берегов Антарктиды на корабль. Около двухсот полетов, более сорока первичных посадок сделал наш отряд в этом районе.

На материке трудней всего пришлось тем полярникам, которые отправились из Мирного в глубь Антарктиды в составе санно-тракторного каравана, а также летчикам отряда П. П. Москаленко, которые обслуживали этот караван.

Вездеходы и тракторы с санями двигались по ледяной пустыне на высоте свыше трех с половиной тысяч метров над уровнем моря. В пути не раз приходилось останавливаться и ожидать, пока самолеты доставят из Мирного топливо для машин. Термометры показывали 69 градусов мороза. На ураганном ветру было трудно дышать. Газ в походных плитках не горел, пища не проваривалась. Однажды четыре часа варили курицу, но так и съели ее недоваренную.

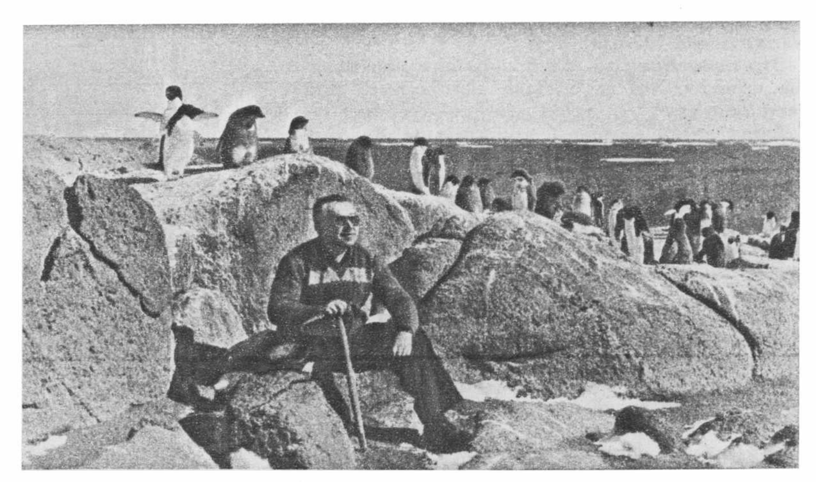
Был случай, когда прилетевшие из Мирного самолеты оказались в ледяном плену по соседству со стоянкой санно-тракторного каравана. Механизмы и смазка быстро замерзли, лыжи самолетов не скользили по сухому, как песок, снегу, а разреженность воздуха сильно снижала мощность моторов. Страшный холод и недостаток кислорода ослабили людей до такой степени, что не было сил разгружать самолеты. Нельзя было пользоваться и кислородом из баллонов: холодом обжигало легкие.

Полярники семь часов разогревали застывшие моторы и четыре часа потратили на то, чтобы с помощью вездехода сдвинуть самолеты с места. Предварительно впереди лыж расстилали паклю и, облив ее бензином, поджигали. Образовывалась ровная ледяная площадка, с которой можно было начинать разбег. Но как долго продолжался этот разбег, прежде чем машинам удавалось оторваться и подняться в воздух!

Все же наперекор стихии полярные летчики взлетели, возвратились в Мирный и потом еще несколько раз прилетали к каравану, сделав в общей сложности шестнадцать рейсов.

В Антарктике наши полярники используют богатый опыт, приобретенный за десятилетия освоения Советской Арктики. В походе на «Лене» встретились товарищи, двадцать лет назад отправившиеся на самолетах к Северному полюсу. Это штурман Н. Жуков, механик С. Фрутецкий, профессор-синоптик Б. Дзердзеевский и автор этих строк. Нередко «бойцы вспоминают минувшие дни».

Борт дизель-электрохода «Лена» (по радио).

И. П. Мазурук в Антарктиде.

НА ОКРАИНЕ

Рассказ

Фатых ХУСНИ

Рисунок О. Верейского.

Жизнь нашей окраины пестра. Рядом с четырех — пятиэтажными красавцами из белого камня жмутся еще и покосившиеся деревянные домишки, почерневшие от времени. Утром на асфальтовых дорожках можно увидеть и человека, тянущего ручную тележку, по меткому прозвищу «уф, алла» («о, господи»), и пробирающийся по лужам ЗИМ, весь сверкающий стеклом и черной краской.

Загорелые ребята и девушки по воскресеньям перебрасывают через сетку мяч, а из соседнего переулка, глядишь, появляется процессия стариков с красными гребешками-бантами на шапках и осоловелыми глазами.

Молодежь негромко смеется, играя в мяч, старость веселится шумно, барабанит в худые ведра, самоварные трубы, ревностно исполняя старинный свадебный обряд.

Люди окраины все время в движении, одни куда-то уезжают из старых домишек, которых становится все меньше, другие въезжают в новые дома. И поэтому теперь не все здесь знают друг друга. Но есть и старожилы. Встречаясь, они снимают шапки, отвешивают поклоны, справляются о здоровье, о делах. В летние вечера, собираясь на скамейках у ворот, они толкуют о том, что делается на белом свете.

Утром домашние хозяйки, переговариваясь, отправляются за керосином. Вот Хадича, худощавая, застенчивая женщина с мягкой походкой. Она приходит задолго до приезда автолавки и становится первой у перекрестка, где на земле глубоко впечатались пахнущие керосином следы автоцистерны.

Хадича — вдова, ей надо напоить, накормить троих ребят и поспеть в учреждение, где она работает уборщицей. Стоять на улице и слушать, как нежно воркуют голуби под карнизами новых домов, — для нее настоящий отдых. Удивительно, как быстро поняли птицы, что им там лучше, безопаснее! Почти все они перебрались из-под застрех старых домишек, где живут злющие коты, под крыши новых домов, — туда котам не добраться. Там и восход виден раньше: внизу еще туманно, сыро, а вверху уже солнечно.

Любуясь на воркующих голубей, Хадича вздыхает и, заметив посторонних, смущенно опускает черные ресницы.

У многих жителей окраины давно уже вошло в привычку встречаться друг с другом на этой площадке, где трава пропахла керосином и присесть можно только на низкие перильца поломанных заборчиков, ограждающих давно вытоптанные газоны.

Это своеобразный клуб окраины. Кто раньше пришел, тот и больше наговорится под звон посуды.

Люди здесь вежливы, общительны. Каждый может поделиться новостью, и его охотно послушают. Если интересно, слушает вся очередь. Если не очень, люди разбиваются на отдельные кучки и ведут беседу вполголоса.

Постепенно подходят новые хозяйки, и вскоре вся очередь говорит, говорит, как веселый ручей.

Люди здесь обходительны. Уступают места старушкам. Пропускают вперед девчонок. Словом, относятся к ближним с искренней теплотой. Впрочем, это не мешает очереди перемывать косточки своих ближних.

Иногда так заговорятся, что не обратят внимания, как на упругих шинах мягко подкатит керосиновая цистерна.

Каждое утро в очереди появляется высокая фигура дядюшки Котбыя. Он здесь единственный мужчина и выделяется, как белая ворона среди галочьей стаи. В руке у него какой-то белый металлический сосуд: кумган не кумган, бидон не бидон — пузатый, с изогнутым горлышком, вместимостью ровно в пять литров. На горлышко этого сосуда кто-то надел медное колечко. На стенках кувшина прежде виден был какой-то рисунок, но с годами он стерся, и теперь осталось только что-то напоминающее трехногую собачонку.

Впрочем, женщины смотрят не на сосуд, а в лицо дядюшке Котбыю. Они тепло называют его «Котбый абзый»: «почтенный Котбый». А русские женщины — и откуда только они узнали имя его отца! — перещеголяв татарок в почтительности, называют его Кутбутдином Сайфутдиновичем и обычно пропускают его вперед, потому что знают: вся домашняя работа лежит на его плечах.

Его жена умерла лет десять тому назад, оставив двух сыновей. На похороны собрались тогда все соседи. После этого Котбый несколько лет ходил растерянный. В доме исчез уют. Готовить еду Котбый не умел. И все же он не спешил жениться вторично, свить новое гнездо. Воспитывал детей, а в свободное время возился в небольшом садике около дома. Было ему, конечно, нелегко. Об этом знали все соседи, все знакомые. Кое-кто советовал ему жениться, но Котбый был «сам себе голова, а на голове у него была своя шапка», как говорит пословица.

Однажды, отправившись за керосином, он в спешке надел на голову форменную фуражку своего старшего сына со знаком ремесленного училища над козырьком. Представьте себе: высокий худощавый человек, одно плечо немного опущено, на длинных ногах узкие брюки, концы которых кое-как заправлены в носки, чтобы люди не увидели, как они коротки; носки пристегнуты к брюкам булавками; старые, стоптанные чувяки шлепают по земле. И вот известный всей слободе человек этот стоит среди толпы женщин, держа в руке сосуд, нацепив на свою гладкую, блестящую голову маленькую фуражку со значком.

Одна молоденькая женщина фыркнула:

— Смотрите-ка, смотрите на Котбыя абзый!.. Уж не поступил ли он в ремесленное?

Все обернулись на этот голос и улыбнулись, увидев странную фуражку, чудом державшуюся у Котбыя на голове. Не улыбнулась одна Хадича. На ее озабоченном лице была видна едва уловимая тень грусти — смесь жалости и обиды.

— Почему ты не прислал Марата? Мог бы и он сходить за керосином, — сказала она.

Котбый, прежде чем ответить, с удивлением оглядел Хадичу. «А ты откуда знаешь, что у меня есть Марат?» — можно было прочесть в его взгляде. Но оставить вопрос без ответа он не мог.

— Марат вечером долго сидел за уроками. Пожалел будить.

Хадича смутилась. На ее слегка поблекшее лицо набежал румянец. Отчего? Ни люди, пришедшие за керосином, ни Котбый, нескладная фигура которого возвышалась над другими, ни сама Хадича не знали этого, да разве мало бывает на свете такого, что нам не очень понятно! Короче говоря, Хадича, сказав: «Котбый абзый, стань на мое место, мне нужно успеть еще кое-куда», — ушла, даже не дождавшись ответа.

Если вдуматься глубже, во всем этом не было ничего непонятного. Одинаково сложившаяся судьба в одну и ту же сторону согнула Хадичу и Котбыя. Котбый, будучи мужчиной, не особенно задумывался над мелочами жизни. Хадича не могла не думать о них. И при виде человека, которому достается так же, как и ей, она словно бы внутренне успокаивалась.

Она давно знала, в какой день и час он ходит за керосином. И сама тоже приходила в тот же день и час, нужен или не нужен ей был керосин.

Все началось не в этом году и длится уже давно. Если б Хадича по-настоящему захотела, она, быть может, не ограничилась бы встречами у цистерны. Хадича иной раз раздумывала об этом, однако самым главным для нее было благополучно вырастить ребятишек. А теперь, дожив до сорока пяти и утратив молодость, она уже ничуть не боялась, что из встреч в очередях с этим длинным, как телеграфный столб, человеком получится что-нибудь неожиданное. Она отбрасывала эту мысль, и все же ей было приятно встречать Котбыя.

Но как-то раз Котбый не явился. Что случилось? Уехал, заболел? Нет ни его, ни мальчишки Марата. Вдруг появился его кумган. Всем известный пузатый старинный кувшин с узким горлом, окольцованным медью, помятый, словно его вынули из обвалившегося могильника. Узкое горло его сжимала цепкая белая рука никому не известной бойкой женщины. Она ни с кем не поздоровалась, решительно прошла сквозь толпу, как будто это были не люди, а кустарник. Грубовато толкнув одну женщину, другую, со звоном поставила кумган на камешки под кран цистерны. И остановилась, скрестив полные руки на высокой груди.

Продавец, имеющий особое чутье на покупателей, поспешил наполнить сосуд, чтобы поскорей отделаться от нее, пока не поднялся шум и крик.

Замечания о том, что надо быть повежливей, соблюдать все-таки очередь, уважать других, раздались, но с опозданием.

Женщина ответила:

— Кто хочет стоять, пусть стоит, а мне некогда!

И быстрыми шагами ушла, не обращая внимания на недоуменные взгляды, провожавшие ее.

Хотя жизнь слободки была пестрой и ее жители привыкли ничему особенно не удивляться, но почему-то это происшествие задело всех.

— Ай-яй-яй! Попал бедный кумган в хорошенькие ручки! — проговорил кто-то.

И все рассмеялись. Не смеялась одна лишь Хадича. По правде говоря, ее поразило не то, что Котбый женился, — что ж, значит, нашел нужным. Но как будет жить этот молчаливый человек с такой женщиной? А дети его?..

И в эту минуту на слегка поблекшее от многих тревог лицо Хадичи, как и в тот раз, набежал нежный румянец. Отчего? Не могу сказать. Может быть, от жалости к Котбыю? Или, быть может, от жалости к себе? Не знаю, не знаю! Впрочем, разве мало на свете такого, что нам не совсем понятно!

Перевел с татарского Николай БОГДАНОВ.

Недолгий отдых.

ИСКАТЕЛИ ЖЕМЧУГА

Ф. ЗАПОРОЖСКИЙ

На небольшом японском острове Татокудзима, в бухте Агован, мы посетили жемчужную ферму компании «Микимото».

На возвышенности острова Касикодзима, господствующей над всеми окрестными горами, построен небольшой, но очень уютный отель смешанной японо-европейской архитектуры. С веранды отеля открывается изумительно красивая панорама: ровная зеркальная гладь почти круглой бухты, окруженной вечнозеленой субтропической растительностью.

Кажется, что перед вами не земная природа, а какое-то видение с необъяснимой игрой света и теней — мираж, который вот-вот исчезнет. И память невольно подсказывает слышанные когда-то легенды о сказочном подводном мире, о волшебном происхождении жемчуга.

Как в Китае, так и в Японии с древнейших времен из уст в уста в народе передаются предания о магических свойствах жемчужин. Ловцы жемчуга в заливе Исе рассказали нам местную легенду о том, будто один раз в месяц жемчужницы поднимаются из воды и вступают во владение полной луны...

К жемчужной ферме мы добрались на моторной лодке. Здесь мы увидели необыкновенное зрелище: работу искателей жемчужных раковин на дне моря.

Три молодые коренастые японки одна за другой спрыгнули в воду с плота. После нескольких согревательных движений — декабрьская вода даже в Японии холодна — девушки нырнули, опускаясь вертикально на дно залива. Пузырьки воздуха всплывали то там, то здесь и быстро успокаивались. Солнечные лучи пронизывали зеленоватую морскую воду почти до самого дна, и было хорошо видно, как стремительно опускались ныряльщицы, а затем, исчезнув на мгновение в глубине, быстро выплывали на поверхность. Пойманные на дне моря двустворчатые раковины они сбрасывали в плавающую здесь же бадью.

Нам рассказали, что ныряльщицы, или по-японски «ама» (что в переводе означает «морские девы»), тренируются для этой работы с раннего детства. Многие годы обучаются они своему тяжелому труду. Работать начинают приблизительно с 16—20 лет. «Золотые годы» ама — от 20 до 40 лет. Профессия эта является традиционной на полуострове Сима, и занимаются этим промыслом только женщины, хотя в давние времена первенство принадлежало мужчинам. Местные девушки и женщины могут продолжительное время оставаться под водой — дольше, чем мужчины.

«Морские девы» разделяются на две категории. Первая — это те, кто работает на небольшой глубине — до десяти метров. Они снабжены небольшой бадьей (около 80 сантиметров в диаметре), которая привязана к поясу ама веревкой длиной приблизительно пятнадцать метров. Эта бадья служит поплавком, а также посудой для добытых раковин или других продуктов моря. Ама, работающие в мелких водах, могут держаться под водой до двух минут.

Вторая категория — это ама, работающие на большой глубине. Чтобы быстрее достичь глубины двадцати — тридцати пяти метров (а иногда и до сорока пяти метров), они берут с собой чугунное грузило весом около пятнадцати килограммов. Достигнув дна, ама отпускает грузило, которое затем поднимается с помощью шнура.

Ама, работающая на большой глубине, обычно трудится в паре с помощником (часто это муж или отец). Перед тем, как нырять, ама обвязывает себя «веревкой жизни» — так называют спасательную веревку небольшого диаметра. Другой конец веревки привязывается к барабану лебедки, установленной на борту лодки или баржи. По сигналу ама ее партнер с помощью лебедки помогает ей быстро подняться на поверхность. Отдыхает ама недолго, обычно прямо в воде, держась рукой за борт лодки. После короткого отдыха она вновь ныряет. После примерно десяти погружений на глубину тридцать — сорок метров ама должна согреться у огня, даже в самую

«Глубинная» ама работает с партнером.

Ныряльщицы устремляются на дно.

знойную летнюю пору. И такая работа продолжается с восхода до заката солнца ежедневно, включая и воскресные дни.

«Глубинные» ама могут пробыть под водой до четырех минут. Они не вооружены никаким, даже самым простейшим дыхательным аппаратом. Надевают лишь очки или большое круглое стекло для защиты глаз.

Рабочая одежда ама состоит из тонкой сорочки и короткой юбки. Волосы замотаны платком — чтобы не закрывали глаза. Каждая ама вооружена еще специальным инструментом, который по-японски называется теноми. Это своеобразное долото, с помощью которого отрываются раковины, прирастающие к водорослям и камням.

Сезон ловли жемчуга практически ограничен 7—10 днями в году. Но в остальное летнее время ама добывают трепанги, съедобные ракушки и другие морские продукты.

Подводная работа ама, разумеется, влияет на ее физическое состояние. Нам рассказали, что за сезон, продолжающийся около пяти месяцев, ныряльщица теряет в весе до пятнадцати килограммов. При таком нечеловеческом труде ама должна принимать пищу пять — шесть раз в день. Мы читали, что ама съедает ежедневно около двух килограммов риса, несколько яиц, различные морские продукты. Чтобы подготовиться к новому сезону, она вынуждена усиленно питаться и в зимний период, когда морской промысел прекращается.

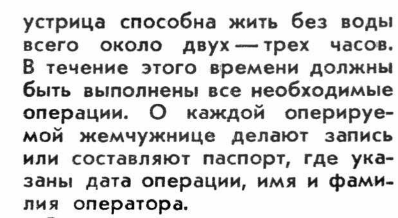
Но поймать морскую раковину вовсе не означает получить жемчужину. Из многих сотен, а быть может, и тысяч добытых на дне моря моллюсков лишь единицы содержат жемчужины.

Долгое время возможности получения натурального жемчуга были весьма ограниченны, ловля жемчуга носила случайный характер. Все это не могло не заставить пытливых людей искать иных путей. Китайские ловцы жемчуга установили, что если ввести небольшой предмет в жемчужницу, то через некоторое время можно извлечь его оттуда уже покрытым перламутром. Таким способом китайцы стали выделывать, в частности, миниатюрные жемчужные статуэтки Будды. Этот способ китайских искателей жемчуга был заимствован японскими жемчужными промышленниками.

Мы познакомились с производством жемчуга на ферме Микимото. Производственные помещения фермы представляют собой несколько легких одноэтажных и двухэтажных деревянных строений.

Входим в первый корпус. Здесь в просторном, светлом помещении стоит несколько небольших столиков, за которыми сидят девушки-операторы в белых халатах. Ловким движением девушка-оператор слегка раскрывает створки раковины, вставляет между ними небольшой предмет, чтобы они не закрылись, и через образовавшееся отверстие специальным острым ножом отрезает узкую полоску живой ткани морской устрицы. Затем эта полоска обрабатывается специальным раствором, режется на мелкие части и особой металлической ложечкой вводится в организм других устриц. Одновременно производится вторичная операция: слегка надрезают и прокалывают определенное место в теле устрицы, чтобы ввести туда два небольших шарика, изготовленных из перламутровой раковины. Цель этих операций состоит в том, чтобы побудить организм устрицы выделять жемчужную эмульсию, которая должна постепенно обволакивать перламутровый шарик, наращивая слой за слоем жемчужный покров. Правильное расположение шарика обеспечивает получение наиболее совершенной формы жемчуга.

После операции жемчужница закрывается, и ее вновь помещают в естественную среду — морскую воду. Морская жемчужная

устрица способна жить без воды всего около двух — трех часов. В течение этого времени должны быть выполнены все необходимые операции. О каждой оперируемой жемчужнице делают запись или составляют паспорт, где указаны дата операции, имя и фамилия оператора.

Раковину помещают в специальные проволочные сетки, которые опускают в морскую воду на нужную глубину так, чтобы они могли свободно перемещаться в случае ненастья, угрозы со стороны хищников, холодного течения или каких-либо иных случайностей. Такие сетки около метра длиной и полуметра шириной крепятся к бамбуковому плоту площадью в десятки квадратных метров.

Жемчужные устрицы крайне чувствительны к колебаниям температуры воды. Они погибают как при слишком холодной, так и при слишком теплой температуре. Не случайно о жемчужинах говорят, что их урожай, подобно вину, зависит от температуры, облачности и осадков.

Возраст оперируемой жемчужницы должен быть три года. После операции жемчужница живет еще три года. Затем ракушки вынимаются, и из них извлекают созревший жемчуг.

Раньше готовые жемчужины извлекались из раковин ручным способом, теперь операция выполняется с помощью машин. Нам показали как ручной, так и машинный способы.

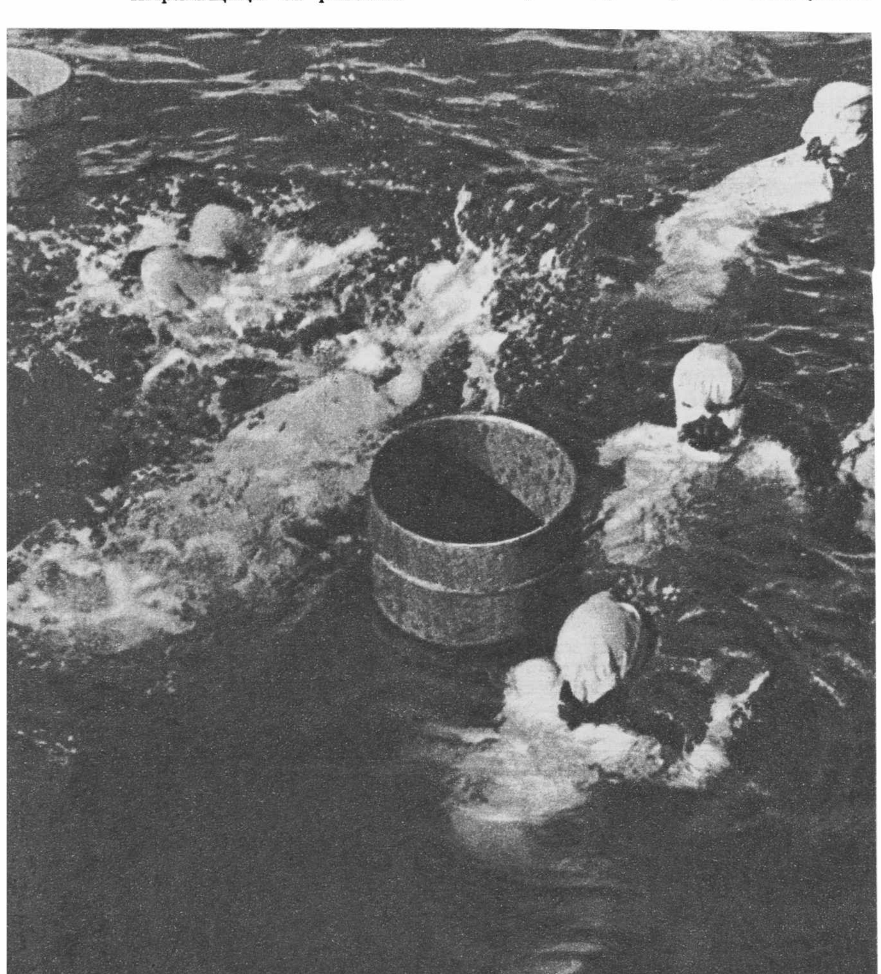
Рядом с машинами, которые расщепляют раковины, отделяют от них моллюсков и извлекают из него жемчужины, мы увидели целые горы отработанных раковин. Они покрыты массивным слоем переливающегося серебром перламутра, который также используется в производстве...

Из операционного зала мы попали в технологический цех — большое светлое помещение с множеством сверлильных станков.

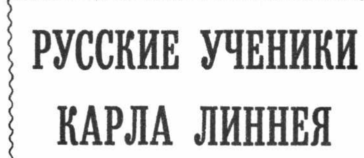
Несколько десятков лаборантов заняты сверлением отверстий, сортировкой, подбором по размеру и цвету, нанизыванием перлов на нить. Нам рассказали, что совершенных жемчужин, имеющих правильную форму и ровную одинаковую окраску, оказывается в процессе обработки очень немного. По имеющимся данным, лишь 0,3% обработанных устриц дают жемчуг, имеющий товарную ценность. Кроме того, их перлы бывают различных оттенков: серебряного, золотого, кремового, розового, коричневого или черного. Самым ценным считается жемчуг розоватого оттенка, затем желтоватого, кремового, за которыми следуют темные цвета.

По производству культивированного жемчуга Японии сейчас принадлежит первое место. Огромные масштабы производства культивированного жемчуга позволили японским жемчужным фирмам заполонить в течение нескольких последних десятилетий не только японский рынок, но и рынки Европы и Америки.

Знакомясь с технологией этого производства, мы невольно обращались мыслью к тем, кто с огромной затратой физических сил добывает основное сырье для жемчужной промышленности — раковины жемчужного моллюска. Тяжелый, нечеловеческий труд ама приносит капиталистическим компаниям огромные прибыли.

Ныряльщицы за работой.

РУССКИЕ УЧЕНИКИ КАРЛА ЛИННЕЯ

В 1758 году ряд выпускников Московского университета, награжденных после его окончания золотыми медалями, был послан для защиты докторских диссертаций в лучшие по тем временам университеты Европы: Лейденский, Упсальский, Женевский и университет в Глазго. Матвей Афонин и Александр Карамышев направились в Швецию, в Упсальский университет (в то время университеты иногда называли академиями). Их главным научным руководителем был Карл Линней, крупнейший шведский естествоиспытатель, 250 лет со дня рождения которого исполняется 23 мая.

В рукописном фонде Научной библиотеки Московского университета сохранились документы, представляющие большой интерес.

Студент Афонин в своем отчете пишет о себе и Карамышеве: «Мы пошли к прославленному доктору медицины и профессору естествознания королевскому архиатру, благороднейшему господину Карлу Линнею и начали с изучения животного и растительного царства, а также занимались ботаникой, по принятому теперь ботаниками способу, а именно, беря какое-нибудь растение и рассматривая его, определяли его класс, порядок, род и вид...»

Через несколько лет русские студенты блестяще защитили диссертации, о чем говорит свидетельство, данное Карлом Линнеем 10 июня 1766 года.

«Настоящим я свидетельствую, что сего года 17 мая благородный русский студент, господин Матвей Афонин уверенно защищал в Упсальской Академии (подготовленную) под моим научным руководством диссертацию «О применении естествознания в общественной жизни» и что он защитил ее при единогласном одобрении и рукоплескании всей аудитории. И я искренне желаю, чтобы этот нелегкий труд принес ему законную награду».

20 июля 1766 года Карл Линней дает аналогичное свидетельство о защите диссертации Александром Карамышевым.

«Свидетельствую, что 16 мая сего года благородный русский студент господин Александр Карамышев, юноша выдающихся дарований, не только публично защищал с кафедры Упсальской Академии в присутствии всех слушателей диссертацию «О необходимости изучения естественной истории России», подготовленную под моим научным руководством, но и что он защитил ее таким образом, что мне не пришлось добавить ни слова».

Линней обеспечил печатание диссертации Афонина на латинском языке. Диссертация Карамышева заключала в себе первый очерк истории растительного мира Сибири и также неоднократно издавалась.

Дальнейшая судьба Матвея Афонина и Александра Карамышева сложилась следующим образом: первый из них, возвратившись в 1769 году в Московский университет, был назначен после соответствующего экзамена экстраординарным профессором натуральной истории и земледелия. Александр Карамышев, зарекомендовавший себя специалистом по горному делу, был отчислен из университета и направлен в «Ведомство Бергколлегии», то есть в управление горного дела.

Е. СПИРИНА,
директор Научной библиотеки Московского университета

Поэты Советской Татарии

ОГНИ НА ВЗГОРЬЯХ

Ш. МАННУР

Горят огни на взгорьях Бугульмы,
Над ними ветер полон вешней дрожи,
Они среди вечерней синей тьмы
На факелы далекие похожи.

Кто их зажег! Зачем горят они
В возвышенном, в гористом крае этом!
Зовут к себе далекие огни —
Озарено полнеба алым светом.

Здесь трубы по ущельям пролегли,
По трубам тем от вышек-великанов
Течет, гудя, во все края земли
Мощь укрощенных яростных фонтанов.

Летит вдали под небом самолет,
Грохочет грозно трактор — поле пашет,
Им силу нефть, им мощность нефть дает,
Земля богата нефтью в крае нашем.

Кипит работа. Строятся дома.
Растут сады. Сдается год от года
Пред волей человеческой сама
Суровая и грозная природа.

Приди, художник, в наш прекрасный край,
Проснись на зорьке, чистым утром рано,
И в красках свежих, ярких передай
И жизнь, и труд, и счастье Татарстана.

Перевел Е. ВИНОКУРОВ.

ОСЕННИЙ ЛЕС

Ахмед ФАЙЗИ

Осеннее справляет торжество
Лес, полный тишины и обаянья.
Лениво листья падают его,
От изобилья — не от увяданья.

Здесь тишина, но жизни тишина.
И радостно, и нет на сердце гнета.
Листва, любовью к сущему полна,
Глядит в глаза тебе и шепчет что-то.

Чем глубже в чащу леса, тем сильней
Влечет в ее таинственную просинь
И золото березовых ветвей
И темная стена шумящих сосен.

Вот, мощью вековой своей гордясь,
Бронзоволистый дуб тебя встречает:
Приветствует тебя, не поклонясь,
А лишь движеньем листьев отвечает.

Вот вспыхнул клен, весь в пятнах золотых
И розовых, как луч заката в чаще.
В темно-зеленых сумерках лесных
Он пламенеет, как костер горящий.

И чудится тебе, что ты пришел
На пир оттенков, красок, отражений;
Что девушки, одевшись в яркий шелк,
Толпой сбежались в хоровод осенний.

Как будто лес пред тем, как он опять,
Закутавшись в снега, впадет в забвенье,
Вдруг яркоцветно вспыхнул, чтоб отдать
Всю красоту свою без сожаленья...

Не говори мне, что стареешь ты!
Жар творческий горит в тебе живее.
Сияй всем исступленьем красоты,
Отдай все сердце людям! Не жалея!

Перевел Владимир ДЕРЖАВИН.

У СТЕН КАЗАНСКОГО КРЕМЛЯ

Заки НУРИ

Казанский кремль гремит на все лады:
У стен его вбивают в землю сваи.
Сююмбике [1] взирает с высоты,
И шпиль ее в весеннем небе тает.

А рядом кран, подняв перед собой
Бадью с бетоном, повернул вдруг шею.
Спокойней, чем с игрушкою простой,
Он с ношей забавляется своею,

Как будто говоря Сююмбике:
«Ты высока, но, если надо будет,
И до тебя — сноровка есть в руке! —
Я дотянусь, когда прикажут люди!»

И этих слов не заглушить ветра́м.
А кран плывет, плывет в небесной сини.
Кто научил его таким речам!
Парнишка, что сидит в его кабине!

Перевел Г. НЕКРАСОВ.

[1] Башня.

А ТЫ?

И. ЮЗЕЕВ

То не снег зимы, а снег ромашек
Шаль твою осыпал, Салима,
И тобой, кто всех на свете краше,
Даже залюбуется зима.

Ты идешь —
то сводишь брови строго,
То цветешь улыбкой озорной.
Хорошо ль тебе одной дорогой
Так идти вот об руку со мной!

Сыплет, сыплет белая пороша...
Ты о том не ведаешь сама,
Как ты на Снегурочку похожа
Из чудесной сказки, Салима!

Снег идет.
Да нет, то облетает
Легкий снег ромашек на пути.
Отчего, скажи мне, дорогая,
Все вокруг вдруг начало цвести!

Так бы и бродил всю ночь с тобою
До утра по улицам пустым.
И свою судьбу с твоей судьбою
Я б связал навеки...
Ну, а ты!..

Перевел Г. ПАУШКИН.

ОБРАЗ ВОЖДЯ

В альбоме собраны рисунки заслуженного деятеля искусств РСФСР П. В. Васильева, посвященные Владимиру Ильичу Ленину. Этой работе художник отдает весь жар души, весь свой талант. На его долю не выпало счастья работать над портретом Ленина с натуры, хотя художник начал писать портреты Владимира Ильича еще при жизни вождя. Но П. Васильев тщательно разрабатывал и разрабатывает весь имеющийся документально-изобразительный, литературный материал, воспоминания соратников Ленина. Плоды большого, напряженного труда — множество портретов, рисунков, сложных тематических композиций на одну и ту же волнующую тему: Ленин.

Мы листаем страницы альбома, и в каждой работе предстает перед нами родной образ вождя, учителя, мыслителя. И вспоминаются слова поэта:

Рот открыт
в напряженной речи,
усов
щетинка
вздернулась ввысь,
в складках лба
зажата
человечья,
в огромный лоб
огромная мысль.

Дело не только в том, что художник, стремившийся к документальной точности, бережной передаче каждой черточки облика вождя, смог сохранить большое сходство, — это, конечно, очень ценно для портретиста. Васильев смог достичь другого, еще более важного: при кажущейся внешней строгости рисунки, на наш взгляд, очень эмоциональны, заставляют учащенно биться сердце зрителя, перед которым Ленин встает как живой.

Мы видим Ильича в грозовые предоктябрьские и октябрьские дни: по дороге в Петроград, с красногвардейцами в Смольном, с крестьянами в Горках. И в вагоне поезда среди солдат, и в Смольном среди рабочих-красногвардейцев, и в Горках среди хлеборобов Ленин — олицетворение того единства партии и народа, к которому он неустанно призывал.

Вдохновенное ленинское слово! Ленин на трибуне! Это, пожалуй, одна из наиболее трудных для художника тем. И Васильев не без успеха решает ее в написанном маслом портрете «Выступление В. И. Ленина», в акварелях.

Васильев много работает, создавая наброски к ленинским портретам. Четыре из них даны в альбоме. Смотришь их с большим интересом. Художник мастерски передает различные характерные выражения лица Ильича. Вот он, потирая руки и сдерживая улыбку, что-то разглядывает. А рядом другой набросок: поглаживая бородку, Владимир Ильич задумался.

Прекрасно изданный альбом с работами П. Васильева, выпущенные миллионными тиражами открытки, марки с его рисунками на ленинские темы — все это страницы творческого отчета художника перед народом в юбилейном, сороковом году Советской власти.

Л. ЛЕРОВ

В. И. Ленин. Рисунки П. В. Васильева. Изогиз. Москва. 1957.

Зуб за зуб

Георгий БЛОК

В кресле сидит девушка: запрокинута голова, глаза страдальчески уставлены в потолок, широко раскрыт рот.

Потрогав пальцем замороженную, лишенную чувствительности, онемевшую десну, хирург берет со столика плоские щипцы, подносит ко рту и накладывает на зуб. Неуловимый решительный поворот руки, чуть слышный треск — и щипцы возвращаются с трофеем: изъятым корнем.

Спустя некоторое время протезист вставит на свободное место искусственный зуб, надев на два часто совершенно здоровых соседа коронки. Ведь искусственный надо как следует закрепить, чтобы он мог раскусывать, грызть, перемалывать пищу. Короче, восстанавливается один только зуб, а страдают из-за него еще два. С них сдирают эмаль, обтачивают и наконец заковывают в стальной, фарфоровый, золотой или пластмассовый панцирь.

Можно поступить и иначе: не портить хорошие зубы, а вставить съемный протез. Но он доставляет немало неудобств его обладателю: во рту торчит «ножка» протеза, на ночь его надо снимать... Но что поделать?

Почему, однако, хирург не воскликает: «Следующий!» — и не отпускает посетительницу? Неужели на очереди еще один корень? Ничего подобного! Прежде всего тут не кабинет зубного врача, а научная лаборатория. Медицинская сестра подает тампон, им останавливают кровь, струящуюся из лунки в десне, тщательно промывают ее пенициллином.

Хирург внимательно рассматривает корень, сравнивает его с прозрачным кусочком плексигласа, органического стекла, акриловой смолы или, как скажет химик, полиметилметакрилата, удивительно на него похожего. Верхушка этого искусственного корня увенчана молочно-белым резцом, каким удаленный обладал, вероятно, очень давно. Удивляться тут, впрочем, нечему: рентген ясно показал все особенности строения и форму корня до того, как его извлекли, и по этой модели выточили близнеца.

Исследователь уверенно вкладывает искусственный зуб в лунку, корень прячется в ней без остатка. Все? Нет, поверх надевается временная проволочная шина, перебрасываемая и на соседние зубы. Врач предупреждает: будьте с ним поосторожнее, недели две старайтесь есть мягкую пищу, жуйте ее преимущественно правой стороной, как если бы у вас побаливал зуб в левой, и незачем его раздражать. Не пугайтесь слабого воспаления, в данном случае оно не только не опасно, но, наоборот, полезно и работает на искусственный зуб.

— Вы хотите знать, что удержит вставленный корень в гнезде? — спрашивает меня профессор Владимир Григорьевич Елисеев, руководитель кафедры гистологии и эмбриологии 1-го Московского медицинского института.— Видите, в нем просверлены узкие взаимноперпендикулярные каналы...

Ученый протягивает мне несколько прозрачных пластинок — болванок будущего корня. Они пронизаны поперечными отверстиями, сквозными, сделанными крест-накрест, на разных уровнях.

— Просто? Но дались они не сразу. У них есть своя история.

Врачей давно уже не удовлетворяют современные методы протезирования, грубые и примитивные. Главное, понятно, вред, причиняемый соседним зубам, здоровым и ни в чем не повинным. Казалось, иного выхода нет. А если произвести имплантацию — пересадку? Эта идея на протяжении столетий, несмотря на свою заманчивость, не находила правильного решения.

Попытки «вживлять» золотые, алюминиевые зубы не приводили к успеху. Пришлось отказаться и от такой мысли: с помощью мягкой пластмассы формировать корень в лунке, откуда только что удалили зуб. Она вызывала нежелательные побочные явления. Удачной не была и пересадка зачатков «живых» зубов. Вначале они вроде бы принимались и росли, но потом, в силу, видимо, биологической несовместимости, рассасывались, отмирали.

Тем не менее ученые не сложили оружия.

Лет двадцать назад Владимир Григорьевич пробовал вводить под кожу крысам стерильные полые пластмассовые трубочки. Опыт показал, что соединительная ткань не только обвивается вокруг трубочки, но и проникает внутрь в любые отверстия и щели, прорастает прочно насквозь и хорошо обеспечивается кровью.

Во время войны хирурги успешно восполняли дефекты черепной коробки пластинками акриловой смолы, новой пластмассы, радушно принятой в различных областях народного хозяйства: в авиации, автомобилестроении, в химической и электропромышленности. Получила она признание и в быту: изделия из органического стекла очень практичны.

Новая пластмасса сослужила большую службу в хирургии. Вот почему профессор Елисеев одобрил выбор молодого врача, впоследствии ассистента кафедры Эвальда Яновича Вареса, который остановился на плексигласе, возможном материале для корней.

Но насколько акриловая смола безвредна для организма, как она взаимодействует с живыми тканями, не токсична ли? Точного ответа не было. Его решил добыть Варес. Свыше сотни крыс и тридцати собак стали объектами опыта: под кожу им вводили трубочки плексигласа. Исследователь этим не удовлетворился, главный эксперимент он проделал в духе лучших традиций отечественной медицины: на себе самом.

В бедро левой ноги Варес вшил множество кусочков органического стекла. По заранее намеченной программе, оперативным путем врач извлекал их вместе с частью окружающей ткани: спустя день, три, пять, десять, через месяц, три, полгода, год и больше.

Изучение под микроскопом тончайших срезов ткани доказало, что она вполне нормальна, не может быть и речи об отрицательном влиянии плексигласа. Вывод: он не вступает в реакцию с клетками, не токсичен, безвреден.

Когда мне довелось побывать на кафедре, побеседовать с экспериментатором — прошло более четырех лет после начала его опыта на себе,— в бедре Вареса все еще находилось несколько кусочков плексигласа. Важно знать не только близкие, но и отдаленные результаты. Ничего плохого, по признанию Вареса, органическое стекло ему не причинило, не беспокоит, не мешает.

Вот эти два факта — ткань отлично прорастает в отверстия трубочек и акриловая смола безвредна — и легли в фундамент задуманной имплантации искусственных зубов. Почему неудача раньше неизменно постигала тех, кто пытался их вживлять? Повторение опытов предшественников дало ответ: при заживлении ранки искусственный зуб выталкивался, как инородное тело.

А нельзя ли найти обходной маневр? Такой путь удалось нащупать.

Опробован, например, такой способ. Корень не удаляют, а высверливают, предварительно заморозив челюсть. Нетронутой остается только тонкая круговая полоска у самой десны, шейка зуба шириной в несколько миллиметров. Оказалось, что она предотвращает нежелательное вмешательство, как говорят в лаборатории, наползание эпителия.

Или поступают по-другому. Взамен изъятого корня вкладывают в лунку искусственный, но лишенный коронки. Поверх него перебрасывают лоскут, вырезанный в десне. А когда заделанный таким образом корень приживет, «крышечку» снимают и ввинчивают в него коронку, пластмассовую или металлическую.

Варес под руководством профессора Елисеева, создавая наилучшую методику, испытывал имплантацию на собаках. Обнадеживающие данные позволили шагнуть на следующую ступень: производить операции пересадки у людей. Нередко они страдали попутно различными, подчас запущенными болезнями — гранулемой, кистой. Другими словами, зуб был в тяжелом состоянии. И все-таки в подавляющем большинстве случаев пересаженный новичок хорошо прививался, исправно нес службу.

На кафедре мне демонстрировали девушку, которой за два года до нашего знакомства вставили искусственный зуб, резец в верхней челюсти. По внешнему виду его трудно отличить от сидящих рядом, нетронутых соседей.

— Я даже забыла, что он у меня чужой,— с улыбкой признается девушка.— Правда, я избегаю им грызть орехи...

Что происходит в челюсти после имплантации? Детально поведал о том Варес в одной из глав своей диссертации на соискание ученой степени кандидата медицинских наук, успешно защищенной им в институте. С помощью рентгена он следил за тем, что происходит внутри лунки и нового корня, неустанно контролировал ход всего процесса.

В первые два — три дня развивается воспаление — протест организма против внедрения чужеродного тела. По мнению профессора Елисеева, здесь оно необходимо и играет положительную роль: усиленный приток крови полезен. Просветы каналов заполняются тонкими фибриновыми нитями. Они располагаются вдоль стенок, образуя аркообразные ленты.

Придерживаясь этого временного каркаса, а иногда параллельно с ним, внутрь вползают лейкоциты, макрофаги и другие клетки — верная стража нашего тела. Теперь каркас как бы состоит из тесно переплетенных ячеек.

Обычно через десять дней воспаление полностью прекращается. К этому времени каналы корня заполняются молодой соединительной тканью, прорезанной густой сетью кровеносных сосудов. Ее мощные тяжи со всех сторон охватывают переселенца, заключая его в прочную живую капсулу.

А месяца через два соединительная ткань в каналах становится грубой, плотной; в нее кое-где внедряются костные бугорки. Они врастают со стороны надкостницы и со временем превращаются в костные балочки, крепко удерживают зуб. Когда однажды пришлось удалять искусственный корень, Варес смог это сделать только по частям, полностью его разрушив. Ведь это неплохое свидетельство того, как прочно он закреплен.

Конечно, пока положено начало, проблема еще не решена. Найден и разоблачен главный враг — плоский эпителий, еще надо до конца победить его. Предстоят новые кропотливые эксперименты, наблюдения за отдаленными результатами не на единицах, а на десятках больных.

Сейчас Эвальд Янович Варес, избранный по конкурсу на кафедру Калининского медицинского института, продолжает совершенствовать, проверять и разрабатывать методы полной имплантации. Получено сообщение, что в Китае, в городе Шаньтоу, профессор Ли Ли-фу, узнав об опытах пересадки искусственных зубов, заинтересовался ими. Он сделал несколько операций на многокорневых зубах и прислал москвичам извещение о том, что первое впечатление вполне благоприятное. Проявляют интерес к новому методу в Польше, Чехословакии, Франции и в других странах.

— Я предвижу время,— говорит профессор Елисеев,— когда станет обычным и, пожалуй, обязательным взамен удаленного тут же пересаживать искусственный зуб. У старых людей вместо испорченных появятся искусственные, хорошие, сменённые зубы. Мне это кажется не мечтой, а реальной программой действия.

ТАТАРКА

Рассказ

Фатых АМИРХАН

Рисунок О. Верейского.

Фатых Амирхан (1886—1926) — видный представитель прогрессивной татарской демократической литературы. Начало его творческого пути относится к 1904—1905 годам. Писатель принимает активное участие в общественно-политической жизни того времени, сотрудничает в газетах и журналах, переводит статьи с русского языка на татарский, пишет сатирические фельетоны, в которых высмеивает мещан, невежественных мулл.
Рассказ «Татарка» написан в 1909 году.

Посвящаю татарским девушкам, не желающим быть погребенными заживо.

Фатых.

I

Родилась девочка...

Она была такой же, как и все человеческие существа: в ее воле было шевелить руками, ногами, вертеть головкой, любоваться окружающим миром.

Правда, ее пеленали и принуждали не двигаться. Но она могла сопротивляться: плакать, кричать и открыто смотреть в глаза своим притеснителям.

Она могла, не таясь, смеяться и радоваться. Вольна была огорчаться, желать или не желать.

Когда она родилась, ее положили в такую же колыбель, в какую клали и мальчиков. Отец и мать в сердцах своих дали ей место рядом с сыновьями. Девочка жила в той же комнате, ее носили по тем же улицам, где были и мальчики.

Она мерзла от той же стужи, что и мальчики. Солнце щедро светило и ей, озаряя ее золотыми лучами, легкий ветерок приносил и ей нежные запахи весны. Казалось, и цветы раскрывали свои лепестки навстречу ей. Природа подносила ей те же дары, что и другим человеческим существам.

II

До шести лет девочка была живым существом. Но потом какая-то злая, черная сила в своем тайном судилище приговорила ее к смерти. Она приказала схватить татарку в безжалостные тиски и медленно душить ее, душить до тех пор, пока не будет выжата последняя капля жизни. Она приказала зарыть татарку в могилу заживо, прежде чем перестанет биться ее сердце и остынет тело.

Девочке было шесть лет. Братья иногда обижали ее: ударят, дернут за косичку. Как и всякое живое существо, она могла противиться насилию: ударят — ответит тем же, за косичку дернут — укусит обидчику палец, расцарапает лицо. Но теперь черная сила, осудившая татарку на смерть, не могла допустить, чтобы жертва ее вела себя как живое существо. И она заставила живую куклу, называемую матерью, передать свое повеление:

— Девочкам драться с мальчиками неприлично!

Неопытная девочка не знала, что с этого запрета началось исполнение вынесенного ей смертного приговора.

Девочке исполнилось семь лет...

Прежде она могла бегать по улице вместе с мальчиками, с такими же детьми, как и она сама. Но одна из живых кукол, мать девочки, повторила, как попугай, повеление черной силы:

— Девочке играть с мальчиками неприлично!

Девочка не поверила столь противоестественному, противному человеческой природе запрету. Тогда черная сила взялась за дело не шутя. Она заставила отца татарки повторить приказ:

— Девочке играть с мальчиками неприлично!

Окружавшие ее люди повторили то же самое:

— Девочке играть с мальчиками неприлично!

Недоверие девочки было сломлено. Она поверила, ибо думала, что люди так же чисты и непорочны, как и она сама.

Но жизнь решила защищаться. Ей казалось, что она победит врагов, если вызовет их на суд разума.

— Почему? — спросила жизнь.

— Так повелели деды,— ответила черная сила.

Жизнь поразилась. Она никогда не думала услышать столь бессмысленный ответ.

Жизнь оказалась безоружной перед неожиданной бедой, и девочка утратила главные свои свойства: чувство свободы, способность самой, без чужой помощи, противостоять злу и насилию.

Тогда черная сила, усмехаясь и торжествуя, вручила своей жертве маленьких мертвых кукол.

Разлученная с другими детьми, лишенная вольного воздуха, свободы, девочка разглядывала мертвых кукол с недоумением.

Черная сила подослала ей живых кукол, называемых «мать», «бабушка», «сестра», «тетка», и заставила их обучить девочку игре с мертвыми куклами. А играть надо было, подражая жизни кукол живых: водить их в гости, выдавать невест замуж, играть свадьбы, делать подарки сватам...

Девочке пришлось играть со зловещим подарком черной силы.

— Это кукла-мальчик, а это — девочка. Кукла-мальчик берет в жены куклу-девочку; свадьба, приехал жених, прибыла невеста, пришли гости...

Девочка не понимала истинного значения этих слов. Но она играла, играла, играла...

Черная сила, спрятавшись в углу, наблюдала за татаркой с усмешкой:

— Готовишься? Готовься. Такова твоя жизнь в будущем.

III

Девочку отдали учиться к абыстай — жене муллы. У нее возник кощунственный вопрос: «Почему мальчиков Гали, Вали и Биктемира отдали учиться в школу, а меня повели к абыстай?» Черная сила пришла в ярость:

— Девочкам учиться с мальчиками нельзя!

Живые куклы дружно закивали:

— Да, да, нельзя!

Жизнь пыталась защищаться:

— Почему нельзя?

Живые куклы закричали в ответ:

— Потому что стыдно! Неприлично!

Отец подтвердил авторитетно:

— Да, да, стыдно!

— Но почему?

Отец угрожающе взъерошил короткие усы, живые куклы недовольно нахмурились, да так, что люди могли бы в страхе разбежаться, не зная, что перед ними куклы.

— Как почему?! Да потому, что стыдно, неприлично!

Теперь черной силе добиться своего было легко: самое трудное она поручила другой живой кукле, учительнице, называемой абыстай, своей давнишней преданной служительнице. Учительница хорошо знала свои обязанности — превратить татарку в такую же живую куклу, какой была сама. Вооруженная сорокалетним опытом, она знала короткий и очень легкий путь для достижения своей цели; три года разными способами она внушала девочке одну истину: женщины — существа, совершенно иные, чем мужчины. Девочке эта «наука» уже не показалась странной: ведь она так много слышала об этом от живых кукол дома. Учительница добивалась и больше-

го: все три года она твердила девочке, что женщины не только существа иные, чем мужчины, но они соблазн, грех.

Жизнь гневно запротестовала:

— Неправда! Я не соблазн, я человек! Да, человек!

Черная сила пришла учительнице на помощь, и та выложила перед девочкой кучу книг, рукописных и печатных. В книгах было написано, что весь род женский есть соблазн.

Жизнь сопротивлялась, спросила в изумлении:

— Почему?

— Так сказано в священной книге,— был ответ учительницы.

А черная сила погрозила девочке кулаком:

— Попробуй не верить старшим! Я тебе!

IV

Татарке исполнилось тринадцать лет...

Ей дали бесформенный полосатый мешок, который прячет живых кукол от людских глаз, от солнца, луны и воздуха.

Живая кукла, мать девочки, сказала ей:

— Дочь моя, тебе исполнилось тринадцать лет. С этого дня и до самой могилы ты должна покрываться этим с головы до ног! — И вручила ей полосатый мешок.

Рыжебородый отец с короткими торчащими усами подтвердил:

— Покрывайся этим до самой могилы!

— Почему? — спросила девочка в отчаянии.

— Если встретишь существо с бритой головой и в малахае, называемое мужчиной, закрой лицо краем этого покрывала! — не ответив на вопрос, добавили отец и мать.

— Но почему? — спросила жизнь, плача горючими слезами.

Теперь ответила учительница:

— Лицо твое, волосы, вся фигура — соблазн, а соблазн должно скрывать. Мужчины глядят на тебя с вожделением, и потому ты должна прятаться от них.

Жизнь еще никогда не слышала более унизительного, чем это.

А учительница еще два года стрекотала над ухом татарки:

— Да, мужчины глядят на тебя с вожделением!

Обессиленная, с подрезанными крыльями, жизнь не осмелилась спросить «почему», ибо черная сила, оскалив зубы, грозила ей кулаком.

— Тебе пятнадцать лет. Учиться дальше и показываться мужчинам стыдно! — заявили девочке живые куклы.

Жизнь была тяжко больна — она не вступилась за татарку.

А черная сила, между тем, внушала жертве:

— Ты уже знаешь, что ты существо, стоящее ниже мужчины, ты соблазн. Ты узнала все, что тебе полагалось. А знать больше стыдно. Да, стыдно.

V

Живые куклы и толстопузый отец дали девочке строгий наказ:

— Вот тебе четыре стены, стереги их, они же будут стеречь тебя до тех пор, пока не найдется для тебя животное, называемое мужем, которому ты будешь игрушкой.

Девочка не поняла. Черная сила объяснила:

— Окно в шесть оконниц — твое солнце, пять комнат дома заменят тебе пять частей света: Европу, Азию, Африку, Америку и Австралию. Хилые цветы на подоконнике — сады, поля и леса; затхлая вода в тазу и в кумгане сойдут за реки, озера и моря; спертый воздух, отравленный запахами угля, бараньего сала и благовонного масла[1], заменит тебе вольный воздух всей земли; вместо музыки ты будешь ежедневно слушать дома крики, плач и перебранку; семь — восемь живых кукол и отец заменят тебе полуторамиллиардное население земного шара; науку и философию — плод тысячелетних усилий человечества — заменит тебе священное твое невежество.

Жизнь лишь бессильно вздохнула. Смертельно больная, она все еще не хотела быть удушенной в этой темнице. Жизнь подвела татарку к окну. Была пятница — священный день. Мимо окна шел кривоногий приказчик. Татарка взглянула на него. Она не имела права делать этого: живые куклы обвинили бы в том, что она «влюбилась» в него. Приказчик приосанился, сверкнул взглядом и «любовно» спросил:

— Почему сидишь одна, красавица?

В субботу девушке уже запретили сидеть у окна, и она только прохаживалась около него. Мимо прошел ученик медресе — шакирд. Девушка «влюбилась» и в него. Шакирд промолвил ей: «Чернобровая гурия моя!» — и решил сегодня же написать ей любовное письмо на разрисованной цветочками бумаге.

В воскресенье татарка получила приказ: не сметь подходить к окну. Но она подошла украдкой. Мимо шел сын муллы в чалме на свежевыбритой голове. Девушка «влюбилась» и в него. Сынок муллы поправил чалму, чтобы она выглядела щеголеватей, и, прищуря глаз, прикинул в уме выгоды женитьбы на дочери бая; он решил сегодня же передать девушке через старуху «любовное» послание.

В понедельник девушка подошла к окну с опаской. На сытой лошади проехал толстобрюхий бай с сынком. У сынка масляные глазки, шапка набекрень. Девушка опять взглянула: «влюбилась». А байский сынок подмигнул ей и подумал, что девушку, пожалуй, можно сделать своей пятой любовницей. Старый бай смекнул, что со временем мог бы взять ее второй женой.

VI

Но и случайные взгляды в окно — эти предсмертные судороги жизни — вызвали недовольство черной силы.

Живые куклы сообщили татарке:

— Ты сосватана за торговца ичигами Биктемира и должна служить ему!

А мудрый отец изрек:

— Воля Биктемира — божья воля!

Черная сила объявила:

— Цель моя достигнута. Отныне ты избавляешься от мятежницы, называемой жизнью, и становишься куклой, хотя и живой.

Отцы — один, продающий игрушку, другой, покупающий ее для сына,— начали торговаться.

— Ну, уважаемый Зайнетдин, мехер[1] — пятьсот рублей.

— Нет, дорого. Вот тебе с легкой руки четыреста!

— Э-э, уважаемый Зайнетдин, прибавь пятьдесят!

— Ну, бог с тобой, так и быть, в придачу дам платье, шитое позументами!

Сперва позвали в дом много живых кукол и накормили их. Будущей живой кукле нанесли много тряпок, безделушек.

Затем позвали толпу глупцов, игрушками которых были живые куклы. Их тоже накормили. Среди них был один человек в чалме; он прочитал молитву, подул. С этой минуты татарка стала законной игрушкой торговца ичигами Биктемира.

— Ты (имярек) согласен отдать дочь Биктемиру, сыну Зайнетдина, за четыреста рублей и платье с позументами?

— Да, да!

— А ты, Зайнетдин, согласен взять в жены своему сыну Биктемиру дочь (имярек) за четыреста рублей и платье с позументами?

— Да, да!

После этого невесту и Биктемира четверо суток держали взаперти. Настало время везти татарку в дом мужа.

Живая кукла дала последнее наставление:

— Дочь моя, слушайся мужа, будь прахом под его ногами!

Мудрый отец добавил:

— Воля торговца ичигами Биктемира — божья воля!

Убедившись, что жизнь молчит, черная сила взглянула на татарку и радостно рассмеялась:

— Теперь ты стала настоящей куклой!

VII

Биктемир посадил куклу в четырех стенах.

— Вот тебе стены, ты должна стеречь их до самой могилы. А я, когда захочу, приду поиграть с тобой!

Черная сила стояла в углу и поучала:

— Твоя святая обязанность — быть игрушкой мужа и рожать детей, чтоб продолжить род таких же, как вы, глупцов!

Биктемир взглядом показал татарке в угол, и та склонилась перед черной силой:

— Да, я знаю, я хорошо знаю, что рождена на свет только для этого.

Черная сила, убедившись, что жизнь молчит, захохотала:

— Наконец-то я превратила татарку в живую куклу!

Продолжая хохотать, черная сила вышла из угла на свет.

Татарка была погребена заживо!

А в это время ученики медресе «Жамигыль-азхар» в Египте, чтецы корана в стамбульской мечети Айя-София, находящейся бок о бок с парламентом для «защиты» национальных прав, мусульмане Индии, отшельники-аскеты, ютящиеся по углам медресе, мусульмане-паломники среди развалин города Булгары и паломники всего земного шара, идущие в Мекку, повторяли стих из корана, прямо относившийся к заживо погребенной девушке, стих о дне страшного суда, на котором девушку спросят, за совершение какого греха она умерщвлена.

Перевод Г. ХАНТЕМИРОВОЙ.

[1] Исламом запрещалось употребление духов, настоенных на спирте, и вместо них мусульмане употребляли благовонные, ароматические масла.

[1] Мехер — выкуп за невесту.

ИСКУССТВО ТАТАРИИ

Татарское изобразительное искусство очень молодо. У него нет традиций, как у татарской литературы, музыки или у искусства театра. Религия категорически запрещала мусульманам изображение человека и животных, ибо «кто сделает изображение человека, того аллах накажет».

Поэтому изобразительное искусство татар в основном было декоративным. Художественное творчество народа выявилось в орнаментике и в украшении жилищ, одежды, предметов быта и т. д.

Народный поэт Габдулла Тукай в 1906 году писал об острой нужде татарского народа в национальных художниках-профессионалах. Известный драматург Г. Камал организовал сбор среди прогрессивно настроенной татарской интеллигенции, чтобы обучить в Казанской художественной школе хотя бы одного художника-татарина для сатирических журналов «Ялт-Йолт» и «Илдыз». Однако из этого ничего не получилось.

Великая Октябрьская социалистическая революция открыла перед татарским народом безграничные возможности культурного расцвета.

Молодое татарское изобразительное искусство развивалось на основе длительного взаимодействия передовой культуры великого русского народа и искусства братских народов нашего Союза.

Теперь в Татарской республике национальные художники в творческом содружестве с русскими художниками добились заметных успехов.

Книги, выходящие в Татарии, иллюстрированы татарскими графиками, в театрах страны идут спектакли в декорациях художников Татарии. За короткий срок в молодой республике родилось и развилось новое изобразительное искусство.

В дни декады в Москве будут показаны и образцы народного творчества. Любовно сделаны народными мастерами ювелирные украшения: браслеты, кольца, серьги. Платья, знаменитые женские калфаки, разнообразные тюбетейки, шитые золотом и серебряной канителью по бархату, вышивка — полотенца, драпировочные ткани, платки — показывают богатство многовекового татарского орнамента и искусство народных мастеров.

Большой известностью пользуются татарские ичиги (мягкая кожаная обувь), башмачки с красивыми узорами, искусно выполненные народными умельцами. Издавна славились керамические изделия из Пестриц: вазы, горшки, кувшины с татарским орнаментом.

Татарский народ любит свое искусство и бережно хранит его традиции.

Х. А. ЯКУПОВ,
заслуженный деятель искусств ТАССР.

Л. А. Фаттахов. САБАНТУЙ.

А. П. БУРЛАЙ. НЕФТЕРАЗВЕДЧИКИ.

Р. В. Нурмухаметов. ОТТЕПЕЛЬ.

Х. А. Якупов. ЧЕСТВОВАНИЕ МАТЕРИ-ГЕРОИНИ.

Н. Д. Кузнецов. ПЕРВЫЙ СНЕГ.

Л. А. Фаттахов. ПОКА МАМА НЕ ВИДИТ.

ЗАХАР ЗАХАРЫЧ И ТОНЬКА

Рассказ

Анатолий КУЗНЕЦОВ

Рисунок Ю. Реброва.

Захар Захарыч был одинок и угрюм. Если не считать оказий, когда удавалось раздавить «сучок» — так называли шоферы четвертинку, — то он был и неразговорчив.

Совершенно седой, в пятьдесят лет он казался стариком и выглядел чужим, случайным человеком среди бойкой молодежи общежития, где он обитал.

У него и дружок был такой же старый и угрюмый; иногда дружок приходил в гости. Занимали стол, из карманов появлялись на свет божий пол-литровка, копченая вобла, и завязывалась неторопливая, одним шоферам понятная беседа о баллонах, мостах, подъездах и других не менее увлекательных вещах.

И ребята слышали однажды, как Захар Захарыч рассказывал, что он поседел под Ленинградом в сорок втором году (он и тогда водил «студебекер»), и там у него в одну зиму перемерла вся большая семья. На замечание дружка, что, дескать, надо бы обзавестись новой, Захар Захарыч отозвался неопределенно. Видимо, он сам на все это давно махнул рукой.

В эту ночь Захара Захарыча послали возить бетон в конец эстакады. Это было громадное сооружение рядом с плотиной, похожее на шоссейный мост и высокое, как семиэтажный дом. Сама неоконченная плотина была усыпана огнями, там стояли шум и звон, трещала и слепила электросварка. А на эстакаде было пустынно, тут фантастически раскорячились уходящие в мутное небо портальные краны и гулял ветер.

Старенький скрипящий и дребезжащий самосвал Захара Захарыча старательно полз под самое небо, вываливал бетон в бадью; кран лязгал, сигналил и на гудящих тросах нес бадью к огням; там уже вырисовывались водосливы, гладкие и покатые, как застывшие потоки водопада.

На темной эстакаде дежурила только одна бетонщица, деловитая и злая. Не успевал Захар Захарыч вывалить бетон в бадью, как она стучала лопатой:

— Пошел, шофер, не копайся! Эй, крановщик, вира-а!

Захар Захарыч разворачивался и ехал на бетонный завод. На завод — на эстакаду, на завод — на эстакаду.

Он отлично понимал, что если подойти соответственно к этой девчонке, то она в конце концов припишет ему несколько ходок. И вместе с тем с каждой поездкой почему-то все больше раздражался на нее.

Бывают люди, которые несимпатичны с первого взгляда, и для Захара Захарыча с каждым годом таких людей становилось все больше и больше.

Ну, чего она спешит? Чего она вертится, словно червяк в ней сидит? «Давай!», «Пошел!»

На пятнадцатом рейсе он вышел из кабины и мрачно спросил:

— Ну? Чистить кузов я, что ли, буду?

— Чистый...

— Я те дам чистый. А по углам?

Приемщица, злобно сверкнув глазами, полезла в кузов и долго ковыряла лопатой налипший и схватившийся по углам бетон. А шофер стоял, курил и зорко следил за ней.

Она была совсем молоденькая, лет восемнадцати, не больше. В забрызганном с ног до головы дырявом комбинезоне, резиновых, как боты, сапожищах, в которых у бетонщиков вечно потеют и преют ноги, она сзади казалась похожей на медведя.

А спереди из-под платка смотрело полненькое, румяное широкое личико, и нос курносый, губы обветренные, а волосы светлые-светлые, льняные, словно выцвели на ветрах, дождях и солнцепеках.

Она спрыгнула, запыхавшаяся, разгоряченная, и крикнула:

— Ну, что раздымился? Давай съезжай! Эй, ви-ра-а!

Крановщик откуда-то с поднебесной выси откликнулся гудком: давай, мол, убирайся. Захар Захарыч, умышленно не торопясь, растоптал сапогом окурок, основательно проверил задний борт, постучал по крючьям и только тогда полез в кабину. Он уловил то, что ждал, — ненавидящий взгляд бетонщицы — и довольно улыбнулся, потому что с водослива нетерпеливо орали:

— Давай бетон, Тонька!

А старик еще минуты две заводил мотор, и на бетонный завод ему ехалось вроде как бы и веселее.

В каждом рейсе курносая Тонька бранила Захара Захарыча на чем свет стоит. Она все больше уставала, но, кряхтя, лезла в кузов и долбила, долбила бетон. Чем больше его налипало, тем, казалось, приятнее было старику. Выйдешь, поругаешься, покуришь — ночь скорее пройдет.

Если говорить откровенно, ему, может, и не хотелось, чтобы девчонка так часто чистила. Работа пустая: все равно налипнет. После смены почистил раз — и достаточно. Да она, видно, молодая, старательная... Ему только хотелось, чтобы она кричала:

— Что я тебе, лошадь, за каждым разом чистить?

Она кричала, чистила, а потом с сердцем швыряла лопату на настил.

— Ну, 88-й, вредный какой попался! Пошел, давай съезжай!

Номер машины Захара Захарыча — 09-88, и его никогда не называют по имени-отчеству, а так и кричат:

— 88-й, пошел, давай!

На двадцатой ходке заморосил дождь. По кабине жестко барабанили капли. Защелкал включенный «дворник». Сквозь дождь в луче фар Захар Захарыч различил курносую Тоньку. Она пыталась укрыться под бадьей. Но ветер свободно гулял на такой высоте, крутил и гонял водяные вихри, и платок с льняными прядями уже прилип ко лбу девчонки.

Захар Захарыч вывалил бетон и уехал, на этот раз особенно почувствовав преимущества своей работы: тепло, уютно в кабине и даже мягко. А на эстакаде в такой час — брр! — холодно.

Дождь усиливался. Приехав снова, Захар Захарыч поискал глазами Тоньку, и оказалось, что она все сидит, съежившись под бадьей, притиснулась к ледяным железным ребрам. Бадью почему-то еще не поднимали, так бетон и остался.

Старик высунулся из кабины:

— Ну, чего?

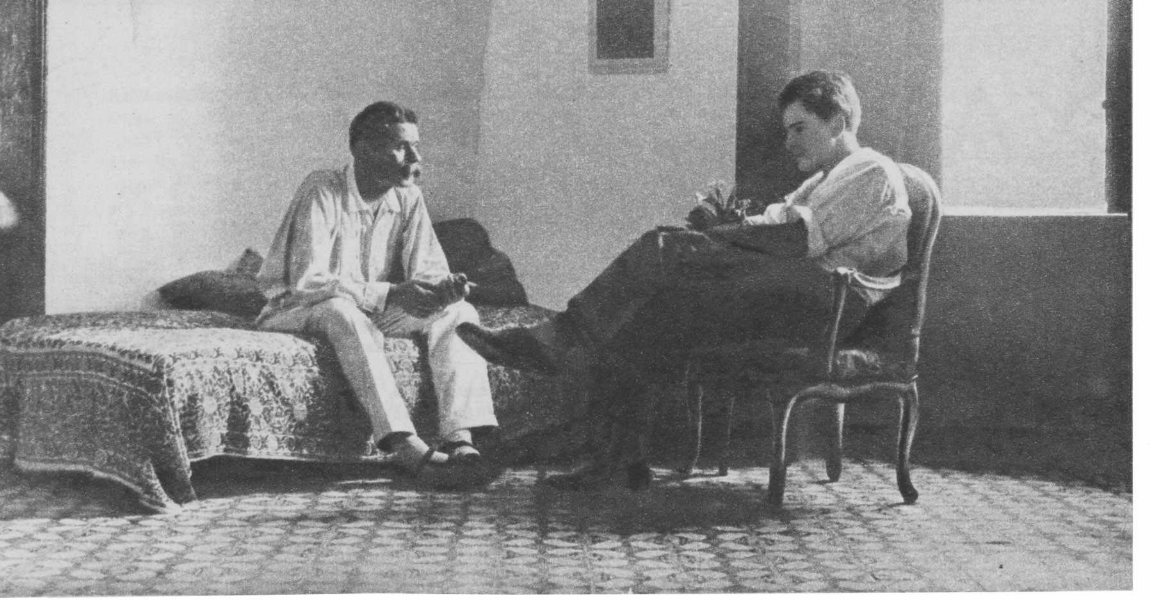
— Брак сделали, — неохотно отозвалась Тонька, не двигаясь. — Постой чуток.

— Ну вот... поспешишь — людей насмешишь, — буркнул Захар Захарыч, словно он и предсказывал это, но удовлетворения не почувствовал. Наоборот, ему захотелось поворчать: — Да! С такими работниками и тридцати ходок не сделаешь. Заработаешь!..— Он сплюнул и грубо крикнул на Тоньку: — Ну, что обнимаешься с бадьей-то? Милый тебе, что ли? Иди в кабину.

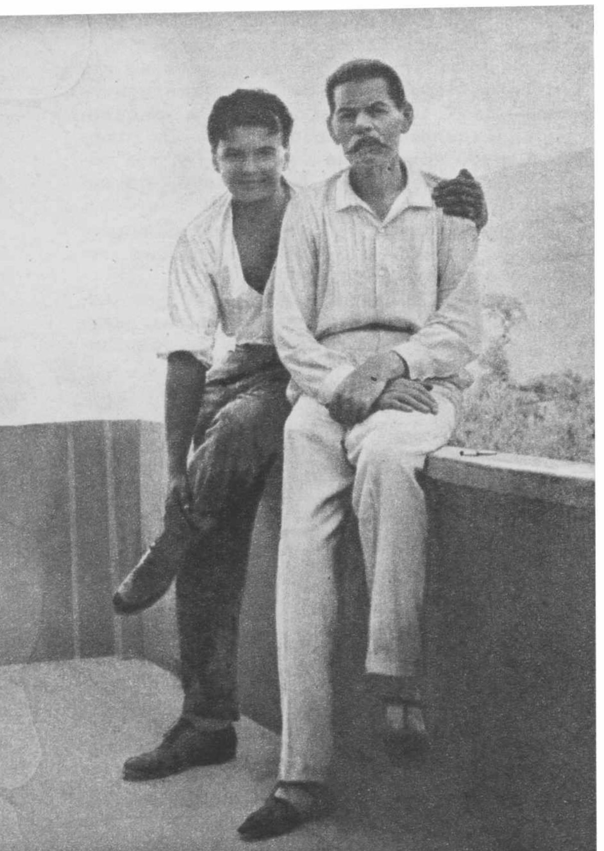
Тонька стряхнула ладонями воду с лица и послушно полезла в кабину. Мокрая, она уже вызывала сочувствие старика.

Он закурил, поднял стекло и, наполнив тесную кабину клубами махорочного дыма, задумался. Шумел по крыше дождь, на водосли-

М. Горький и Л. Леонов. Вилла Горького.

М. Горький и Л. Леонов на террасе виллы Горького.

ПЕРВАЯ ВСТРЕЧА Л. ЛЕОНОВА с М. ГОРЬКИМ

Это было 30 лет назад. Алексей Максимович Горький в то время жил в Сорренто и в одном из писем к Леониду Леонову пригласил его приехать к нему с женой погостить.

Весной 1927 года Леонов поехал в Италию. Он прибыл в Сорренто в мае и остановился в соседней гостинице «Минерва», где обычно жили все приезжавшие к Горькому гости.

Не успел Леонов умыться, слышит стук в дверь. Открывает и видит: стоит Горький в голубой рубашке с отложным воротником, в белых брюках.

«Давайте же знакомиться, — говорит Горький. — Что ж... очень рад, что вот... приехали ко мне».

«А когда же вы к нам? Мы ждем... Теплые-то края и у нас есть».

Алексей Максимович смеется:

«Вот уж на следующую весну. Хочу повидать друзей. Хочу проехать по Волге. Много хочу...»

— Так в Сорренто я познакомился с ЧЕЛОВЕКОМ Алексеем Максимовичем Пешковым, — закончил Леонид Максимович свое воспоминание о первой встрече с великим пролетарским писателем.

Мы помещаем два снимка, на которых Горький сфотографирован с Леоновым. Их снимал сын Горького — Максим, взяв аппарат у Леонова. Снимки сделаны в тот день, когда Леонов впервые рассказал Горькому план и замысел своего романа «Дорога на океан». Горький встретил рассказ очень горячо, поддержал Леонова. Горький «сказал мне слова, которых я никогда не забуду. Весь этот день в особенности для меня памятен!» — говорит Леонов.

М. АМШИНСКИЙ

вах перекликались голоса бетонщиц, и по-прежнему сверкали огни сварки.

Так прошло минут пятнадцать. Потом кто-то стал звать:

— Гурминиха-а! Тонька! Отошли машину, тут на час работы.

— Что? Что? — удивленно пробормотал старик.

— Поезжайте на другой участок, — растерянно сказала девушка.

— Ку-да?

— На седьмой.

— Здрасте! Седьмой во втором часу закончил.

— Ну, а я-то что сделаю?

— Что, что! А вот и будем стоять. Куда я бетон дену? В канаву?

— Схватится...

— Ничего. Авось, под дождем не схватится.

С водослива больше не кричали. Тоня вздохнула и уселась поудобнее: ей тоже не хотелось расставаться с уютной кабиной. Она закрыла глаза.

Но Захар Захарыч, наоборот, все оживлялся. Он поглядывал на нее нерешительно.

— Гм... Так как, говоришь-то, фамилия твоя?

— Гурминова.

— Гурминова? Вот дела-то... И я Гурминов!

Это было сказано почти торжественно. Тоня приоткрыла глаза, сонно посмотрела на Захара Захарыча и снова задремала.

— Вот странно... — бормотал старик. — Фамилия-то не частая.

Тоня не отвечала. Он помолчал и снова закурил.

Дождь прекратился, тучи разорвались, и оказалось, что уже начался рассвет. В разрыве небо было серое, холодное. Все предметы вокруг четко выступили: бадья с бетоном, на котором уже лужицами собралась вода, и мокрая лопата на эстакаде, и замерший колосс — портальный кран...

— А может... мы родственники? — тихо спросил Захар Захарыч, и сиденье под ним заскрипело. — Ты откуда сама?

— Не-е... — промычала Тоня. — Я из Бодайбо.

— М-да. А я из Пензы. Ну, а деды твои-то откуда? Небось, не всегда в Бодайбо жили?

— Жили. Всегда.

— Что значит всегда? А до Ермака-то не жили! Пришли откуда-то? Может, с Пензенской губернии? Не слышала, а?

— Не-ет. Не спрашивала.

— А ты бы спросила. Слышь, Тонька, спроси. У матери спроси и отца.

— Нет.

— Что нет? — рассердился старик.

— Да нет матери и отца у меня.

— Где ж они? — насупился Захар Захарыч.

— Отец на войне... А мать в позапрошлом году померла.

— Так ты что ж, одна?

— Одна.

— Эх, ты...

— А что?

— Да ничего. Вот и я тоже один.

Сиденье опять заскрипело. Но Тоню вдруг разморил сон. Она все кивала, кивала головой и пыталась поудобнее устроиться.

— Ты садись вот так, — ласково пробормотал Захар Захарыч, отодвигаясь в самый угол, — да и прикорни. Постой, у меня вот тужурка есть... тужурка есть...

Он вытащил откуда-то грязную, насквозь промасленную тужурку.

Тоня заснула. А старик снова достал кисет, свернул самокрутку, но покосился на девушку и не стал курить.

Рассветало все больше. Уже появились на небе нежные розовые полоски. Блестел вымытый дождем настил эстакады, и лопата все так же валялась подле бадьи и отражалась в луже. Захар Захарыч украдкой разглядывал девушку.

«Дите совсем. Промокла, бедная, так и спит. Красивая сама. А руки рабочие, большие, изуродованные: попробуй-ка помахай лопатой, а там вибратором, а там молотком, ломом... И чего ж понесло тебя в бетонщицы?.. Волосы-то как лен, а нос лупится».

Голова ее медленно сползала по спинке сиденья и наконец уперлась в бок Захару Захарычу. Сонная, эта девчонка действительно была похожа на ребенка: пухлые губы, надутые щеки.

Старик сидел, боясь шевельнуться, боясь вздохнуть или кашлянуть. И вдруг ясно-ясно почудилось ему далекое, забытое, похожее на неправду, на сон: его дети, льняные волосики и запах пеленок. От неудобной позы закололо в сердце; Захар Захарыч не мог вздохнуть и вместе с тем готов был век так сидеть, не двигаться и слышать рядом ровное здоровое дыхание девчонки, словно родной, словно дочки.

И он уже не мог понять, почему он обижал ее и зачем ему нужно было браниться?..

Так прошло полчаса. Может быть, меньше, может быть, больше. Для Захара Захарыча время остановилось. И только небосклон бесшумно и стремительно менялся, разрастался в невиданное зарево солнечного пожара. Где-то протяжно и истошно звали: «Алектрик! Алектрик, чтоб ты провалился!» На водосливе стучали плотники; грохотали внизу, меся грязь, бульдозеры и звякали где-то по железу: бам, бам.

— Тонька-а! Шо-фе-ер, давай бетон!

Захар Захарыч вздрогнул.

Кран вдруг лязгнул и засигналил, Захар Захарыч застыл над спящей, словно скупой над сокровищем.

Но Тоня сквозь сон услышала, встряхнулась, поднялась.

— Что? Подавать? — испуганно спросила она немного охрипшим от сна голосом, выскочила, хлопнула дверцей: — Ви-ра-а!

— Тонька, — неизвестно чему улыбаясь, распоряжался мастер издали, перегнувшись над пропастью. — Тонь-ка-а! Вали сразу две, вали эту!

Тоня засуетилась:

— Шофер, подъезжай, вали! Давай!

Захар Захарыч послушно, как сонный, опрокинул кузов, но бетон все-таки слежался, и половина его прилипла к стенкам.

Тоня ахнула. Тогда старик взял лопату и полез наверх.

— Да не надо, я сама... шофер... ой, как вас звать, дядечка? Захар Захарыч? Давайте я, дядечка Захар Захарыч!

— Ничего, племянница, ничего, — проворчал Захар Захарыч. — Ты всю ночь работала. А я вот замерз, да, замерз старик...

Проклятое сердце его, конечно же, сразу закололо, а он долбил и долбил, пока не выгреб весь бетон. Стараясь не подать виду, что задыхается, Захар Захарыч спокойно сел в кабину, отметил в путевке ходку и медленно тронул по мокрому, словно вымытому заботливой хозяйкой настилу. Он думал, что Тоня ничего не заметила. А она, оставшись одна у пустой бадьи, растерянно держа лопату, долго смотрела вслед старенькому грузовичку.

В ПОИСКАХ КАМЫШОВОЙ БОЧКИ

Василий ТИТОВ

Фото Б. Кузьмина.

В зарослях идет уборка камыша тракторной коноплежаткой.

— Что вы смыслите, что вы понимаете в камыше, дорогие мои спутники? Камыш — это поэма! Я хоть не астраханец, а москвич, но в камыше-то толк знаю. Это, понимаете, что значит прежде всего? Это утка где-нибудь на кормище, на присаде, на вечерней и утренней зорьках, это выстрел по гусям из шалаша.

Так говорил полный, розовощекий, несколько флегматичный мой сосед по купе. Поезд с табличками на вагонах «Москва — Астрахань» давно прошел Саратов и гремел уже где-то далеко за Волгой.

— Что-то уж больно просто у вас получается, — возражал бритому пассажиру другой мой спутник, человек с насмешливыми глазами и открытым лицом, который встал раньше нас, давно оделся и уже читал какую-то техническую книгу. — По-вашему, это что же, и есть самая важная оценка камыша?

— Ну, а то что же еще? — отвечал бритый пассажир, выпивая стаканчик. — Я хоть и кооператор, как говорится, торгаш, а только одну поэзию в нем и вижу. Чего из него можно сделать? Рыночные кошелки.

— Кошелки делают не из камыша, а из ча́кана, рогоза то есть, — возражал ему насмешливо человек с книгой. — Сахар и патоку выгоднее добывать из сахарной свеклы. А вот о других более важных качествах камыша вы, должно быть, не слыхали. Известно ли вам, например, что у нас ежегодно миллионы кубометров лучшего леса тратят на изготовление одной бумаги и картона? А между тем во многих странах картон и бумагу лучших и почти всех сортов делают давно из камыша. Или вот строительные материалы. Из камыша ведь можно делать целые части для постройки домов и хозяйственных зданий.

— Да что толковать! — раздался вдруг с верхней полки голос третьего моего соседа, который как завалился туда отдыхать, молчаливый и усталый, с минувших вчерашних сумерек, да так вот и проспал, не шелохнувшись, всю ночь. — Из камыша можно делать и рыбную тару. Говорили, что из камыша будто бы даже уже и бочку рыбную изобрели.

— Бочку? — спросил я, настораживаясь.

— Да, и бочку, — отвечал человек с полки.

Черт возьми, как все это совпадало! В Москве я тоже слыхал об этой бочке, но толком о ней узнать ничего не мог и вот еду из-за нее в Астрахань.

И я с острым любопытством спросил у пассажира с верхней полки:

— А где же искать эту бочку у вас в Астрахани?

— А право, не знаю, — отвечал он мне. — Где-то, говорят, существует эта бочка. А где, не знаю. Потолкайтесь в городе, может быть, и сыщется...

И вот уже который день я в Астрахани и сколько ни бываю в учреждениях, сколько ни задаю везде один и тот же вопрос о таре из камыша, о камышовой бочке, в ответ все слышу: камышовая бочка? Нет, никогда о такой таре мы здесь у себя ничего не слыхали.

Был я у начальника отдела сводного планирования облплана, беседовал с Анной Петровной Захаровой, задавал и так и сяк один и тот же свой, порядком надоевший и мне самому вопрос о загадочной бочке, пытаясь хоть что-либо выведать о ней, но в ответ слышал:

— Что-то непонятное вы говорите. Бочка, тара из камыша! Но помилуйте, никогда об этом ничего не слыхала! Вот могу сказать, что ежегодно мы изготовляем из привозного леса 4 миллиона 300 тысяч штук рыбных ящиков. Это могу сказать. 3 миллиона 280 тысяч штук из них идут под рыбу, большинство — под кильку, 1 миллион 20 тысяч штук — под упаковку консервных банок. Вот это я знаю. Что же касается камыша, скажу вам, что на главном рукаве Волги — Бахтемире — в селе Икряном мы начинаем строить завод по изготовлению прессованных камышовых плит. Там же существует артель, где вяжут камышовые маты вручную и плетут из чакана, рогоза то есть, рыночные кошелки. Вот поезжайте туда, это дело повернее будет.

«Нет, без бочки я домой не уеду», — говорил я сам себе, шагая днем позже к Михаилу Сергеевичу Жукоборскому в Управление по строительству в колхозах, к человеку, о котором мне сказали, что он-то, может быть, и знает что-либо об этой таре, так как будто бы наслышан о ней.

Рассказав о цели прихода, я сидел в кабинете у Михаила Сергеевича, слушал, как он разговаривал с кем-то по телефону, а трубка так громко кричала, что Жукоборский должен был отставить ее далеко от уха, и слова из трубки разлетались чуть ли не по всей комнате.

— Да нет, нет, — говорила трубка, — мы просим проект с деревянным солидным каркасом. Чтобы там и столбы, и основа, и все прочее — все честь по чести из дерева было. Обшивка — досками, крыша, навес — тесовые. Говорят, у вас есть такой проект!

— Да стройте вы кошару ангарного типа из камыша. Тоже навеки, тоже прочно, и лесу почти не надо.

Из трубки по комнате деловито раздавалось:

— Э, самоделка, самоделка! Поднимать так поднимать животноводство! За средствами не стоим. Строить — так навеки. Лес хлопотать будем. Хе-хе! Деньги есть. Так-то! Ну, до свидания, представитель заедет.

— Откуда звонок? — спросил я.

— Из Каспийского района. Там

у них степь соленая вокруг: ведь на Черных землях живут, вокруг ни рощицы, ни деревца. А они вон заворачивают в степи овечью кошару из леса на тысячу сто голов, благо деньги есть. Каково!

«Да это же опять лес!» — уныло подумал я и спросил:

— Ну, а насчет бочки как?

— Не знаю ничего о ней, — отвечал Жукоборский, — а вот насчет леса сказать могу. Ежегодно к нам водою, Волгою, пригоняют его много больше полутора миллионов кубометров. Часть леса переправляем в другие области, например, в Донбасс. Но много из того, что получаем, перерабатывается и оседает здесь, в нашей области. Да что вам далась эта камышовая бочка, когда у нас в одной Астрахани уходит более полумиллиона кубометров леса на одни рыбные ящики, которые ежегодно обходятся более чем в тридцать миллионов рублей!

На лице у меня, должно быть, изобразился вид крайнего недоумения.

— Да, да, не удивляйтесь! Свыше тридцати миллионов рублей ежегодно, — повторял он. — К тому же прибавьте больше миллиона ящиков из картона. Картон мы везем тоже с севера. Мы потребители, батюшка, сами ничего такого не производим. Даже дрова для города мы к себе из Мордовии и Татарии сплавляем.

Двумя днями позже я побывал у рыбаков на Каспии, на плавучей рыболовецкой «матке», что стояла за островом Чечень.

Я расспрашивал приемщиков, рыбаков о таре, которую приехал сюда искать, но мне с удивлением отвечали: «Тара из камыша? Впервые слышим!»

Таинственная бочка ускользала. Ее мне на каждом шагу загораживал лес. Не тот лес, что широко и просторно рос где-нибудь здесь на волжском приволье, — такого леса здесь и в помине никогда не было, — а тот лес, что сплавляли водою с «верхов», из которого делали миллионы рыбных ящиков, требовали на постройку кошар, строительство зданий, на жаркие, сухие, пылкие дрова.

И я поехал в Икряное. Сразу, едва выехали за город, открылся он, этот сплавленный и привезенный сюда лес. Он потянулся нескончаемыми заборами, проходными будками, цехами каких-то предприятий, ажурными арками и оградами больших и малых усадеб, из него были сделаны киоски, палатки, магазины на перекрестках и в стороне, дома, опять заборы и проходные будки.

Икряное-старинное русское село. К воде подошли крепкие, рубленные из красного леса дома, у берега греются на солнце мачтовые рыбачьи катера. Теперь куда? Искать, где строится завод? Бочка или камыш? Пересилила бочка. На краю села указали: рыбозавод.

Заместитель директора икрянского рыбозавода Михаил Федорович Бурдасов, кряжистый человек, как только выслушал меня, так заволновался, так и покатился из-за стола, приговаривая и воркуя приятным голоском:

— Ах, так-то, так-то? Ну что ж, пойдемте, пойдемте в завод, я вам кое-что расскажу. Вот глядите сюда, — говорил он, вкатываясь в засолочный цех, где стояли вделанные в пол ряды огромных деревянных чанов, в каждый из которых войдет не один вагон рыбы, — вот глядите сюда. Здесь мы селедочку солим. Селедочка рассол любит. В чем ее повезете? Селедочке бочка нужна.

Мне показалось, что в этот момент я нахожусь у своей цели. Мне показалось, что сейчас Бурдасов выкатит откуда-нибудь ту самую камышовую бочку, которую я ищу, хлопнет ее любовно по крутому боку и скажет: вот она, глядите, из чего ее надо делать! Но он вдруг подошел к стеллажу, сдернул с него какой-то тонкий кусок какого-то материала, который мне показался очень похожим на хорошо отполированную прочную доску из мореного дуба, и, подкинув его на ладони, спросил:

— Что это, как по-вашему? Да не рассматривайте, сам отвечу: наш волжский камышок. Где-то в Москве на экспериментальном заводе сработано. Ну, а где искать ту вашу бочку, о которой спрашиваете, не знаю. Много слыхал о ней, да вот только жду, когда появится.

Я от огорчения только вздохнул.

А еще через час я сидел за столом у инженера строящегося завода по прессовке камышовых плит Валентина Андреевича Матвеева, человека в морской шинели, с озабоченным, уставшим и каким-то безразличным, скучающим лицом. За окном, в холодном, сработанном из камышовых плит-матов небольшом помещении стучали три машины. Одна из них была «иностранка» с замысловатой фирменной фамилией на станине, две другие — русского производства, «ленинградки». Машины делали такие же маты из камыша, похожие очень на те широкие и бесконечно длинные доски, прошитые проволокой, из которых было построено само помещение.

— Камыш — прямой и надежный выход из лесного голода для нашей области, — говорил инженер. — Но имеем мы покуда только вот то, что вы видели в том цехе.

Я слушал однотонный голос инженера, глядел в окно в ту сторону, где, невидимый отсюда, лежал Бахтемир. За ним уже начинались камыши. Я почему-то не верил словам инженера, что у нас из камыша только то и есть, что я видел в цехе.

«И все-таки, — думал я, уезжая на следующий день из Астрахани, — буду искать...»

В Подмосковье, на пригородном красковском шоссе, я нашел ворота в огороженный кирпичной узорной стеною городок с вывеской «Росниимс». Здесь помещался научно-исследовательский институт местных строительных материалов.

И чего-чего не увидел я в одном из помещений института — и все из камыша! Здесь были и облицовочные плиты, разделанные то под отличную березовую фанеру, то под белый кафель и мрамор, то окрашенные в яркий цвет граната, то совсем скромные, без отделки, похожие на очень прочный картон. Тут были образцы кровли из камыша, звенья стен, потолков, тепловые прослойки и подушки, цементированный камыш в виде кирпича. На стенах висели руководства, как строить из камыша долговечные кошары, зернохранилища, амбары, служебные помещения. На столе лежала точно такая же дощечка, которую мне показывал Бурдасов. Дали мне здесь адрес и «Росстпромпроекта», где посоветовали встретиться с инженером Вернером по поводу тех машин, что видел я в Икряном.

Инженер Евгений Васильевич Вернер оказался тем самым моим спутником и насмешливым соседом по купе, с которым мы ехали в астраханском поезде. Мы разговорились, вспомнили самодовольного полного пассажира, знатока камыша с пищевым и охотничьим уклоном, маленько посмеялись и поговорили об икрянских машинах.

— Да это же вы видели опытные образцы! Естественно, есть недостатки. Сейчас они устранены, новые машины теперь уже будем выпускать сериями.

«Все нашел, — думал я, выходя от него, — даже то нашел, чего и не ожидал найти. А вот этой самой камышовой бочки, из-за которой весь сыр-бор у меня загорелся, до сих пор нет, как в воду канула».

Не нашел я камышовую бочку не потому, что она так таинственна и запрятана где-нибудь под семью замками. Она просто еще не существует. Зато нашел я другую бочку, сделанную не из камыша, а из самых дешевых древесных отходов — разных там горбылей и обрезков. Бочка называлась древесно-волокнистой. Нашел я ее на столе в маленькой комнате одного из домов в глухом московском переулке древнего Китайгорода, где во дворе на стене висела скромная табличка с одним только словом, «Внилтара», и в котором по старинке, как-то без разбору, перемешались и жилые квартиры, и складские помещения, и подвалы для хранения москательных товаров, и учреждения. Так вот где она родилась! Попробуй сыщи! В самой Москве затаилась! А я-то гонял за ней и в Астрахань и в Икряное и в поисках ее оттопал не одно учреждение. А стояла она на столе, крепкая, бокастая, без единой клепки и шва на днище, удивляя прочностью и чистотой отделки. Так и захотелось сразу заглянуть в нее и похлопать одобрительно по ее круглой прочной крышке. Показывал мне ее заведующий лабораторией Исаак Григорьевич Лопук. Показывая ее, он говорил:

— Недавно эта бочка прошла у нас генеральное испытание: в Атлантику на сельдяной лов с экспедицией плавала. Посылали туда мы сразу двести штук. И что же? Все отлично сдали экзамен. И на бой, и на рассол, и на качество самой сельди, что в них укладывали.

— Но раз эта бочка сделана из отходов древесины, сваренных в обыкновенных котлах для бумажной массы, она так же может быть, видимо, изготовлена и из камыша? Ведь делают из камыша великолепную бумагу и картон? — спрашивал я.

— Да кто же сказал, что нельзя? — удивлялся, в свою очередь, Исаак Григорьевич. — Наоборот, можно делать и надо. Мы камышом не занимались вот по какой причине. У нас в стране ежегодно в лесах и на заводах накапливается более двухсот миллионов кубометров отходов древесины. Ее расточительно и безжалостно сжигают в топках заводских печей или оставляют в самих лесах. Если только на одних деревообрабатывающих и лесопильных заводах построить по одному небольшому цеху для размола и варки этих отходов и снабдить эти цехи несложными прессами, то можно будет совершенно освободиться от изготовления бочек и даже ящиков из дорогостоящего строевого леса. Наша бочка стоит в два раза дешевле, чем бочка из деревянной клепки. Вы не бывали в «Росниимсе». Не видали, что они наделали из камышовой волокнистой массы?

— Был, — отвечал я, слушая Исаака Григорьевича.

— Так вот, совершенно очевидно и другое: вопрос о камыше для изготовления тары с технической стороны тоже уже сам по себе решен. Остается только строить небольшие и дешевые заводы там, где нет леса, но в изобилии растет камыш.

Я выходил из «Внилтары», из узкого древнего китайгородского переулка на большую улицу центра города и думал о камыше. Вот растет он, неистребимый, думал я, на неоглядных просторах дельты Волги; видел я и нетронутые, девственные заросли его в плавнях Аму-Дарьи; бушует он в гирлах Днепра, шумит на Кубани, на Днестре, Дунае, на бесчисленных озерах сибирской Барабы. И всюду здесь ловят рыбу, всюду нужда в лесе большая. И все уже как будто есть, чтобы пустить в дело полным ходом камыш. Есть хорошие люди, которые наделали из камыша — взамен дерева — множество незаменимых вещей, есть машины, наконец, есть многомиллионные денежные суммы, которые тратятся каждогодно на изобретение всех этих, пока никем не используемых вещей. Чего же нет? Да, пожалуй, рачительности и умного, никогда не ослабевающего внимания к использованию неиссякаемых даров нашей природы. Ответ этот напрашивался сам по себе.

Село Икряное. В артели имени Крупской плетут кошелки из рогоза.

Лягушки Куирра-Куирра

Рассказ

Катарина Сусанна **ПРИЧАРД**

Рисунки **А. ВАСИНА.**

В Куирре уже несколько недель, не переставая, лил дождь. Стив Бивен, владелец единственной в городке парикмахерской и бильярдной, стоя на пороге кухни, мрачно смотрел на реку. Вода поднималась, мутно-желтый поток заливал низины, поблескивая в лучах предвечернего солнца.

«Куирра-куирра», — пели лягушки. «Ква-ква-ква-ква», — неистово трещали они, колотя в свои крохотные барабаны.

И само название городка пошло от лягушачьего кваканья. Это был центр зернового района, процветавшего до того времени, как река повадилась вторгаться в склады на набережной и цены на пшеницу стали падать.

Два года подряд паводки затопляли первый этаж гостиницы «Подкова», лавку Росса, пекарню Траслоу и парикмахерскую, оставляя после себя следы в виде сырых, облинявших стен и подмоченных товаров.

— Река Куирра раньше не вела себя так, — говорили старожилы, — и уж, конечно, никогда цены на пшеницу не падали так низко.

— Хэлло, Стиви, как дела? — приветствовал Бивена Джо Браун, завернувший вместе с Эрном Беллером в парикмахерскую за пачкой сигарет.

— Не слишком блестящи, Джо, — ответил Стив. — Кажется, скоро одни лягушки смогут жить в этом городе.

— Что ж, лягушки — отличное блюдо, если верить французам, — вмешался в разговор Эрн. — Раз уж нам ничего больше не остается делать, займемся разведением лягушек.

Эрн после смерти отца унаследовал конюшни у железнодорожной станции. Джо работал возчиком у Тома Траслоу, пекаря.

Все в городке охали и ворчали: тяжелые времена. То нет работы, то ее слишком много, сколько бед принесло уже наводнение и сколько еще принесет! А тут эти цены на пшеницу!..

Фермеры вокруг Куирры разорились дотла, а у каждого лавочника списки взятого в долг выросли до непомерной длины и голова шла кругом от просроченных закладных и превышенных кредитов в банке. Но даже в такое время жители Куирры не могли представить себе Стива Бивена мрачным. Первый балагур во всем городе, он всегда старался поддерживать эту издавна заслуженную репутацию, пуская в ход свои грубые шутки при любом удобном случае.

Подвижной, маленького роста человек, он трещал языком во все времена года, и в бильярдной у Стива, где по вечерам собирались мужчины сыграть партию, всегда стоял веселый хохот.

Правда, доходы были не такие, чтобы их хватало на широкую жизнь; он усердно стриг и брил парней, спешивших на свидание с возлюбленными, продавал табак, лотерейные билеты и, в общем, ухитрялся наслаждаться жизнью, как и полагается неунывающему холостяку в провинциальном городке. Но все это до тех пор, пока разлив реки не повредил его лавку и запасы на складе.

Тут ему пришлось заложить свое заведение, чтобы оплатить ремонт и запастись новыми товарами. Теперь половина клиентов, как он выражался, «стриглась у собственных жен», а другая половина просила записать в долг, будь то стрижка или банка табака, к которой в придачу полагался еще совет, на кого ставить на скачках, веселый анекдот или свежая шутливая скороговорка. Тяжелые времена обрушились на Стива с той же силой, как и на других.

Но хуже всего было то, что Стив влюбился и хотел жениться на Хлое Траслоу, а старик Траслоу и слышать не хотел об этом браке из-за шутки, которую сыграл с ним Стив год назад. Прежде они были закадычными приятелями и немало забавлялись за счет других.

Их дружба кончилась на рождестве, во время поездки на рыбную ловлю. Когда их лодка поравнялась с холодильником у устья реки, Томми, человеку экономному, пришло в голову купить для дома баранью тушу. Он устроил это дело через одного знакомого, работавшего на рефрижераторе, притащил тушу в лодку и повесил в мешке на мачту.

Был теплый лунный вечер, и Томми, распивший на берегу несколько кружек с друзьями, улегся спать спозаранку. В старой рыбачьей лодке Эрна Беллера было всего две койки, так что спать приходилось по очереди. Эрн и Стив, развалясь на палубе, мирно обменивались всякими небылицами. Вдруг у Стива родилась блестящая идея: подложить старику Томми компаньона в постель. Он вынул из мешка овечью тушу и уложил ее на койку рядом с Томми.

Проснувшись на рассвете и обнаружив рядом с собой голое холодное тело, Томми дико заорал и выскочил на палубу, не разобравшись спросонок, то ли это дурной сон, то ли ночью кого-то зарезали и теперь его хотят обвинить в убийстве, для чего и подложили вещественное доказательство.

Бурное веселье приятелей привело его в чувство, но старый Томми был оскорблен тем, что его выставили таким дураком.

— Шутка есть шутка, — сказал он. — Я могу понять шутку не хуже любого. Но сунуть баранью тушу мужчине в постель — это уж чересчур!

И хотя эта история долго вызывала взрывы хохота по вечерам в бильярдной у Стива, отец девушки с тех пор больше не разговаривал с ним...

— Стиву нужна встряска, — заметил Джо Эрну Беллеру, когда они вышли из парикмахерской и медленно двинулись по широкой безлюдной улице мимо старого уличного фонаря, в свете которого дождь расщеплялся на блестящие нити.

— Еще бы, — согласился Эрн. — Этот Траслоу, старая перечница! Заставить Хлою расторгнуть помолвку только потому, что он повздорил со Стивом!

— Томми что угодно сделает, лишь бы насолить Стиву, — произнес в раздумье Эрн.

— Может, что-нибудь придумаем? — с надеждой спросил Джо.

Эрн улыбнулся.

— Черт! Это было бы здорово!

Внизу, у берега реки, лягушки квакали и булькали под бледным зимним светом луны.

— Нашел! — закричал вдруг Джо. — Лягушки! Как Стив сказал? «Кажется, скоро в этом городе смогут жить одни лягушки».

При свете свечи в комнате Джо за булочной они обдумали подробности заговора, чтобы позабавиться самим, дать старому Томми насладиться мщением и таким образом привести к счастливому концу роман Хлои Траслоу с парикмахером.

Когда через несколько дней они зашли в бильярдную к Стиву сыграть партию в пул, у них был вид добрых, простодушных парней. Стив заработал на них несколько шиллингов. Потом, уже собираясь уходить, Эрн вспомнил, что ему нужны сигареты. Стив отправился за прилавок достать их. Эрн полез в карман брюк за мелочью и вытащил заодно конверт.

— Смотри-ка, что ты на это скажешь? — сказал он. — Есть же нахальство у людей! — Он вынул из конверта письмо и стал читать вслух:

«Кэлгурли, 2 июля.

Дорогой сэр,

проезжая в четверг через Куирру кэлгурлийским экспрессом, я прочел вашу фамилию на стене конюшни около станции. Пожалуйста, простите меня за то, что я взял на себя смелость обратиться к вам, но я никого в городе не знаю. Я открываю модный ресторан в Кэлгурли, и мне очень нужна для этого партия лягушек. Как мне сообщили, их много в вашем районе. Вы меня весьма обяжете, если сможете прислать мне четыре дюжины лягушек с первым утренним поездом в пятницу. Прилагаю десять шиллингов в уплату.

Искренне ваш А. де Во .

P. S. Пожалуйста, запакуйте лягушек в ящике с отверстиями для воздуха и направьте по адресу: Альберту де Во. Французский ресторан, Кэлгурли. Груз будет оплачен по прибытии».

— А десять шиллингов приложены? — спросил Джо.

Эрн положил письмо на прилавок, вынул сигарету из только что купленной пачки и закурил. Стив взял письмо с приколотой к нему десятишиллинговой бумажкой и стал их разглядывать.

— Видно, готов платить, — сказал он.

— Черт с ним! — проворчал Эрн, получая от Стива сдачу и небрежно засовывая письмо в карман. — У меня нет времени охотиться за

лягушками. Не слыхал ничего насчет скачек в субботу, Стив?

— Киттивейк, — сообщил Стив. — Она, должно быть, придет первой, так мне сказал Боб Росс. Но сейчас я выигрываю деньги на том, что совсем не ставлю.

— Она взяла гандикап в Бельмонте недели две назад, верно?

— Я бы не стал на нее ставить, — заявил Джо.— На прямой она молодцом, но у барьера — настоящая корова.

— Ну, пора и вздремнуть. — Эрн повернулся и пошел к двери.

— Слушай, Эрн, — начал Стив, — я вот насчет этих проклятых лягушек... Всегда у меня где-то сидела мысль, что с ними можно что-то сделать. А дела, как ты знаешь, идут из рук вон плохо. Если ты ничего не собираешься предпринять по этому письму, может, я попробую.

Эрн с удивлением посмотрел на него.

— Идет, Стив, — сказал он и полез в карман. — Вот оно.

Он протянул через прилавок конверт, на котором, как полагалось, была марка со штемпелем Кэлгурли, и пошел к выходу.

— Я отправляю хлеб с поездом в пять тридцать каждое утро, — как бы между прочим заметил Джо.— Если тебе это подходит, могу захватить ящик и отправить его, Стив.

— Спасибо, Джо, — ответил Стив.

От бильярдной до станции было по крайней мере с милю, и вряд ли кому-нибудь улыбалась такая прогулка на рассвете, да еще под дождем.

— Если мне повезет, — сказал Стив, — я посажу мерзавок в картонный ящик с дырками в крышке и оставлю на крыльце, чтобы ты смог захватить их завтра, Джо.

— Ладно, — сказал Джо и, раскачиваясь, двинулся за приятелем.

Выйдя на широкую пустынную улицу, Джо Браун и Эрн Беллер переглянулись, ухмыляясь. Они решили, что птичка хотя и осторожна, но все же попалась в силки и не подозревает, что тут дело нечисто. Приятели отправились рассказать обо всем старому Траслоу, который выложил для этой затеи денежки и сочинил письмо, а потом устроил так, чтобы его брат, проживающий в Кэлгурли, переписал его и отправил Эрну Беллеру.

Томми, весьма довольный, решил, что теперь де Во должен подтвердить получение лягушек, присовокупив, что его удовлетворяет качество присланных образцов, так что он просит прислать ему двойную партию товара. Было состряпано новое послание и отправлено в Кэлгурли, где его должны были переписать, приложить фунт стерлингов и адресовать уже самому Стиву.

— Какого черта Стив Бивен болтается всё утро в низине у реки, что он там делает? — с недоумением спрашивали друг друга жители Куирры.

Кое-кто стал опасаться, не задумал ли Стив покончить жизнь самоубийством из-за любви к Хлое Траслоу и упорства старика, который не позволяет влюбленным даже встречаться.

Потом Стив начал нанимать школьников ловить после уроков лягушек и платил по два пенса за дюжину. Городские сплетники решили, что он рехнулся.

Стив, разумеется, старался скрыть цель своей деятельности: раз или два он намекнул, что занялся кое-какими научными исследованиями. Как бы между прочим, он упомянул о своем друге, некоем профессоре Шварце, который широко использует лягушек для опытов, пробуя на них вакцину против воспаления легких.

И все-таки неизвестно, каким путем просочилась весть: Стив продает лягушек во французский ресторан в Кэлгурли и неплохо зарабатывает на этом! Сумма, нажитая Стивом на этом деле, росла каждый раз, как ее называли. Уже поговаривали о конкуренции, как сообщил Стиву Эрн однажды вечером за партией бильярда. Шли толки и о том, что в будущем разведение лягушек станет основной отраслью хозяйства Куирры-Куирры.

Томми Траслоу очень забавляло выпускать по ночам лягушек, пойманных Стивом и упакованных для отправки в Кэлгурли первым утренним поездом. Но старик не мог удержаться и от другого удовольствия: изредка понаблюдать за трудами Стива на берегу реки.

Однажды, встретив Стива на мосту с мешком и сетью, он впервые после их ссоры заговорил с ним.

— Ей-богу, Стив, говорят, ты наживаешь целое состояние, — сказал Томми.

Стив чувствовал, что у него довольно глупый вид, но держал себя с достоинством. В кармане у него лежало письмо де Во, в котором говорилось, что заказ на лягушек может быть увеличен до двенадцати дюжин с отправкой два раза в неделю; если гарантируется высокое качество поставок, товар впредь будет оплачиваться чеком в конце каждого месяца. Де Во намекал также на возможность еще более крупных заказов в будущем — он обратится к владельцам лучших ресторанов в Перте и Фримантле с предложением поставлять им этот деликатес. Он полагает, что есть шансы создать новому кушанью такую же популярность в Австралии, как во Франции и Америке. Он имеет в виду завести фабрику для консервирования лягушачьих ножек, и, если этот бизнес будет развиваться, де Во надеется, как он писал в заключение, что сможет рассчитывать на сотрудничество мистера Стива Бивена, когда предприятие заработает на широкую ногу.

Строя воздушные замки насчет того, что было сказано в письме, Стив не заметил насмешки, мелькнувшей в глазах старого Томми. Ему казалось, что Томми начинает примиряться с мыслью о нем как о зяте и что тут сделали свое дело слухи о больших деньгах, которые парикмахер зашибает на лягушках.

Томми Траслоу знал, что скоро конец месяца, и отсутствие чека от де Во подействует на Стива, как ушат холодной воды. А пока Эрн и Джо Браун стали агитировать школьников забастовать и потребовать прибавки. Кроме того, под действием жары лягушки стали таинственно исчезать. Стив забеспокоился, как бы ему не сорвать выполнение заказа.

Он написал матери, жившей в Мандиджонге; там почва была влажной круглый год и лягушки кишмя кишели. У нее было несколько мальчишек от второго брака, и по просьбе Стива вся семья занялась охотой на лягушек. Добыча упаковывалась в ящики и отправлялась по адресу: Альберту де Во, Французский ресторан, Кэлгурли.

Джо Браун и Эрн Беллер узнали об этом новом филиале лягушачьего предприятия, когда мать Стива прислала ему письмо, приложив официальную просьбу начальника станции в Кэлгурли «забрать несколько ящиков провонявших лягушек, адресованных вами Альберту де Во, Французский ресторан, Кэлгурли». Ящики остались невостребованными, и следовало уплатить пять шиллингов за хранение. Стив показал письмо Эрну Беллеру, который как раз завернул к нему в парикмахерскую.

— Где-то что-то перепутали, — сказал озабоченно Стив.— Когда Джо отправлял моих лягушек, он сдавал ящики в вагон и следил, чтобы все было в порядке.

— Я передам Джо, чтобы он забежал к тебе, пусть скажет, что́ он об этом думает, — обещал Эрн.

Джо не появлялся. К концу вечера Стив стал ощущать беспокойство. Во всем этом деле была какая-то тайна, и он так и не мог разгадать ее. На следующее утро Стив отпер парикмахерскую и отправился в бильярдную прогладить сукно на столе.

Вдруг он наступил ногой на лягушку; другая прыгнула к нему из-под бильярда. Комната была полным-полна лягушек, квакающих, прыгающих во всех направлениях. Пол был усеян ими.

Стив решил, что помешался, что вот он теперь видит всех лягушек, которые снились ему ночью. Он бросился к окну — оно было открыто. На подоконнике стоял тот самый ящик, в который он упаковал последнюю партию лягушек. К ящику была прикреплена открытка, на ней было начертано: «С приветом, Том Траслоу».

Так вот в чем дело! Стив невольно захохотал, представляя себе, какую радость доставила старику эта месть. Правда, это немножко чересчур, подумал Стив, но он покажет Томми, как надлежит мужчине принимать шутки...

Он так и сделал, смеясь и ругая Джо, и Эрна, и старика, пока те не испили до капли сладость своей победы. Потом сам Томми предложил отпраздновать помолвку. Он откупорил бутылку доброго домашнего вина и, излучая добродушие, позвал Хлою и благословил молодых.

— Скажу откровенно, дорогая: если бы ты не досталась мне в утешение, — признался Стив Хлое через несколько дней, — я не смог бы больше никогда выносить вида лягушек и их кваканья!

И по сей день ни Джо Браун, ни Эрн Беллер не осмеливаются произнести слово «лягушка», когда Стив приближает бритву к их намыленным щекам. И даже старый Томми чувствует, что в эти минуты он рискует жизнью, и заискивающе расспрашивает о Хлое и внучатах, когда заходит к зятю постричься.

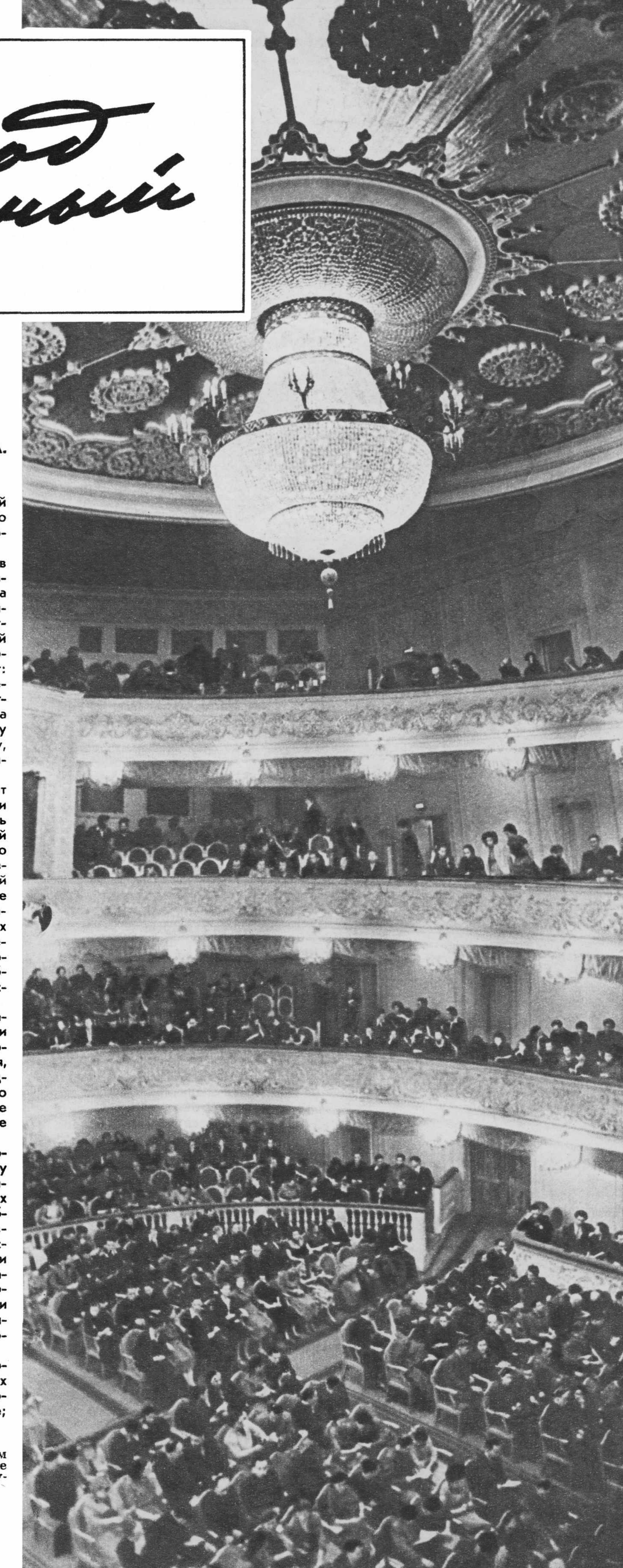
Перевела с английского
С. КРУГЕРСКАЯ.

Казань — город театральный

И. ВЕРШИНИНА

Фото Я. РЮМКИНА.

«Казань — город театральный»,— так скажет вам каждый казанец, но и для любого человека, приехавшего в столицу Татарской республики, очень скоро этот факт становится очевидным. Улицы пестрят афишами: пять казанских театров приглашают на спектакли.

При желании вы можете отдать предпочтение постановке одной из передвижных трупп или спектаклю драмколлектива студентов, побывать на концерте в филармонии, посмотреть приезжих гастролеров, познакомиться с художественной самодеятельностью во дворцах культуры.

...Смех не умолкал в зале. Порой интервалы между двумя волнами смеха были настолько короткими, что казалось, актеры не успевали проговорить своих реплик. Но это впечатление было явно обманчивым: каждая фраза, каждое слово доходили до зрителей и вызывали бурный отклик. Чувствовалось, что многие остроты главного героя спектакля, мудреца и весельчака Хужи Насретдина, здесь уже знают. Этот жизнерадостный спектакль и его герой, взошедший на подмостки еще в 1939 году, очень полюбились казанцам, и в зале всегда находятся люди, которые смотрят спектакль не впервые. Недаром прошел он более тысячи раз, а ведь Татарский государственный академический театр имени Г. Камала вмещает не менее 800 человек. Бедняк Хужа Насретдин в исполнении народного артиста РСФСР и ТАССР Х. Г. Абжалилова — олицетворение всепобеждающего народного оптимизма, и поэтому к нему тянутся симпатии зрителей. Хужа скор не только на язык, он быстр и в своих поступках, действиях, жестах.

Диву даешься, как актеру, 60-летие которого недавно отмечала татарская общественность, удается быть столь подвижным, как мог сохранить он на протяжении почти 20 лет стремительный ритм спектакля, рассчитанный явно на молодого исполнителя!

В антракте, зайдя за кулисы в гримерную к Халилу Галеевичу, видишь, чего это стóит, понимаешь, что это достигается только благодаря большой собранности и воле, превосходной актерской технике, способности настолько увлечься и зажить ролью, чтобы забыть о своем возрасте.

Халил Галеевич отдыхает в кресле, поправляет грим. Удивляет одна деталь: вся рубашка Хужи аккуратно заштопана. Мелкая и тщательная штопка кажется ненужной натуралистической подробностью. Уловив наш недоуменный взгляд, актер поясняет:

— С первой генеральной репетиции пьесы Н. Исанбета я играю Хужу в этой рубашке. Она уже вся порвалась, а я не могу с ней расстаться. Как надену, сразу чувствую себя Насретдином.

Халил Галеевич вспоминает премьеру спектакля, другие свои работы. Много пришлось сыграть ему за 40-летний актерский путь — более 300 ролей. Только на этой сцене 60 — и самых разных... Среди них Хужа, татарский крестьянин Биктимир в драме «Тревожные дни» и Лир в трагедии Шекспира — роли, в которых актер выступит в Москве во время предстоящей декады татарского искусства и литературы. Абжалилов рассказывает о спектаклях:

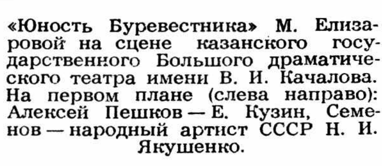
— «Тревожные дни» Т. Гиззата — это повесть о том, как ручьи народного горя сливаются в потоки революционного движения, как в татарской деревне в предреволюционные годы постепенно растет и укрепляется стремление обездоленных людей к борьбе против поработителей.

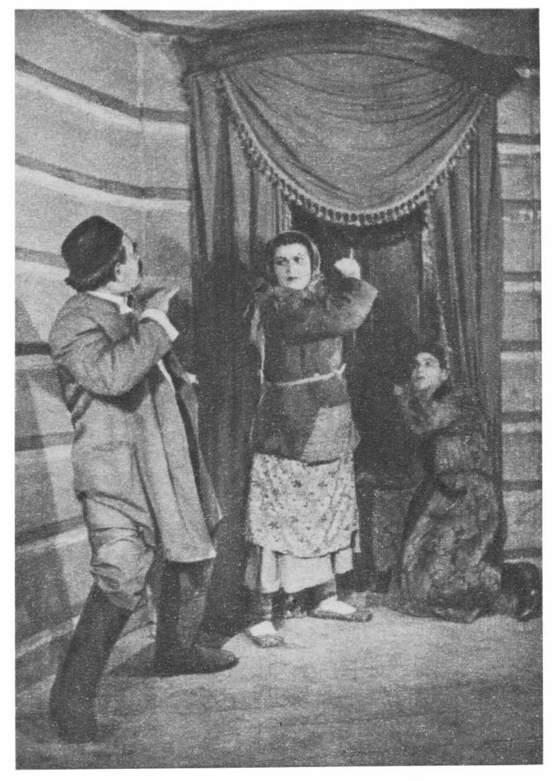
Я родился в деревне,— продолжает Абжалилов,— и могу сказать, что автор словно подглядел в жизни большинство своих героев. Особенно интересен образ солдатки Гайнавал. Постановщик заслуженный деятель искусств ТАССР Ш. Сарымсаков и наша молодая актриса Р. Ибрагимова, мне кажется, сумели показать духовные богатства и скрытую силу характера этой женщины, ставшей вожаком обездоленных деревенских женщин.

Халил Галеевич говорит о своих партнерах — представителях старшего поколения Г. Булатовой, Ф. Ильской, Х. Уразикове;

На спектакле в Татарском государственном театре оперы и балета имени Мусы Джалиля.

«Юность Буревестника» М. Елизаровой на сцене казанского государственного Большого драматического театра имени В. И. Качалова. На первом плане (слева направо): Алексей Пешков — Е. Кузин, Семенов — народный артист СССР Н. И. Якушенко.

«Тревожные дни» Т. Гиззата в Татарском государственном академическом театре имени Г. Камала. Касымхан — народный артист ТАССР Н. Гайнуллин, Гайнавал — Р. Ибрагимова.

о совсем молодых — А. Галеевой, Ш. Асфандияровой, Д. Ильясове и об артистах, так сказать, среднего поколения — Н. Гайнуллине, А. Шамукове, Р. Зиганьшиной. Он называет еще фамилии, вспоминает те или иные спектакли — и перед нашими глазами встает своеобразная летопись жизни татарского народа с далеких времен до наших дней.

— Если обо всем этом и обо всех написать,— получится целая книга,— говорим мы артисту.

— А как же вы думаете?— улыбается Халил Галеевич.— Наш театр прожил большую жизнь. Ведь в этом году будет отмечаться его пятидесятилетие.

Татарский театр возник... Впрочем, обратимся лучше к документам.

В «Оренбургской газете», датированной 27 ноября 1905 года, было дано объявление о предстоящем спектакле татарской драматической труппы под управлением учителя И. Б. Кудашева - Ашкадарского. Чтобы спектакль смогли посетить и женщины, в объявлении указывалось: «По необходимости бельэтаж предназначен исключительно для женского персонала, причем для желающих женщин-мусульманок обособлен редкими вуальными шторами. Вход, коридор, зало и вешалки для сбережения верхнего платья совершенно изолированы от доступа мужского пола». В день, назначенный для премьеры, спектакль был запрещен властями.

А вот еще один документ — первая татарская афиша; она написана от руки Галиаскаром Камалом. Афиша извещает о том, что в Казани 22 декабря 1906 года на татарском языке будет дано представление из жизни татар: 1) «Несчастное дитя» и 2) «Невзгоды от любви».

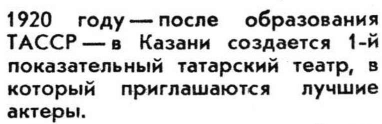
Организаторы этого спектакля — передовые люди, писатели Г. Кулахметов, Г. Камал и их единомышленники. Это первое публичное представление на татарском языке и является днем основания татарского театра. Г. Камал стал одним из самых известных татарских драматургов. Его пьесы, высмеивающие все отсталое, прогнившее в современном ему татарском обществе, занимали основное место в дореволюционном театре, сохранились в репертуаре и по нынешний день.

Октябрьскую революцию татарский театр встретил пьесой Горького «Мещане». Премьера состоялась 31 октября 1917 года.

В первые же годы Советской власти в Казани возникает около 50 театральных коллективов, из них 10 профессиональных. В

На репетиции оперы «Джалиль» («Муса») в Татарском государственном театре оперы и балета имени М. Джалиля. Слева направо: режиссер спектакля Г. Миллер, заслуженный деятель искусств РСФСР и ТАССР композитор Назиб Жиганов, дирижер К. Тихонов.

1920 году — после образования ТАССР — в Казани создается 1-й показательный татарский театр, в который приглашаются лучшие актеры.

Такова вкратце история Татарского академического театра имени Г. Камала, который скоро будет выступать в Москве.

Театр и университет

Если вы хотите узнать, что представляют собой сейчас театры Казани, пройдите в Казанский университет. Здесь вам сообщат о том, что многие молодые актеры занимаются у них на заочном отделении, о том, что театры, стремясь расширить свой репертуар, работают с начинающими авторами. Студент Аяз Гилязев и доцент Ибрагим Нуруллин уже читали и обсуждали с труппой свои пьесы.

В многотиражке и стенгазетах университета вы ознакомитесь со всеми новостями театральной жизни.

Заинтересованность студентов в жизни театров — очень давняя традиция.

...Начало XIX века. Известный писатель С. Т. Аксаков, в то время студент Казанского университета, как и его однокашники, страстно увлекается театром...

В старой, пожелтевшей газете небольшой анонс — сообщение о том, что будет показан спектакль «Смерть Иоанна Грозного»,— и внизу приписка: «Г. г. студентам и учащимся обычная уступка».

1900 год. Качалов — ведущий актер казанской труппы — покидает театр в связи с приглашением в Москву в Художественный; последний раз он выступает в концерте в честь годовщины Казанского университета...

Эта дружба театра и университета во многом определяла репертуар, творческое лицо театра. Недаром писал известный русский актер В. Н. Давыдов: «Все актеры считали за честь и особенное счастье служить в университетском и театральном городе (Казани)...» Сейчас эта традиционная связь театра и университета приобрела иные формы. Об одних мы уже рассказывали, а вот и другие.

Долго собирался казанский Большой драматический театр имени В. И. Качалова создать спектакль о Горьком: ведь здесь, в Казани, с 1884 по 1888 год Горький проходил свои «университеты». Наконец пьеса была написана, но никак не могли найти исполнителя на роль Алеши Пешкова.

В это время университетская самодеятельность готовила «Мещан» Горького; постановку осуществлял один из ведущих актеров театра имени Качалова, Н. Проваторов. На репетиции кружка приходили и другие актеры... На одном из занятий артисты обратили внимание на то, что исполнитель роли Тетерева — студент-геолог Женя Кузин — очень похож на молодого Горького. Решили попробовать его в спектакле, тем более, что работа Кузина в кружке говорила о его несомненных актерских способностях. И вот после длительных и кропотливых занятий с ним режиссера спектакля заслуженного артиста РСФСР Э. Бейбутова коллектив пригласил Кузина участвовать в спектакле. Евге-

«Муса» — опера Н. Жиганова в Татарском государственном театре оперы и балета имени Мусы Джалиля. В роли Мусы — заслуженный артист РСФСР Н. К. Даутов.

Фото Я. Рюмкина.

Самодеятельный ансамбль танца сельской потребительской кооперации. Дания Абдрахманова (пекарь) и Николай Быков (возчик) исполняют народный танец.

Народный артист РСФСР и ТАССР Х. Г. Абжалилов в роли Хужи Насретдина. «Хужа Насретдин» Н. Исанбета в постановке Татарского государственного академического театра имени Г. Камала.

Сцена из балета «Шурале» Ф. Яруллина в постановке Татарского государственного театра оперы и балета имени Мусы Джалиля.

ний робел на сцене, не владел жестом, был угловат и неловок, но все это вполне «входило в образ». Даже «оканье», от которого Кузин, выросший в селе под Ульяновском, никак не мог отделаться, и то пришлось кстати.

Горький рассказывал о казанском периоде своей жизни: «...физически я родился в Нижнем Новгороде — духовно — в Казани». Тема духовного рождения стала главной в спектакле...

Со времени премьеры прошло два года; Евгений Кузин окончил университет, работает геологом на Урале. Но связь его с театром продолжается. Во время декады в Москве Театр имени Качалова покажет пьесу М. Елизаровой «Юность Буревестника», роль Горького будет исполнять воспитанник Казанского университета геолог Кузин.

Наш друг Муса

На афише Татарского государственного театра оперы и балета трижды упоминается имя, которое стало дорого всему свободолюбивому человечеству,— имя Героя Советского Союза, лауреата Ленинской премии Мусы Джалиля. Оно стоит в названии театра, им озаглавлена новая опера композитора Н. Жиганова, а в программе спектакля «Алтынчеч», оперы, которой открывается декада в Москве, напечатано: «Либретто Мусы Джалиля».

Тесными узами поэт связан был с этим театром. В 1934 году при Московской государственной консерватории была организована татарская студия. Многие литераторы стали заниматься репертуаром будущего оперного театра. Был среди них и Муса Джалиль. И когда в 1939 году в Казани открылся Государственный театр оперы и балета, Джалиль стал в нем заведующим литературной частью. Он работал с писателями над либретто, над текстом и темами. Его советами пользовались молодой композитор Фарид Яруллин и поэт Ахмед Файзи при создании татарского балета «Шурале», ставшего сейчас одним из самых популярных советских балетов.

В эти годы крепнет творческая дружба Джалиля с известным татарским композитором Назибом Жигановым, с которым он пишет оперу «Алтынчеч». Главная тема оперы — борьба народа за свою свободу и независимость. «Алтынчеч» готовилась к декаде татарского искусства и литературы, которая должна была состояться в Москве летом 1941 года. Муса очень волновался, постоянно бывал на репетициях, беседовал с исполнителями... Премьера оперы состоялась без него. Как только началась война, писатель Джалиль поступил так же, как его герои: он пошел освобождать свою землю от фашистского нашествия. Писатель Джалиль поступил так, как мечтал в 1919 году 13-летний мальчик Муса в своем первом опубликованном стихотворении, «Счастье»:

Мне бы в руки саблю отцов,
Я бы встал в ряды красных
бойцов...
...Ведь счастье и слава для нас
Жизнь отдать за народ.
Вооружись, рабочий класс,
Не отступай, иди вперед!

По дороге на фронт Муса Джалиль побывал в Казани на спектакле «Алтынчеч». А в марте 1942 года композитор Жиганов получил с фронта письмо от друга.

Открытка датирована 9 марта. «Я для тебя готовил один сюрприз: начал писать либретто для одноактной оперы без хора с 4—5 солистами на тему Отечественной войны. (Это было уже второе либретто на военную тему. В первые дни войны Джалиль вместе с Жигановым писал оперу «Ильдар». Он, правда, не успел ее закончить, но опера ставилась театром.) Очень интересный сюжет. Театр мог бы его легко ставить с наличными силами и сейчас, но в Москве я не успел закончить. Перешлю отсюда, жди... В ушах у меня постоянно звучит музыка «Алтынчеч»... Я очень счастлив, имея такого искреннего, заботливого и ценного друга.

Крепко обнимаю тебя. Муса».

И Жиганов ждал, ждал либретто, ждал вестей от друга, ждал его самого... Но писем больше не было. А потом пришла страшная весть. Ей не верили ни Жиганов, ни другой друг поэта, Ахмед Файзи... В 1947 году они написали оперу «Поэт», посвятив ее Мусе. Они тогда еще не знали ничего о его судьбе, знали только одно: Муса был среди тех, кто и умирая думает о своей Родине. Они знали, что Муса отдаст жизнь за Родину, но никогда не предаст Родины. Факты оказались красноречивее вымысла. Файзи и Жиганов сели за новую оперу о своем друге. Они понимали, что какие бы слова они ни сочинили для арий Мусы, все будут бледнее тех, которые написал сам Джалиль в своей «Моабитской тетради». И в опере «Джалиль» («Муса») арии поэта написаны на текст его стихотворений, а эпиграфом к каждой картине служат строки его стихов. Опера по форме напоминает ту, о которой писал Джалиль в письме Жиганову: в ней мало героев и всего два акта.

Поставили спектакль заслуженный деятель искусств РСФСР Б. А. Покровский и молодой режиссер Татарского оперного театра Георгий Миллер. Заглавную партию поют главный режиссер Татарского оперного театра заслуженный артист РСФСР Н. К. Даутов и студент IV курса Казанской консерватории Идеал Ишбуляков.

О Джалиле также написана Н. Исанбетом на татарском языке трагедия, а в Театре имени Качалова с успехом идет героическая драма Р. Ишмуратова «Бессмертная песнь».

Будет сложено еще много песен, стихов, пьес о Мусе Джалиле. Но не удивительно, что первые произведения о Джалиле написаны людьми, лично знавшими поэта-героя, написаны здесь, в Казани, где так много связано с ним.

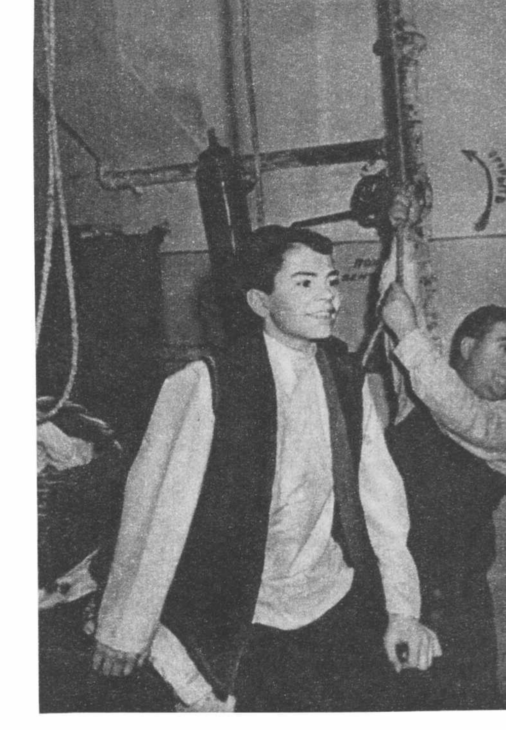
Актеры со стажем

Когда в 1918 году молодежь пролетарского Казанского Заречья организовала драмкружок, «актеры» взяли на себя все функции. Кто писал на серой оберточной бумаге афиши, кто старательно расставлял в собственной тесной комнатушке мебель так, чтобы товарищи могли репетировать... Были нелегки и актерские задачи: все женские роли играли парни!

Постепенно кружок окреп, в него пришли женщины, появилось помещение, стали готовить большие спектакли по пьесам национальных и русских советских драматургов, классику, ставили и музыкальные пьесы с балетом, хором, оркестром...

Участники отдавали кружку все свободное время. Здесь они влюблялись, женились, старели. Иные уходили с завода учиться, но прибегали после лекций на репетиции; получив диплом и новую профессию, вновь возвращались на завод и опять продолжали свою работу в театральном коллективе. Вместе с ними приходили в кружок жены, братья, дети. Сейчас в кружке полная «семейственность»: вот супруги Саиновы — их сценический стаж более 70 лет, или супруги Каримовы — это еще молодая пара; у нее не только сценический, но и жизненный стаж не насчитывает 50 лет. Здесь и братья Алеевы: по возрасту старше Вадим, студент 1-го курса, но сценического опыта больше у школьника Игоря: он в детскую танцевальную группу пришел на три месяца раньше брата. Альфия Гайнутдинова и Бибинур Валиахметова — это, правда, не одна семья, но сцена так сдружила девушек, что их уже называть стали «сестрички».

Театральный коллектив Дворца культуры Кировского района покажет в Москве татарскую музыкальную комедию «Башмачки» (музыка Д. Файзи). В этой комедии есть все для того, чтобы понравиться зрителю: хорошая музыка и веселый сюжет, любовь и сатира, победа больших чистых чувств и разума, посрамление темных сил. Поэтому зритель с удовольствием смотрит спектакль, с удовольствием играют актеры. Молодые и старые казанцы — энтузиасты театрального искусства — покажут свой любимый спектакль столичному зрителю. Отнюдь не собираясь стать профессиональными актерами, они хотят, чтобы москвичи знали: у татарского народа есть хорошие песни и есть кому их спеть, у него есть хорошие танцы, и он их любит и умеет танцевать. Участники декады хотят, чтобы знали все, какую богатую социалистическую культуру создал за годы Советской власти татарский народ.

За кулисами спектакля «Башмачки» Д. Файзи. Дворец культуры Кировского района.
В ожидании выхода на сцену. Игорь Алеев и один из руководителей коллектива, К. Мухаметжанов.

Для такого опытного «актера», как Габдула Бухараев, сценический стаж которого 40 лет, важна каждая деталь. М. Гайнуллина напоминает об этом своему многолетнему партнеру.

Чей костюм лучше?

„ЛАЙФ"

Под снимком в «Лайфе» была такая подпись: «Жилищное строительство с использованием гигантских портальных кранов для подъема стройматериалов ведется в юго-западной части Москвы. Все это строится для технической и управленческой элиты. Простые рабочие получают менее привлекательные жилища».

В феврале нынешнего года американский журнал «Форчун» удивил своих читателей сногсшибательными открытиями. По утверждению господ Джильберта Бэрка и Сэнфорда Паркера, авторов пространного сочинения, названного редакцией докладом, в СССР, во-первых, господствует капитализм, во-вторых, этот капитализм потрясен кризисом и, в-третьих, опережающее развитие тяжелой промышленности Советского Союза в конце концов разрушит его экономику.

Необыкновенные открытия «Форчуна» пришлись по душе редакции другого, тоже американского и претендующего на солидность журнала — «Лайфа». Поспешно перепечатав вышеупомянутый доклад, «Лайф» для занимательности сопроводил его снимками Дана Вейнера. Не скроем, иллюстрации исполнены по всем правилам фотографического искусства и занимают большую площадь на журнальных страницах. Настолько большую, что даже реклама оказалась оттесненной со своих обычно неприступных позиций.

Последующие события показали, однако, что с достоверностью открытий «Форчуна» далеко не все благополучно. Нам не известно, сколько читательских писем с выражением сомнений в научной ценности и обоснованности исследований господ Бэрка и Паркера поступило в редакцию. Известно только, что уже в апрельском номере журнал вынужден был напечатать письмо своего читателя Генри Липпитта, посетившего в августе прошлого года Советский Союз. Автор письма без околичностей указывает редакции «Форчуна», что она принимает «желаемое за действительное». На основании личных наблюде-

ГОВОРИТ

ний и знакомства с экономикой, наукой и культурой СССР Липпитт пришел к выводу, что «Форчун», печатая сочинения, подобные доклада Бэрка и Паркера, «оказывает дурную услугу, пытаясь списать со счетов почти невероятные успехи, достигнутые Советским Союзом в последние годы».

Неизвестно, собирается ли «Лайф» перепечатать также и письмо Генри Липпитта. Рассуждая логично, следовало бы это сделать.

Оставим вопрос о перепечатке письма Липпитта на усмотрение редакции «Лайфа» и вернемся к некоторым проблемам собственного нашего существования, освещенным в таком драматическом аспекте на страницах этого журнала. Авторы доклада ставят следующие «смертельные вопросы». Может ли советская экономика продолжать свое существование и расти? Способен ли Советский Союз найти рабочую силу для новых заводов? Сможет ли наша наука идти наравне с западной? Смеют ли советские люди рассчитывать на победу в экономическом соревновании с Соединенными Штатами Америки?

Легко догадаться, что «Лайф» дает отрицательные ответы на все эти вопросы. Все искусство здесь в том и состоит, чтобы самому изобрести «смертельные вопросы» и самому ответить на них. Это напоминает гадание на картах в одиночку. Вы хотите получить приятный ответ? Разложите карты по своему желанию, и они скажут вам то, что вы загадали. Вам приятно услышать, что «советская производительная система находится на грани краха»? Подтасуйте карты-факты — и будете довольны. Достаточно внушить себе, что износ оборудования в СССР превосходит капиталовложения в новую технику — хотя это никак не вяжется с действительностью, — и сам собою напрашивается вывод: плохо, ох, как плохо дело с развитием производительных сил в Советском Союзе! Достаточно предположить, что на целинных землях в Казахстане и на Алтае в неопределенном будущем возможна засуха, и позволительно объявить победу СССР на зерновом фронте в 1956 году неудачей, поражением.

Принимая желаемое за действительное, «Лайф» во всеуслышание объявляет: «Производительность советской промышленности должна

расти медленнее с нынешнего времени». Это уже похоже не только на гадание, но и на заклинание.

Не объясняется ли такая неосмотрительность в обращении с фактами со стороны господ из «Лайфа» тем, что намерение советского народа превзойти США в уровне производства на душу населения все более вырисовывается как реальная перспектива и как одно из непреложных и закономерных явлений истории двадцатого века?

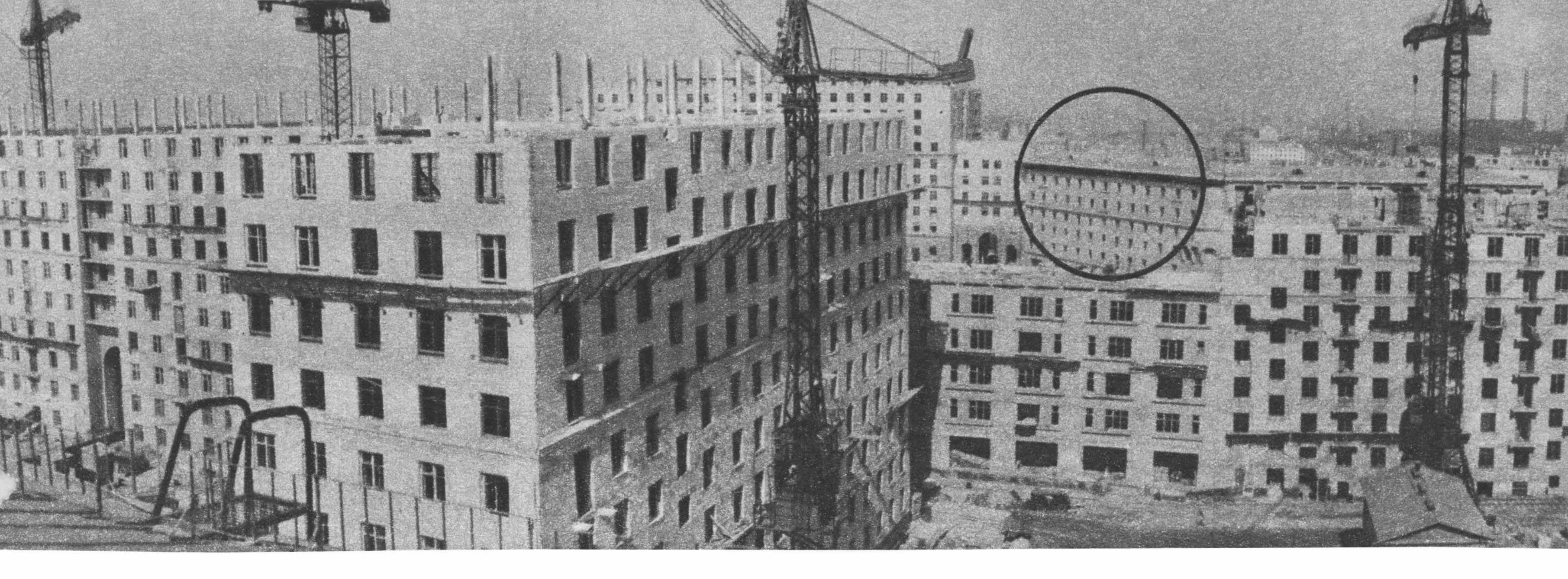
Авторы опубликованного в «Лайфе» доклада всемерно подчеркивают различие в уровнях производства США и Советского Союза. Что же, мы не закрываем глаза на то, что США — очень богатая страна и нам придется много потрудиться, прежде чем сравняться с ними, а потом и превзойти. Мы, возможно, не совсем правильно иногда говорим, что мы «отстали от США». Мы не были никогда на одном уровне, и поэтому наше отставание следует рассматривать только в историческом смысле. Реальные же исторические условия сложились для народов СССР так, что наша страна в прошлом не могла выйти вперед в экономике и технике. Известно, например, что обе мировые войны нанесли нам колоссальный ущерб, огромные разрушения, тогда как для США они были источниками обогащения. Мы знаем, что ни одна гитлеровская бомба не упала на американскую землю, тогда как значительная территория нашей страны подверглась опустошению в годы фашистского нашествия. Из сорока лет жизни Советского государства лишь половина этого периода приходится на мирное строительство.

Все это, конечно, известно авторам доклада, напечатанного в «Лайфе». Более того, им, конечно, известно, что теперь Советский Союз — вторая по промышленной мощи держава мира после США, тогда как старая Россия занимала одно из предпоследних мест. Известен им также и тот факт, что темпы индустриального развития СССР, темпы роста производительности труда в советской промышленности, несмотря на указанные неблагоприятные условия, намного выше, чем в США. Не так давно это засвидетельствовал такой убежденный противник коммунизма, как профессор Калифорнийского университета Гейленсон. В своей книге «Производительность труда в промышленности СССР и США», вышедшей в 1955 году в Нью-Йорке, Гейленсон вопреки желанию редакции «Лайфа» признал, что в росте производительности труда СССР шагает втрое быстрее, чем Соединенные Штаты.

Явно в затруднительном положении оказался «Лайф», затронув проблему науки. Тут ему не нашлось сказать ничего другого, как то, что в СССР существует «культ ученых». Оказывается, только благодаря «неестественному» уважению к науке в СССР в 1955 году, как признает сам «Лайф», подготовлено в два с лишним раза больше инженеров и ученых, чем в США. Весьма оригинально объясняют Бэрк и Паркер «наплыв наиболее талантливой советской молодежи в науку». Все дело, видите ли, в том, что ректоры университетов в СССР пользуются автомобилем, услугами шофера, дачей и прочими благами. Десятки и сотни тысяч советских юношей и девушек, по мнению «Лайфа», устремляются в науку с намерением стать ректорами университетов! Какое глубокое проникновение в душу и сердце нашей молодежи!

Искусство саморазоблачения собственной несостоятельности достигает вершины, когда господа из «Лайфа» берутся доказать наличие неразрешимых противоречий между состоянием промышленности и развитием советской науки. Какую виртуозность обнаруживают авторы доклада в такой формулировке: «Там, где советская промышленность хромает, советская наука все еще, можно сказать, скачет, хотя как-то неустойчиво»!

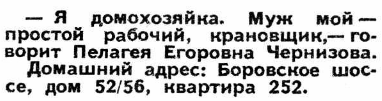
Посочувствуем «Лайфу»! Нельзя, зная о первой атомной электростанции и самом мощном синхрофазотроне, вычеркнуть достижения советских физиков, математиков, химиков. Невозможно, говоря о синхрофазотроне, забыть, что для постройки его нужна кое-какая техника. Нельзя игнорировать свидетельства ученых с мировыми именами, в том числе и американских, отдающих должное советской науке. В те

С большим трудом мы нашли то место, с которого фотографировал корреспондент «Лайфа». Теперь здесь уже многое изменилось: там, где было всего три этажа, стало десять, там, где не было ничего, выросли три этажа.
И на американском и на нашем фотоснимке виден один и тот же дом. Мы обозначили его. Заглянем в одну из квартир этого дома.

— Нет, здесь живут не только рабочие. Я бывший колхозник. Отец мой — колхозник, мать — колхозница. Вы о «Лайфе»? Когда я начал учить детей в школе, я мог простить все, кроме одного, — лжи. Как думаете, поймут меня американцы или это слишком иносказательно? — так говорил нам каракалпак Кабул Максетов, в прошлом колхозник, ныне аспирант. Он живет в общежитии аспирантов Академии наук СССР.
Мы прошли в другой дом юго-западного района столицы, и на вопрос о том, кто здесь живет, в восьми случаях из десяти услышали ответ:
— Рабочий.

— Я домохозяйка. Муж мой — простой рабочий, крановщик,— говорит Пелагея Егоровна Чернизова. Домашний адрес: Боровское шоссе, дом 52/56, квартира 252.

самые дни, когда журнал «Форчун» опубликовал доклад Бэрка и Паркера, американский физик-атомник Эдвард Теллер писал в «Нью-Йорк таймс»: «Сегодня Россия бросает вызов нашему ведущему положению в науке... Через десять лет самые лучшие ученые мира будут находиться в России...».

Но ведь это возможное и действительное, а не желаемое! Редакция «Лайфа» не может смириться с тем, что объективные факты не отвечают ее желанию! И, естественно, не может она признать, что одна из непреложных истин нашего века заключается в том, что развитие науки, технический прогресс и экономическая мощь больше чем когда-либо между собою связаны, неразрывны, взаимно обусловливают общее поступательное движение. Какое дело редакторам «Лайфа», связано это или не связано?

Решив желаемое выдать за действительное, «Лайф» именует общественно-политический строй в СССР капитализмом. А раз капитализм,— должны быть кризисы. Что же это за капитализм без кризисов? Раз капитализм,— должны быть неразрешимые внутренние противоречия. Как же иначе? Взяв в руки аршин, надо мерить. Господа из «Лайфа» отважились мерить нас на свой аршин. Как видно, не всегда это приносит успех.

Так как материал «Лайфа» богато оснащен цифрами и не менее богато иллюстрирован, мы обратились к заместителю начальника Центрального Статистического Управления при Совете Министров СССР Л. Володарскому с просьбой прокомментировать приводимые цифровые данные, а корреспонденты «Огонька» Юл. Семенов и О. Кнорринг побывали в местах, которые в свое время посетил Дан Вейнер. Мы печатаем статью Л. Володарского и помещаем снимки, сделанные по следам фотокорреспондента журнала «Лайф».

ЧТО ГОВОРИТ СТАТИСТИКА

Заместитель начальника ЦСУ при Совете Министров СССР

Л. ВОЛОДАРСКИЙ

Мне лично не известно, какими источниками пользовались сотрудники американских журналов «Форчун» и «Лайф», чтобы доказать «кризисное состояние» советской экономики. Статистический анализ материала показывает, что источники эти весьма ненадежны. В журналах приведено много цифр, но лишь отдельные из них совпадают с действительными. В абсолютном своем большинстве приведенные цифры ничего общего с действительностью не имеют. Это дает мне основание и право подвергнуть сомнению научную ценность того, что преподнесено читателям «Форчуна» и «Лайфа» в качестве доказательства сделанных заранее выводов, а значит, отмести как ненаучные и сами выводы.

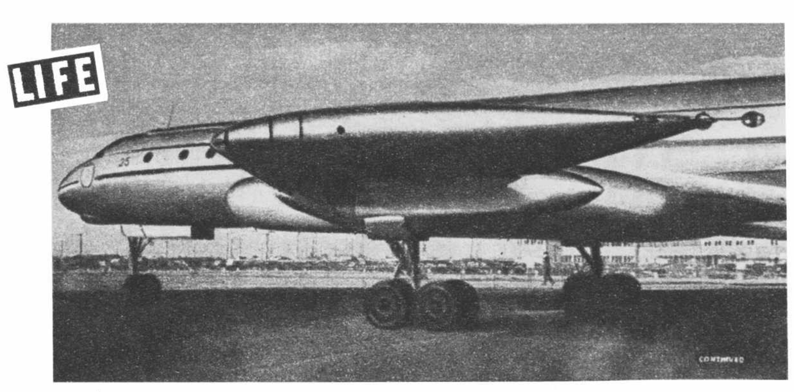
Начну с цифр, относящихся к капиталовложениям и военным расходам. Авторы статьи утверждают, что военные расходы СССР составляют 33 миллиарда долларов в год и равны затратам на капиталовложения. На самом же деле положение рисуется совсем иначе. Расходы на военные нужды неуклонно снижались в нашей стране и в нынешнем году составят 96,7 миллиарда рублей (24,2 миллиарда долларов). Это на 15,4 миллиарда рублей меньше,

— Да ну их с их «Лайфом»! — машет рукой З. М. Ефимова, жена мастера завода, дочь столяра.— К Сережке из поликлиники пришли, это поважней. Что? Пишут, что в нашем районе избранные живут? Что ж, верно. Мы и есть в таком случае избранные. Мы, рабочие.
Домашний адрес З. М. Ефимовой: Боровское шоссе, дом 52/56, квартира 277.

Во дворе этого же дома мы показали журнал «Лайф» ребятам. Школьники перевели подписи под фото.
— Это же курам на смех! — долго и весело хохотали они.

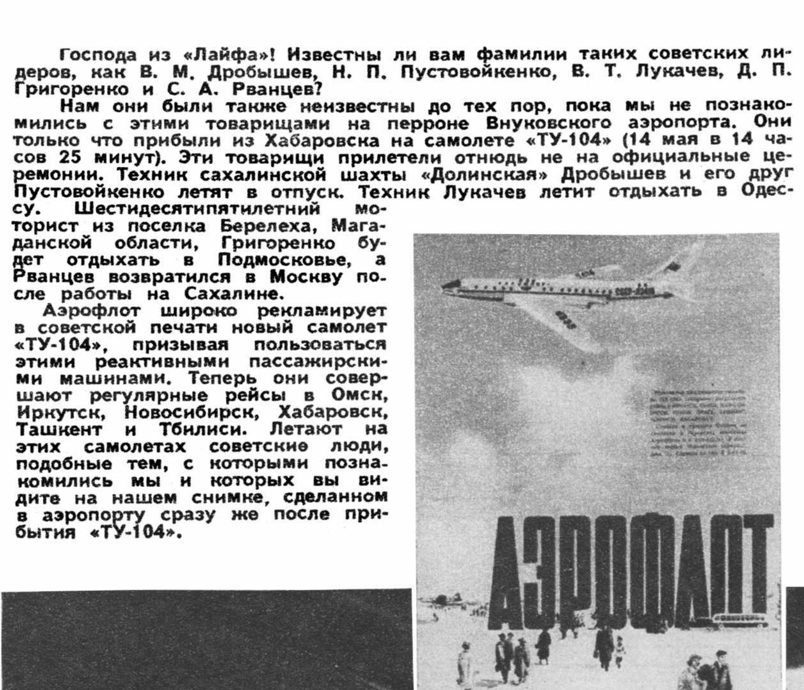

Подпись под американским фото гласит: «Хороший образец пропаганды — новый реактивный самолет «ТУ-104», на котором советские лидеры летают по всему миру на официальные церемонии».

Господа из «Лайфа»! Известны ли вам фамилии таких советских лидеров, как В. М. Дробышев, Н. П. Пустовойкенко, В. Т. Лукачев, Д. П. Григоренко и С. А. Рванцев?

Нам они были также неизвестны до тех пор, пока мы не познакомились с этими товарищами на перроне Внуковского аэропорта. Они только что прибыли из Хабаровска на самолете «ТУ-104» (14 мая в 14 часов 25 минут). Эти товарищи прилетели отнюдь не на официальные церемонии. Техник сахалинской шахты «Долинская» Дробышев и его друг Пустовойкенко летят в отпуск. Техник Лукачев летит отдыхать в Одессу. Шестидесятипятилетний моторист из поселка Берелеха, Магаданской области, Григоренко будет отдыхать в Подмосковье, а Рванцев возвратился в Москву после работы на Сахалине.

Аэрофлот широко рекламирует в советской печати новый самолет «ТУ-104», призывая пользоваться этими реактивными пассажирскими машинами. Теперь они совершают регулярные рейсы в Омск, Иркутск, Новосибирск, Хабаровск, Ташкент и Тбилиси. Летают на этих самолетах советские люди, подобные тем, с которыми познакомились мы и которых вы видите на нашем снимке, сделанном в аэропорту сразу же после прибытия «ТУ-104».

чем было предусмотрено бюджетом на 1955 год. Что касается суммы капиталовложений, то она в текущем году достигает 178,8 миллиарда рублей (44,7 миллиарда долларов). Таким образом, капиталовложения превышают военные расходы в 1,8 раза.

В целях полного восстановления истины следует добавить, что объем инвестиций в СССР характеризуется не только размером капиталовложений, определенных бюджетом. Все вложения в народное хозяйство СССР в 1957 году, например, измеряются суммой, превышающей 376 миллиардов рублей и почти в 4 раза превосходящей затраты на оборону.

«Лайф» берет под сомнение факт более быстрого темпа развития СССР, тогда как этот факт несомненен. Обратимся к данным.

За 27 лет (1930—1956 годы) среднегодовой темп прироста промышленной продукции в СССР составил 11,5 процента, тогда как в США—3,3 процента. За одиннадцать предвоенных лет (1930—1940 годы) в среднем за год промышленное производство в СССР увеличивалось на 16,5 процента; в США—на 1,2 процента. За одиннадцать лет после второй мировой войны (1946—1956 годы) темпы роста промышленного производства в США несколько увеличились в результате гонки вооружений. Следует иметь в виду, что в течение этого периода в СССР шла огромная восстановительная работа, которой не пришлось вести в США, но, тем не менее, разрыв в темпах сохранился в пользу СССР. За этот период среднегодовой прирост продукции промышленности СССР составил 13,1 процента, а в США — 2,7 процента.

Наша страна переживала серьезные трудности в производстве зерна. Минувший год можно считать решающим в смысле преодоления этих трудностей. Как известно, валовой сбор зерна в 1956 году превысил сбор предыдущего года примерно на 20 процентов, что дало возможность заготовить более 3,3 миллиарда пу-

В «Лайфе» написано: «Эмиль Чапидзе руководит заводом шампанских вин в Тбилиси, который выпускает в год 6—7 миллионов бутылок шампанского, преимущественно употребляемого управленческим классом».

На нашем фото вы видите рабочего Второго часового завода Н. П. Головкина и учителя В. Д. Москалева. Окончив работу, они зашли в магазин шампанских вин. Сцену, подобную этой, можно увидеть во многих других магазинах, где шампанское продают в розлив, бокалами. Цена 100 граммов — 3 рубля 29 копеек.

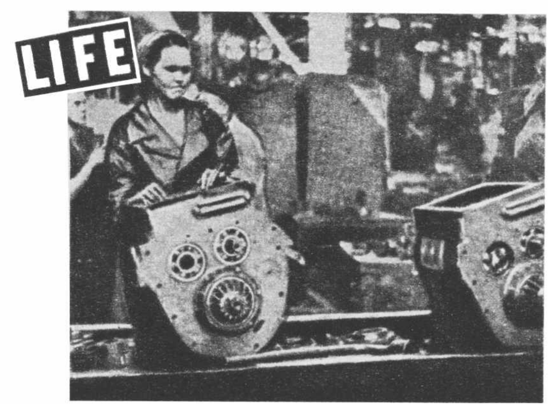
— А что? — заявили нам Головкин и Москалев.— «Лайф» правильно пишет. Мы и есть управляющий класс. Кому же, как не нам, шампанское пить!

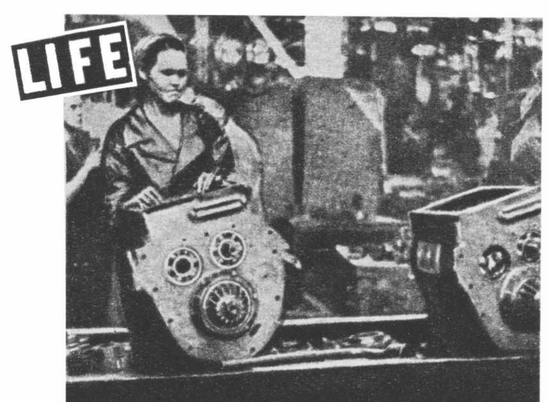
дов зерна, то есть на 1 миллиард с лишним превзойти заготовки 1955 года. Какой урожай будет в нынешнем году, говорить преждевременно. Кстати, и «Лайф» не называет никакой цифры, а занимается пророчеством. Опровергать же пророчества — не дело статистика.

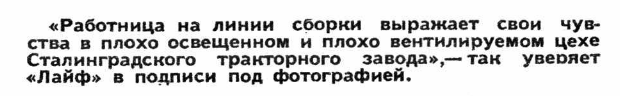
Есть, однако, такая область экономики, где цифры могут опровергнуть мрачные предсказания «Лайфа». Американский журнал пугает нас угрозой инфляции. Объективным людям мы предлагаем вдуматься в такие цифры. Розничный товарооборот в прошлом году в СССР возрос на 9 процентов, а в текущем году возрастет (это не пророчество, а реальный план) на 10,5 процента. Если перевести проценты в абсолютные цифры, получается, что в прошлом году населению было продано товаров на 45 миллиардов рублей больше, чем в 1955 году. В текущем году намечено продать на 57 миллиардов больше, чем в прошлом году (без комиссионной торговли). Понятно, что эти данные приведены в сравнимых ценах.

Нет нужды приводить данные по снижению цен в государственной и кооперативной торговле. Они достаточно хорошо известны. Что касается цен на колхозных рынках, то, несмотря на колебания, в последние годы ясно проявилась тенденция к снижению цен на ряд основных продуктов питания. В минувшем году, например, на колхозных рынках крупных городов мясные продукты снизились в цене на 11 процентов, масло животное — на 25 процентов, хлебопродукты — на 14 процентов, картофель — на 12 процентов. Не скрою, что спрос населения на некоторые товары покрывается еще не полностью. Объясняется это тем, что платежеспособность населения неуклонно повышается.

«Лайф» утверждает, что реальная заработная плата в СССР еще не достигла уровня 1928 года. Чем обосновано такое утверждение, для меня осталось загадкой, как я ни старался вникнуть в цифровые материалы самого «Лайфа». Мне известно, что производство предметов потребления с 1928 года возросло в СССР почти в 9 раз. Невозможно представить себе, как это могло произойти, если бы реальная заработная плата осталась стабильной, не говоря уже о снижении. С 1940 го-

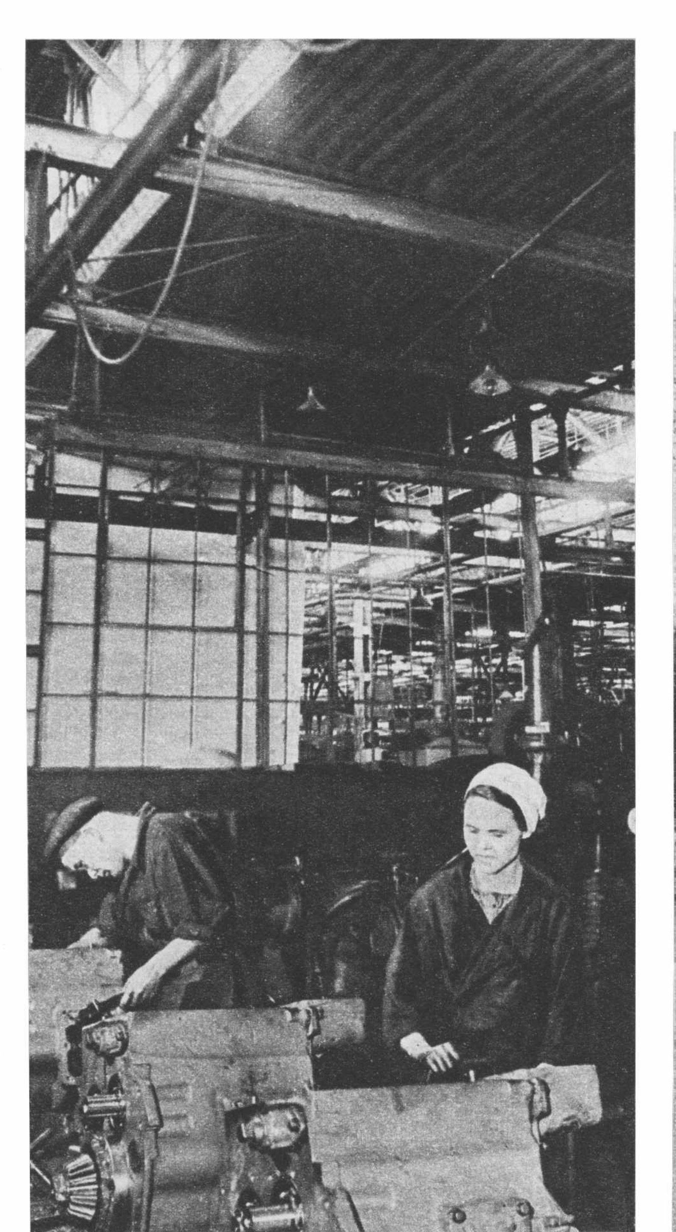
«Работница на линии сборки выражает свои чувства в плохо освещенном и плохо вентилируемом цехе Сталинградского тракторного завода»,— так уверяет «Лайф» в подписи под фотографией.

Мы познакомились с этой женщиной. Ее зовут Людмила Васильевна Котелевская. Домашний адрес: Сталинград, СТЗ, Верхний поселок, улица Борьбы, дом 13, квартира 5.

«Лайф» пишет, что Людмила Васильевна работает в плохо освещенном и плохо вентилируемом цехе. По случайному совпадению, господин Вейнер, именно этот цех, который вы соизволили сфотографировать, чуть ли не единственный уцелевший после войны цех, был построен в 1929 году американскими инженерами.

— Вы понимаете,— сказала нам Л. В. Котелевская,— если бы я встретилась с господином Вейнером, уж я бы выразила ему свои чувства! Цех наш строили американцы, а советские инженеры после американских заново его перестраивали, крышу поднимали.

Мы только чуть выше навели объектив фотоаппарата и лишний раз убедились в том, как старательно скрыл от читателей г-н Вейнер истинную картину обновленного цеха.

Рядом с квартирой Людмилы Васильевны стоит гараж. В этом гараже — машина «Москвич» СЩ-65-64. Она принадлежит семье Котелевских.

Американский снимок сделан в городе Волжский. Подпись гласит: «Группа, одетая в испачканные известкой спецовки, охотно позирует Вейнеру».

Шестерых из этой группы мы разыскали на стройке в Волжском. Вы видите их на снимке в том же месте, где их сфотографировал Вейнер. Вот что рассказала маляр Валя Саенко (х):

— Осенью прошлого года ко мне подошел какой-то господин и предложил сфотографироваться. Я его спросила, для чего. Я ведь в рабочей спецовке. «Приходите вечером во Дворец культуры, там и фотографируйте на здоровье». «Нет,— ответил господин,— я снимаю вас без всякого умысла, я просто фотографирую вас на память».

да по 1955 год реальная заработная плата рабочих и служащих в СССР повысилась на 75 процентов. А кто же не знает, что уровень жизни в нашей стране накануне гитлеровского нашествия был выше не только уровня 1913, но и 1928 года!

Нам кажется, что любой конъюнктурный институт США, стоящий на почве фактов и точных статистических данных, может легко растолковать редакторам из «Лайфа», что угроза инфляции, так же как и угроза кризиса, в СССР никак не вяжется с действительностью, с официальной международной статистикой.

О том, насколько произвольно «Лайф» оперирует цифрами и фактами, свидетельствует его утверждение по поводу состояния жилищного строительства в СССР. Нет спора, нужда в благоустроенном жилье у нас далеко еще не изжита. Вместе с тем нельзя до такой степени искажать истину, как это делают господа из «Лайфа», заявляя, что нынешний жилищный фонд в городах СССР меньше и хуже, чем в дореволюционной России. Вот что говорит статистика: городское население России 1913 года составляло 24,7 миллиона человек, а к апрелю 1956 года численность населения городов СССР достигла 87 миллионов человек, увеличилась в три с половиной раза. Городской жилищный фонд к концу 1913 года в России измерялся 180 миллионами квадратных метров. К концу 1955 года жилищный фонд советских городов измеряется 640 миллионами квадратных метров, или в 3,6 раза превосходит прежний, дореволюционный. Количественно прирост действительно небольшой. Но, во-первых, качество домов совершенно иное, во-вторых, произошло перераспределение старых фондов в пользу трудящихся, и, наконец, разве объективный наблюдатель, добросовестно изучающий одну из жгучих проблем современности, какой для всех стран является проблема жилья, может игнорировать то обстоятельство, что Советскому Союзу пришлось заново строить сотни городов, разрушенных фашистскими ордами? Разве господа из «Лайфа» не в состоянии подсчитать, что, например, жители Сталинграда обладали бы сегодня втрое большей площадью жилья, не будь войны?

Вынужден внести также поправку в данные, сообщаемые «Лайфом» и его авторами, по поводу роста промышленной продукции и производительности труда в СССР. Уточняю: за последнюю пятилетку объем промышленной продукции в СССР возрос не на 60 процентов (цифра, кстати говоря, не так мала), а на 85 процентов. Более двух третей этого прироста получено за счет увеличения производительности труда. «Лайф» утверждает, что в пятой пятилетке среднегодовой темп роста производительности труда составил 6 процентов (тоже цифра не так уж плоха, учитывая, что в США она составляет немногим более 3 процентов), тогда как в действительности она равна 8 процентам.

Я мог бы привести и ряд других цифр и фактов. Но сказанного достаточно, для того чтобы судить о полной несостоятельности выводов указанных выше американских журналистов.

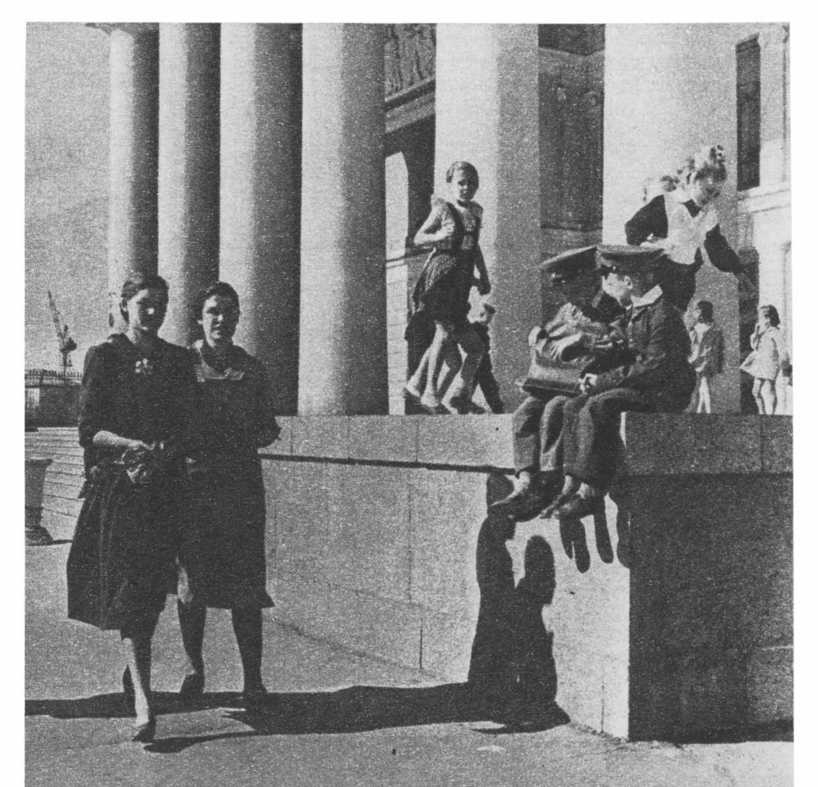
В настоящее время правительство и народ СССР заняты совершенствованием управления промышленностью и строительством. Необходимость перестройки аппарата управления вызвана не чем иным, как ростом советской экономики и усложнением задач оперативного руководства огромной индустрией и разросшимся строительством в условиях единого планового хозяйства. Как и следовало ожидать, многочисленные «критики» советской системы хозяйства из числа буржуазных экономистов пытаются в самом зародыше опорочить меры, какие проводятся в нашей стране с целью улучшения приемов ведения хозяйства и обеспечения его нового, еще более высокого по темпам развития. В подобных случаях нам следует сказать: чем больше нервничают наши недоброжелатели, тем увереннее мы должны делать свое дело. Журналу «Лайф» не нравится то, что происходит в СССР. К счастью, наше развитие и наша жизнь ни в коей мере не зависят от вкусов и симпатий хозяев «Лайфа».

Господин Вейнер, узнаете этих людей? Это Валя Саенко и Рая Кириенко.

А этих девушек? Это те же Валя и Рая направляются во Дворец культуры.

Господин Вейнер! Вы были во Дворце культуры? Или «Лайф» интересуют только лошади и грязная спецодежда?

Публикуем два снимка, сделанных с одной и той же точки в новом городе Волжский, там, где всего несколько лет назад было поле да лес и где сейчас возводится крупнейшая Сталинградская ГЭС.

Под снимком слева, сделанном американцем, дана подпись: «Типичный пример сегодняшней России: лошадь и телега на фоне грандиозной электростанции».

Если говорить о «типичном примере», то не считают ли господа из «Лайфа», что снимок, публикуемый нами, дает более типичную картину жизни города Волжский, ибо на строительстве ГЭС в городе Волжский работают 1 334 автомобиля, хотя есть тут и 176 лошадей. и вообще нам непонятно, что так удивило американца. Может быть, в США специальным законом запрещены лошади, как нечто позорящее капиталистическую систему или американский образ жизни?

ТАКОВЫ РЕЗУЛЬТАТЫ НАШЕГО ПУТЕШЕСТВИЯ ПО СЛЕДАМ ФОТОКОРРЕСПОНДЕНТА ЖУРНАЛА «ЛАЙФ».

Две точки зрения

Некоторые иностранные корреспонденты, приезжая в Москву, фотографируют для своих журналов одни московские задворки и помойки.

Лачуга ветхая на фоне грязной свалки...
Что говорить: пейзаж довольно жалкий!

А здесь мы видим дом многооконный,
Как символ нового, — жилой красивый дом.
А рядом с ним домишко обреченный,
Как знак отжившего, идущего на слом.

В одном дворе, но только с разных точек
Два снимка сделаны, чтоб показать ясней
Двух объективов субъективный почерк,
Две точки зрения на правду наших дней.

С. МИХАЛКОВ

Маленькие хищники

Бродя с фотоаппаратом по Приокско-Террасному заповеднику, расположенному на берегу Оки, я наблюдал хищных птиц.

Пушистые близнецы, так нежно прижавшиеся друг к другу, вскоре стали действующими лицами неожиданной драмы. Когда эти маленькие канюки подросли, старший стал преследовать младшего, видимо, решив несколько улучшить свой стол (обычно сильный птенец поедает слабого). Но агрессия не остается безнаказанной. В один прекрасный день, преследуя своего младшего брата, нападавший выпал из гнезда и разбился. Я заснял оставшегося в живых канючонка в тот момент, когда он избавился от брата-врага и впервые вылетел из гнезда.

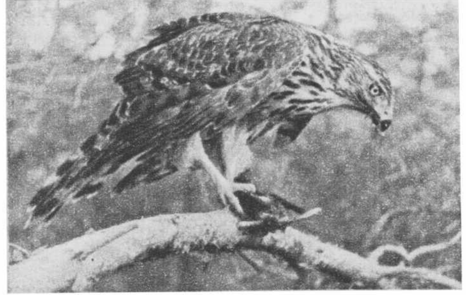
Птенец сокола-пустельги встревожен появлением человека. Единственная защита малыша — пронзительный писк.

Этот соколенок постарше. Но он не полагается еще на силу и быстроту своих крыльев и опрокидывается на спину, выставив для защиты лапы с острыми когтями.

Будущая гроза владельцев домашней птицы — коршун. Пока что он довольствуется дохлой рыбой, которую приносят заботливые родители в огромное, сложенное из толстых палок и глины гнездо.

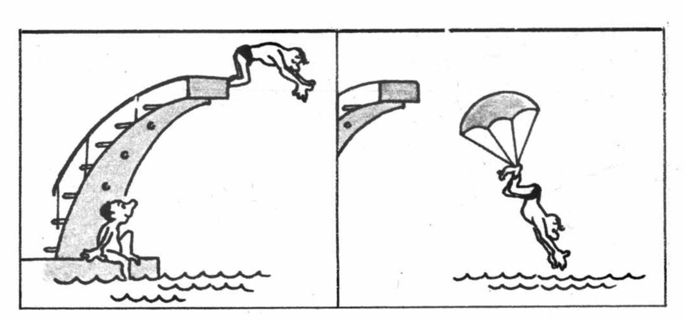

Довольно сидеть на шее у родителей! Молодой ястреб решил попытать счастья в самостоятельной охоте. Берегитесь птицы! Зазевавшийся дрозд уже в ястребиных когтях.

Е. ПАНОВ

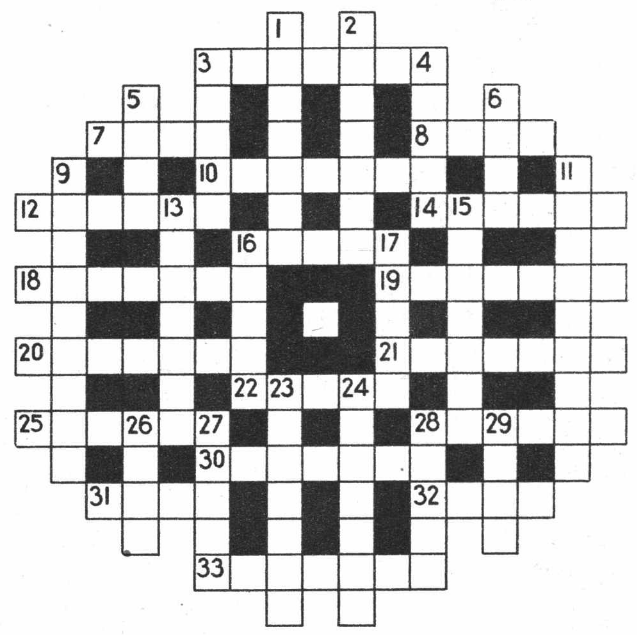
ТАТАРСКИЕ ПОСЛОВИЦЫ

Сказанное слово — пущенная стрела.
Героя рождает борьба.
Не верь улыбке врага.
Вор вору спутник.
Сегодняшний гнев не храни до завтра.
Севший на чужого коня быстро слезет.
Из одного зернышка каши не сваришь.
Отбившаяся от стада овца — жертва волка.
Малого коня хвали, большого коня запрягай.
И ниточки соединить — аркан получится.
У труса в глазах двоится, трус своего хвоста боится.
Родная страна — колыбель, чужая — дырявое корыто.
Родина жива — джигит жив, где джигиты есть — родина цела.
Возьмется народ,— озеро перенесет.
Не думай, что лошадь не лягнет, а собака не укусит.
Пусть рот будет полон крови, перед врагом не выплевывай.

ПРЫГУН-ПЕРЕСТРАХОВЩИК.
Рисунок М. Ушаца и К. Невлера.

КРОССВОРД

ПО ГОРИЗОНТАЛИ:

3. Автономная республика. 7. Поперечные нити ткани. 8. Мера скорости движения судов. 10. Положение, принимаемое без доказательства. 12. Город в Китае. 14. Американский певец. 16. Произведение И. С. Тургенева. 18. Узкий неглубокий овраг. 19. Кирпич, покрытый глазурью. 20. Месяц года. 21. Парниковое растение. 22. Олений мох. 25. Персонаж оперы А. П. Бородина «Князь Игорь». 28. Порт на Волге. 30. Советская балерина. 31. Химический элемент. 32. Река в Казахской ССР. 33. Значок на форменном головном уборе.

ПО ВЕРТИКАЛИ:

1. Область деятельности, науки, производства. 2. Одна из крупнейших рек Южной Америки. 3. Татарский народный поэт и публицист. 4. Животное семейства кошачьих. 5. Единица ритмически организованной речи. 6. Представитель южнославянского народа. 9. Разновидность бетона. 11. Заведующий общественным зданием. 13. Линейка в геодезических и астрономических инструментах. 15. Цвет. 16. Шахматная фигура. 17. Круговое движение ветра. 23. Вид изобразительного искусства. 24. Хищное животное. 26. Государство в Южной Америке. 27. Областной центр РСФСР. 28. Ткань для вышивки. 29. Военный сигнал.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 20

ПО ГОРИЗОНТАЛИ:

5. Проектор. 6. Очеркист. 8. Определение. 11. Инкоу. 14. Керес. 15. Увлечение. 16. Килогерц. 17. Значение. 18. Либретто. 20. Ассонанс. 24. Пикировка. 25. Кефир. 26. Штрих. 29. Калибровщик. 30. Распашка. 31. Оптимист.

ПО ВЕРТИКАЛИ:

1. Окапи. 2. Грядущее. 3. Посланец. 4. Архив. 5. Паганини. 7. Теннесси. 9. Хореография. 10. Сердечность. 12. Сверстник. 13. Гимнастка. 19. Инжектор. 21. Нумизмат. 22. Дикобраз. 23. Тонконог. 27. Фасад. 28. Пиния.

На вкладках этого номера: репродукция картины Н. Чебакова «Павлик Морозов», четыре страницы репродукций картин художников Татарии и 3 страницы цветных фотографий.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ. Редакционная коллегия: В. Ф. БАРЫКИН, А. С. ВАРШАВСКИЙ, И. П. ГОРЕЛОВ, Н. Н. КРУЖКОВ, Л. А. КУДРЕВАТЫХ (зам. главного редактора), Л. М. ЛЕРОВ, Е. Н. ЛОГИНОВА, Т. З. СЕМУШКИН, И. А. УРАЗОВ.

Адрес редакции: Москва, Д-47, ул. «Правды», 24. Рукописи не возвращаются. Оформление Л. Шумана.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — Д 3-38-61; Отделы: Внутренней жизни — Д 3-39-07; Международный — Д 3-38-63; Искусств — Д 3-38-67; Литературы — Д 3-31-83; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 3-38-65; Юмора и сатиры — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-35-48; Оформления — Д 3-38-44; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 05203. Подписано к печати 16/V 1957 г. Формат бум. 70×108⅛. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л. Тираж 1 200 000. Изд. № 567. Заказ № 1174.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, Д-47, ул. «Правды», 24.

НА РЫБАЛКУ.

Фото Б. Кузьмина.

Цена номера 3 руб.

